

ДЕТЕКТИВ НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

ТРИ РОМАНА ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ!

Татьяна УСТИНОВА
Татьяна ПОЛЯКОВА
Анна и Сергей ЛИТВИНОВЫ

Великолепные детективные истории

Татьяна Полякова

Детектив на пороге весны

«ЭКСМО»

2004, 2006, 2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Детектив на пороге весны / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2004, 2006, 2015 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-166083-3

Весна — время новых начинаний, впечатлений, путешествий и знакомств. Время любви и захватывающих дух приключений! Вот и наши любимые авторы — Татьяна Устинова, Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы — решили порадовать нас незабываемыми весенними историями в своих остросюжетных романах. Вместе с их героями мы снова разгадаем хитроумные головоломки, которые с такой щедростью и изобретательностью подкидывает нам жизнь. Читайте и заряжайтесь оптимизмом! В книге представлены три детективные истории: «Закон обратного волшебства», «Небеса рассудили иначе» и «Даже ведьмы умеют плакать». Издательство «Эксмо» представляет отличный подарок к весенним праздникам — сборник «Детектив на пороге весны»! В него вошли остросюжетные романы самых популярных и любимых писателей, действие которых происходит очаровательной весной. Они увлекут захватывающей интригой, подарят по-настоящему радостное настроение, и вы убедитесь, что интересная книга — по-прежнему лучший подарок!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166083-3

© Полякова Т. В., 2004, 2006, 2015

© Эксмо, 2004, 2006, 2015

Содержание

Татьяна Устинова	7
Конец ознакомительного фрагмента.	120

**Татьяна Устинова, Наталья
Полякова, Анна и Сергей Литвиновы**
Детектив на пороге весны
Сборник

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Татьяна Устинова

Закон обратного волшебства

*Гертруда и Роналд обвенчались. Счастье их было безоблачным.
Что тут можно еще добавить?
Да, еще вот что. Через несколько дней граф был убит на охоте.
Графиню поразила молния. Дети утонули.
Итак, счастье Гертруды и Роналда было совершенно
безоблачным.
Стивен Ликок, «Гувернантка Гертруда, или Сердце
семнадцатилетней»*

На глаза ему попала красивая девушка, и он стал смотреть на нее – чтобы хоть куда-нибудь смотреть! Кроме того, смотреть на нее было приятно, она как будто из журнала выско-чила.

Из такого – он пошевелил лбом, подгоняя умные мысли поближе, – из такого... как это называется-то?

Ну, картинки красивые и на обложке непременно ангельское личико, а по бокам заго-ловки: «Шестнадцать способов соблазнить шефа», «Роскошные ресницы – счастливая судьба, новая удлиняющая тушь от...», «Весна – время заняться фигурой», «Загляни ему в душу».

Последнее, про душу, ему особенно нравилось, учитывая, что путь то ли к этой самой душе, то ли к сердцу пролегал через желудок. Каково это – заглянуть в душу через желудок? Красота небось откроется, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Как же называется-то это все?..

Ах, да! Глянец, вот как! Гламур, вот еще как.

Девушка, выскочившая из глянца или гламура, обежала свою машинку, похватила с зад-него сиденья сумочку, зонтик и еще что-то очень дамское, побежала, на ходу натягивая обу-женную донельзя светлую дубленку, не глядя, вытянула руку с брелком. Машинка подмигнула фарами, как будто попрощалась с ней.

Он зевнул, чуть не вывернув челюсть, и захлопнул рот – зубы клацнули.

Спешит она. Торопится. На работу, должно быть, опаздывает. Он подчиненных за опоз-дания гонял в хвост и в гриву, и мысль о том, что она опаздывает, доставила ему удовольствие.

«Вот работала бы она на меня, – мечтал он. – Вот опоздала бы, а я бы вызвал ее, и давай мозги вправлять! Я бы вправлял, а она бы краснела, мялась, негодовала, стреляла своими гла-зищами. Шестнадцать способов соблазнить шефа!..»

Но девушка повела себя странно. Она перебежала дорогу, ввинтилась в толпу на трол-лейбусной остановке и на некоторое время пропала из глаз. Он все смотрел, позевывая. Подо-шел троллейбус.

Он был переполнен уже в тот момент, когда подходил, да еще столько же народу, сколько было внутри, собиралось штурмовать его снаружи – и глянцева девушка тоже!

Он ее увидел. Сделав решительное лицо, она сунула под мышку сумочку, получше укре-пила в руке зонтик, одернула кургузый пиджачок и бросилась на штурм.

Штурм был краток и страшен.

Все лезли, ругались, пихали друг друга локтями в бока, тащили за одежду. Одежда тре-щала и рвалась. Лица наливались кровью и ненавистью. На мокрый асфальт летели пуговицы и проклятия.

Троллейбус постоял-постоял, а потом вздохнул и поехал – двери не закрывались, и от народа его кренило на одну сторону, вот-вот «рожки» слетят.

И чего ей на машине не ехалось?.. Чего лучше, сиди себе, слушай музыку, что-нибудь возвышенное и гламурное, к примеру, «тонкий шрам на любимой попе, рваная рана в моей душе», подпевай да продвигайся потихоньку.

Лишь солнце взойдет, собирайся в дорогу и следом за ним поезжай понемногу. Покуда вернется оно в небеса, объедешь ты в двадцать четыре часа.

На самом деле – отличный лозунг для участников и регулировщиков московского движения. Двадцать четыре часа в машине, и это еще не предел! Вы можете сделать больше!..

Скособоченный троллейбус уехал, а он остался, и смотреть ему стало не на что.

На кого-то она похожа, та странная девушка. На кого-то из книжки или с картинки. А может, из телевизора.

Нет, он не мог вспомнить, на кого именно.

Человек, наблюдавший за ним издалека, усмехнулся, заметив мечтательное выражение, мелькнувшее на простецкой и не отягощенной интеллектом физиономии. Должно быть, мечтает, как тюлень на лежбище.

О чем может мечтать тюлень на лежбище?..

Этот тюлень сослужит свою службу, участь его решена. За несколько вонючих тухлых рыбок он станет выделять всякие трюки и фокусы, крутить на носу мяч, беспомощно загребать ластами манеж и обиженно реветь, не понимая, что происходит, когда его тушу поволокут на убой.

Жалко, конечно, – такой отличный экземпляр, еще не подпорченный никакой цивилизацией! – но что поделаешь! Задуманное предприятие потребует жертв. На роль жертвы тюлень подходил идеально.

Из подъезда вышла бывшая тюленева жена, посмотрела вверх – на небо, посмотрела в стороны – на дома.

Посмотрела на тюленя, при этом лицо у нее приняло странное, как будто жалостливое выражение, впрочем, едва заметное. Потом она мазнула глазами и по его машине, совершенно равнодушно, впрочем. И наконец перевела взгляд себе под ноги, прикинула, куда шагнуть. Как раз вовремя, потому что под ногами у нее простиралась огромная лужа, плескалась и важно ходила в асфальтовых берегах. На жене были короткие белые замшевые сапожки и некий «макинтош», как определил он для себя, – что-то летящее, взмывающее, изнутри подбитое тонким светлым мехом, а снаружи атласное, расшитое яркими восточными цветами.

Тюленева жена была женщина со вкусом.

– Илюша! – негромко сказала она в сторону «мерина», в котором вздыхал и ворочался тюлень. – Илюша!

Илюша, ясное дело, ни слова не слышал. Зевал по сторонам, и радио у него играло громко. Почему-то все из их тюленьего племени обожают именно громкую музыку и именно «мерины». В их тюленьи головы даже не приходит, что музыка может быть тихой и ненавязчивой, а машина – не «мерин».

Жена вытащила из кармана волшебного «макинтоша» крохотный белый телефончик на жемчужной петельке, как в рекламе, нажала кнопку и стала ждать.

Телефон соединился, тюлень заворочался и завозился с удвоенной силой, нашел свой аппарат и спросил, кто там. Может, он как-то по-другому спросил, но отсюда было плохо слышно.

– Илюш, – попросила жена в телефон, – подъезжай поближе. Здесь такая лужа, я через нее не перелезу.

Илюша стал оглядываться по сторонам, очевидно, так и не поняв с первого раза, кто именно его «вызывает». Она повторила еще нежнее:

– Илюша!

Тюлень наконец сориентировался во времени и пространстве, потому что дорогуший тарантас заурчал, дрогнул, тихонько тронулся с места и остановился прямо у ножек, обутых в белые замшевые сапожки.

Открылась широкая дверь, блеснула на ярком солнце полировкой. Жена подхватила подол своего «макинтоша» и красиво опустила себя на переднее сиденье.

Вообще она все делала красиво. Красиво шла, красиво поворачивала голову, красиво разговаривала по телефону. Как пить дать, с тюленем ей было несладко. Не зря развелась, хотя она до сих пор использует бывшего, вот сегодня, как извозчика.

Наблюдавший пропустил «мерин», солидно и неспешно вырливший на проезжую часть, и, расплескивая лужу, лихо вкатил во двор.

Он все успеет. Выехав из дома, она возвращается поздно, но ему-то, чтоб взять что надо, трех минут хватит.

Он пролетел лужу, въехал в арку, задвинул машину между помойкой и шикарным лимузином.

Вот все в этой стране так, подумал он неодобрительно. С одной стороны помойка, с другой – лимузин.

С одной стороны – многоквартирный элитный дом высотой в сто пятнадцать этажей, а снег от него не убирают. Отгребают от подъездов, и только. Весной все тает, течет, льется, струится, и прямо на тротуарчики, и к подъездам, и под ноги прямо. Элитные многоквартирные жилыцы подхватывают полы своих элитных «макинтошей» и, как все простые смертные, продвигаются к машинам все больше галсами и кенгуриными прыжками.

С одной стороны – модный и пафосный ресторан с усатым швейцаром в ливрее, который величественными жестами показывает, как и куда следует шикарно припарковаться. С другой – прямо напротив ресторана – районная помойка со всеми районно-помойными прелестями – бомжами, сборщиками бутылок и бродячими собаками. Когда за помойкой приезжает машина, грузчики матерятся, машина ревет, помойка грохочет, клиенты ресторана радуются жизни.

Слева – школы, справа – больницы. Поселяне и поселянки на заднем плане носят вещи в кабак.

Какое-то время он просто постоит за лимузином, оценит обстановку. А потом поднимется в квартиру и сделает все, что задумал.

Вряд ли это понадобится, но как подстраховочный вариант вполне может пригодиться.

Он был очень предусмотрителен, всегда и во всем. Его собственная жена когда-то поражалась этой его предусмотрительности, а она еще о многом не знала и даже не догадывалась. Ничего, скоро она попляшет.

Покрутив ручку – очень неудобную, потому что шарик давно вывалился и приходилось крутить гладкую пластмассовую палку, которую пальцы никак не могли ухватить, он опустил стекло, закурил и выдохнул. В солнечном луче повисло было облачко, но дунул ветер, легкий, прозрачный, – и нет облачка.

Он умилился. Вот и весна пришла.

Если кому-то суждено умереть весной, значит, суждено. Каждый судит по-своему. Он уже осудил, значит, все решено.

Нет преступления без наказания.

Анфиса Коржикова влетела в торговый аптечный зал как раз в тот момент, когда Лида уже выдвинула из-за стойки свои монументальные формы, собираясь прошептать по ослепительно чистому полу к двери, чтобы перевернуть табличку на длинном шнурке.

Было закрыто. Стало открыто.

Опоздала, опоздала!.. Заведующая очень не любит, когда ее «девочки» вбегают на работу «с последним звонком». Надо же подготовиться как следует – халат, шапочку надеть, руки помыть, и непременно с каким-нибудь дезинфицирующим раствором.

Аптека была старинная, огромная, с ореховыми диванами, фикусами в кадках, с деревянными шкафами, полными лекарств и загадочных бутылей темного стекла, по горлышку опоясанных бумажными шарфиками. Без новомодных глупостей, типа магазинных витрин и пластиковых зеленых корзин, в которые следует набирать «товар».

«Лекарства – не товар, – говаривала заведующая наставительно. – От лекарства, бывает, человеческая жизнь зависит!»

Анфиса Коржикова любила свою работу и гордилась ею.

– Анфиса! – с удивленной укоризной воскликнула Лида, словно видела коллегу первый раз в жизни. – Что это ты так сегодня?

– Как?.. – огрызнулась Коржикова.

Заведующая ей все выскажет – непременно, – уж Лида могла бы воздержаться! Хоть и невелик грех, а выскажет. Может, даже и не сейчас, а через месяц, к примеру. Заведующая очень любила «накапливать» факты, а потом вываливать их в самую неожиданную минуту, когда все уже расслабились и о своих грехах и проступках позабыли.

– Да вот опоздала, – нараспев сказала Лида. – Все уж давно по своим местам...

Дверь за их спинами – с табличкой «Закрето» – неожиданно распахнулась, и показалась Лена Андреева. На лице у нее была тревога.

– Еще не открывала? – тяжело дыша, спросила она Лиду. – Вот и хорошо! Сегодня с троллейбусами прямо что-то жуткое.

– Это точно, – подтвердила Анфиса.

– Девочки, идите скорее, сейчас уже открываться будем.

– Да мы идем, идем!..

– Анфиска, а ты тоже в троллейбусе застряла?

– Я в метро время потеряла, – на ходу придумала Анфиса. – Вроде и встала вовремя, и будильник зазвонил, и все нормально, а в метро...

– Что в метро? – издали спросила Татьяна Семеновна. За стеллажами ее было совсем не видно. – Опять в метро?!

Все трое повернули головы в сторону стеллажей, но никакой Татьяны Семеновны не увидели.

– Девочки?! Что там в метро?!

– Да ничего, – начала Анфиса, не приготовившаяся врать дальше, – просто я говорю, что опоздала из-за того, что в метро...

– Что в метро?! – Это уже заведующая вскрикнула. Она выскочила из-за перегородки и поверх очков смотрела на них с ужасом. В руках у нее были какие-то листы бумаги, и один вдруг упал и спланировал на пол.

– Да ничего нет в метро, – на всю аптеку закричала несчастная Анфиса Коржикова, – я опоздала из-за того, что поезда долго не было. Я на платформе ждала, а его все не было, а потом пришел, и я в него не влезла, а влезла только в следующий!

В дверях маячили лица сотрудников, привлеченных криками в торговом зале. Лида смотрела на Анфису в изумлении, как будто та призналась в том, что только что встретила на улице кабана-бородавочника. Лида всегда умела оказаться на стороне начальства – даже в большей степени, чем само начальство.

Заведующая нагнулась и подняла листок.

Никто ничего не сказал вслух, но ужас, охвативший всех при слове «метро», словно повис в воздухе.

– Вот жисть какая, – сказала уборщица Нина, – это же господи спаси! Всякий день то горим, то тонем. То режут, то взрывают. А все потому, что небо космосом проткнули и сатана теперь...

– Нина! – одернула ее заведующая строго. Уборщица еще побормотала и затихла.

Заведующая оглядела свое «бабье царство» сначала поверх очков, спустив их на кончик носа, а потом снизу, задрав их на лоб.

– Девушки, все по местам. На три минуты опаздываем.

В аптеке все без исключения именовались «девушками», даже бывшая кассирша Целя Израилевна.

Она состояла на пенсии последние лет тридцать и работала фасовщицей, потому что жить без аптеки не могла. Ей было лет сто или двести, и она имела привычку время от времени спрашивать у всех, помнят ли они, как в Москву приезжала Айседора Дункан и «прелестно, прелестно» танцевала.

Все мялись и от прямого ответа уклонялись, потому что, в случае если кто Айседору Дункан в Москве не видел, Целя Израилевна пускалась в рассказы, которым не было конца. Подчас не было и начала, но ее это не смущало. При этом она нещадно курила, напоминая собой Фаину Раневскую из фильма «Свадьба», и пряталась от заведующей, которую, по ее словам, помнила «еще ма-аленькой девочкой».

«Маленькая девочка» – заведующая – с куревом всех нещадно гоняла, презирала и строгим голосом говорила, что «медицинский работник не может себе позволить такие безобразные безобразия».

– Коржикова, переодевайся, и на рабочее место, – строго сказала заведующая. – Лидия Андреевна, открывайте. Вон уже первые посетители! – и она кивнула за стеклянную дверь.

Все оглянулись. За дверью действительно маячили две тени. Эти тени – два старика из соседнего дома – приходили каждый день в одно и то же время, к открытию. Они покупали по очереди – валидол и «таблетированную валериану». Должно быть, у них был строгий график, кто из них что именно сегодня покупает. Ни на что другое у них не хватало денег, и они приходили «общаться», а валидол с валерианой покупали «из вежливости». Им казалось, что если они покупают, значит, у них есть дело, не просто так они таскаются и занятых людей от работы отвлекают.

Аптечные «девушки» жалели и любили их, особенно Целя Израилевна, которая рассказывала им, какой дивный магазин «Пуговицы» стоял на том самом месте, где нынче построили гостиницу «Минск». Впрочем, старики были ненавязчивы и интеллигентны, особенно никому не досаждали, и, если «девушкам» было не до них, они мирно сидели на диванчике под раскидистой пальмой с жесткими листьями, которые каждый день протирала тряпочкой уборщица Нина. Вставала на табуреточку и протирала, листик за листиком. Варвара Алексеевна, заведующая, была большой поборницей чистоты.

– По местам, – как капитан на мостике, командовала Варвара Алексеевна, – рабочий день начинается.

Анфиса помчалась переодеваться, очень отчетливо осознав, что команда адресована лично ей.

В раздевалке у нее был самый крайний шкафчик, доставшийся ей по наследству от Клавы Ковалевой, которая год назад ушла в декрет. Клаву в аптеке любили, вспоминали и из уст в уста передавали всем, кто только желал слушать, историю ее жизни. Как в детдоме выросла, как потом в фарминституте выучилась, как оказалась она богатой наследницей, как маньяк полоумный ее чуть не убил, а майор Ларионов спас, а потом женился...

Анфиса знала историю наизусть, но все равно всегда слушала, а в той части, где речь шла о «богатой наследнице», – особенно внимательно.

Анфиса стянула клетчатый пиджачок, сунула его в шкафчик и выхватила халат, хрусткий и переливающийся от избытка крахмала. Заведующая любила только такие халаты, и в прачечной, куда сдавали аптечное белье, все об этом знали, потому что прачечная существовала столько же, сколько и аптека, – наверное, с начала прошлого века.

Анфиса пристроила на короткие волосы легкий белый колпачок, глянула на себя в зеркало и побежала к двери, но вдруг остановилась, вернулась и вновь распахнула шкафчик.

Нужно перевесить пиджак. Конспирация, к которой она давно привыкла, иногда вдруг начинала давать сбои. Какая, к черту, конспирация, когда все вокруг давно стали своими, а она ведет себя с ними, как с врагами!

Но изменить ничего было нельзя, по крайней мере пока, и Анфиса Коржикова прекрасно это понимала.

На пиджачке, под самым воротником, пришита приметная этикеточка одной известной французской фирмы, и именно ее следовало спрятать от посторонних глаз. Эти самые глаза могли быть только у уборщицы Нины, которая иногда, как бы по ошибке, заглядывала в чужие шкафы, и хотя вряд ли она знала, что это за фирма, все равно нужно быть осторожной.

Анфиса завернула пиджачок так, чтобы этикетку никто не увидел, туфельки тоже задвинула подальше и по длинному и чистому коридору, застланному линолеумом и освещенному ровным аптечным светом, побежала в торговый зал.

В коридоре было множество дверей, и на каждой своя табличка. На одной красовалось загадочное слово «Материальная», на другой грозная надпись: «Перед тем, как вымыть руки, не забудь снять халат», на третьей нарисована рюмка и куриная нога, сопровождавшиеся скромной надписью: «Столовая». Рюмку с ногой придумала Анфиса – шалила, – а нарисовал на компьютере талантливый программист Славик, подрабатывающий в аптеке составлением лекарственных таблиц и ведомостей. И Славику, и Анфисе казалось, что это очень остроумно, а заведующая не возражала.

Анфиса уже почти выскочила в торговый зал, когда в кармане халата у нее зазвонил телефон. Звонить ей в такое время мог только один человек.

Этот самый человек и звонил, поняла Анфиса, взглянув на высветившуюся в окошке надпись.

– Привет, бабуль.

– Здравствуй, моя дорогая. Ты уже открыла свою аптеку?

– Бабуля, ты же знаешь, что аптеку открываю не я! Ее открывает всегда Лида!

– Ну и что?! – фыркнула бабушка. – Церемония поднятия флага уже состоялась?

Бабушка всегда так выражалась – чуть более сложно и витиевато, чем все обыкновенные люди.

– Состоялась, состоялась, – поспешно согласилась в трубку Анфиса, прикрывая ее рукой, – я сейчас говорить не могу, бабуль, мне работать нужно. Я опоздала.

– Почему?!

– В пробку попала, – прошептала внучка, – на Триумфальной. Я тебе потом позвоню, хорошо?

– Не потом, а сейчас, – отрезала бабушка. – Ты помнишь историю про собаку Баскервиль?

Анфиса насторожилась так, что даже ладошку убрала, которой прикрывала телефон. С бабушкой следовало держать ухо востро – чуть зазеваешься, упустишь, и потом ни за что не догонишь, вот такая у нее бабушка!..

– Бабуля, ты о чем? Если о старике Конан Дойле, то помню. Что это ты вдруг про него вспомнила?

– Да я не вдруг и не вспомнила, а у Петра Мартыновича на участке собака Баскервиль завелась.

Петром Мартыновичем звали соседа, с которым бабушка никогда не дружила и отчасти даже презирала его, потому что сосед, по ее словам, был «бестолочью» – забор с его стороны участка давно упал бы, если бы не Юра, который ведал в бабушкиной усадьбе всеми хозяйственными вопросами. Соседские собаки через дырки все в том же заборе лезли на усадьбу и вытаптывали ирисы. По весне сосед разводил в старой детской ванночке «гуано», которое воняло так, что со всех помоек слетались тучи проснувшихся раздраженных мух. Марфа Васильевна, Анфисина бабушка, в тот угол усадьбы, ближе к которому располагалось «гуано», старалась не заходить, туда направлялся Юра, перелезал через забор и отволакивал ванночку подальше. Сосед неизменно притаскивал ее обратно и устанавливал на место с мстительным и озабоченным видом. На участке у него, по бабушкиным словам, все равно ничего путного не росло. Путного – это значит ни цветов, ни травы, ни мелких белых роз, которые она обожала. Картошку и «помидорья», как это называлось на бабушкином языке, она не признавала. Сосед же считал Марфу Васильевну «барыней» и белоручкой, и эта война продолжалась столько, сколько Анфиса себя помнила.

Откуда он вдруг взялся, этот Петр Мартынович, что это бабушка решила о нем заботиться?!

– Коржикова, ты что на рабочее место не идешь?! Народу уже полно, там Татьяна Семеновна одна пропадает!

– Иду-иду!.. – Анфиса поглубже задвинулась в угол со своим телефоном. – Бабуль, я не могу! Ты мне вечером все расскажешь, хорошо? Особенно то, что касается собаки Баскервилей!

– Ты вечером собираешься к нам? – осведомилась бабушка.

– Собираюсь. Я приеду, и мы с тобой все обсудим, ладненько?

– Я терпеть не могу этого слова, – отрезала далекая бабушка. – Говори правильно, ты же не водопроводчик!

Кроме «ладненько», бабушка еще не признавала слов «кушать», «тепленький» и всякое такое. В бабушкином понимании все, кто употреблял вышеупомянутые слова, годились разве что в водопроводчики.

– Хорошо, я не буду. Но мы сможем поговорить только вечером.

Бабушка помолчала.

– Ну?

– Что? – нетерпеливо спросила Анфиса.

– Больше ничего?

Внучка лихорадочно соображала, чего же больше.

– Больше ничего. Бабуль, я вечером приеду, и ты мне расскажешь.

– В таком случае, не приезжай.

– Почему?! – простонала Анфиса. – Почему не приезжать?!

Бабушка помолчала. Как пить дать, затянулась сигаретой. Анфиса представила, как она сидит, положив ногу на ногу, и покачивается в кресле. Бабушка любила кресла-качалки не потому, что в них удобно «валяться», а потому, что можно «баловаться» – качаться, отталкиваться ногой, смотреть, как появляется и пропадает в зеркале собственное отражение.

– Ты сегодня до шести или до десяти?

– До десяти.

– Прямо с работы поедешь?

– Да.

– А на чем?

– Бабушка! Ну какая разница?!

– Большая.

– Бабуль, я уже взрослая девочка.

– Раз ты такая взрослая, можешь не приезжать.

– Бабушка! Ну что такое!

– Я не хочу, чтобы ты шла со станции одна в темноте!

– С чего ты взяла, что я пойду со станции?!

– Не морочь мне голову, – отрезала Марфа Васильевна. – Ключ от ворот у нас один. В одиннадцать часов я смотрю новости. Ты работаешь до десяти, значит, на машине приедешь как раз в одиннадцать. Ты знаешь, что я не люблю, когда мне мешают смотреть, и не попросила меня заранее открыть ворота. Значит, собираешься ехать на электричке и зайдешь в калитку на той стороне. И думать не смей. Лучше не приезжай.

– Бабушка!

– Вы все надеетесь, что я скоро выживу из ума, а я все никак. Я не разрешаю тебе идти в темноте одной. Юра тебя встретит.

– Хорошо, я приеду на машине.

– Смотри, а то я не усну!.. Или Юру отправлю.

– Не надо, – взмолилась Анфиса. Она не любила, когда Юра ее встречал. – Я приеду на машине, обещаю тебе.

– Но ведь собиралась на электричке? – ехидно осведомилась бабушка и, судя по звукам, перестала качаться туда-сюда в своем кресле. – Надуть меня хотела?..

Анфисе пришлось сознаться, что да, собиралась, и следом за признанием немедленно услышала вопрос, что у нее с машиной. И еще некоторое время пришлось объяснять, что с машиной ничего такого, просто сегодня она осталась в очень неудобном месте, потому что на Садовом были пробки, а Анфиса торопилась.

Анфиса говорила и прислушивалась к шуму аптечного зала за белой перегородкой. Мимо проплыла Лида, посмотрела неодобрительно. Потом, громко топая, промчалась Наталья Завьялова и на ходу улыбнулась Анфисе. Короткие черные кудри торчали в разные стороны из-под белой аптечной шапочки. Анфиса улыбнулась ей в ответ.

– Что вам выписали? – громко спросила вдалеке заведующая Варвара Алексеевна. Анфиса со своим телефоном чувствовала себя выключенной из утренней жизни, с каждой минутой набирающей обороты. – Татьяна Семеновна, посмотрите, что у больного с рецептом!

– Бабушка, все, я правда больше не могу. Я должна бежать.

Она сунула телефон в карман халата, поправила пояс, чтобы выглядеть безупречно, и за высокими белыми стойками пробежала на свое место.

Заведующая Варвара Алексеевна, втолковывавшая что-то худой и нескладной тетке, похожей на старую лошадь, покосилась на нее.

Заметила, поняла Анфиса. Все заметила. Теперь обязательно припомнит.

Как только она оказалась за чистым стеклом, в окошко сразу сунулся заморенного вида мужичок в брезентовой куртке.

– Мне бы, дамочка, чего-нибудь от кашля. Мучает, проклятый!

И, словно боясь, что ему не поверят, он несколько раз конфузливо кашлянул. Анфиса задумчиво его изучила. Предлагать ему новомодное средство за триста пятьдесят семь рублей не имело никакого смысла.

– Курите? – лекарским тоном спросила Анфиса у мужичонки, выдвигая ящик.

– Курю, дамочка, – покался мужичонка, – куда нам без курева, нам без курева никуда...

– Бросить надо, – посоветовала Анфиса, – вредно очень.

– Да мы знаем, знаем мы, – забормотал мужичонка виновато, – и в телевизоре, и везде... Мы же слушаем, в газетах тоже... Не на деревне живем... Бросать надо... а так... с утра не покуримши... как же...

Анфиса выложила на сверкающий прилавок ленту таблеток, подумала и достала еще коробочку мятных пастилок.

– Возьмите еще эти, они недорогие, но горло хорошо смягчают.

Мужичонка закивал, достал заскорузлой рукой несколько мятых десятков, сунул в окошко, аккуратно собрал сдачу, а лекарства затолкал во внутренний карман.

Следующей была молодая женщина с коляской, в которой подпрыгивал жизнерадостный розовощекий малыш, тряс погремушку и жмурился. Этим было нужно очень много всего – и витамины, и масло, и носовые платки, и зубную пасту.

Анфиса возилась с ними долго и весело.

Им было радостно покупать и бить в погремушку, а Анфисе радостно продавать. Она продала все, что им требовалось, и еще вдобавок хорошенькую бутылочку для сока с двумя ручками из яркой пластмассы, чтобы мальчик – такой великан! – мог сам ее держать, и еще некое приспособление для прорезывания зубов.

Анфиса советовала, а покупательница оценивала и прикидывала, и отчего-то они обе чувствовали себя заговорщицами.

Потом покупатели пошли безостановочно, и только в двенадцать Анфисе удалось выпить чашку чая. Чай пили на беленькой кухне с нарисованными на двери куриной ногой и рюмкой. К чаю ничего не предполагалось, кроме маленькой шоколадки, и Анфиса загрустила было, но прибежала запыхавшаяся Наталья, сразу же сорвала с кудрей шапочку, швырнула ее на стул и немедленно полезла в холодильник.

– Хочешь колбасы? «Докторской»?

Анфиса немедленно согласилась, и Наталья соорудила ей бутерброд, какие умела сооружать только она, – толстый кусок свежего черного хлеба, очень толстый кусок «Докторской» колбасы и свежий огурец сверху. Круглую мягкую, как будто вздыхающую черную коврижку она каждый день привозила из своего пригорода, и все аптечные «девушки» отрезали от нее по куску к обеду.

Анфиса всегда ленилась себе готовить и ела большей частью, только когда приезжала в Аксаково, к бабушке, где вечная и неизменная домработница Клавдия всегда подавала «полноценный обед», как это называлось в семье. Зато Наталья поесть обожала – и одна, и в компании – и Анфису угощала.

При этом Наталья страшно расстраивалась, что «такая толстая», и завидовала Анфисе, которая была «прелесть какая тоненькая».

Аптечный остряк программист Славик называл их «толстый и тонкий», демонстрируя таким образом не только остроумие, но и знание классической русской литературы, полученное в средней школе.

Остроумие Славика не мешало Анфисе с Натальей дружить, хотя даже ее Анфиса не могла посвятить в свои тайны. Единственное, что было известно подруге, это что у Анфисы богатая бабушка, живущая где-то за городом.

– Вкусно, – с набитым ртом сказала Наталья, – ужас как вкусно! Вот скажи мне, почему все, что вкусно, вредно, а все, что полезно, – невкусно? Чайку налить еще?

– Сиди, я сама налью.

Наталья со всех сторон любовно осмотрела бутерброд, улыбнулась ему и еще раз откусила.

– У меня к чаю шоколадка есть, – похвасталась Анфиса. – Съедем?

– Калорий больно много. И вообще сейчас пост. Я в прошлом году на посту сидела, пять килограмм скинула.

– Так нельзя говорить, – сказала Анфиса серьезно. – Ты же образованная, Наталья! Что это значит – на посту сидела! Ты что, милиционер?

– Почему милиционер, я не милиционер, – быстро отказалась Наталья, – а только когда пост...

– Ну, так и говори – соблюдала пост, а не на посту сидела!

– Тьфу ты! – обиделась Наталья. – А я-то решила, что...

– Сидеть можно на диете, – перебила Анфиса, – а пост надо соблюдать.

– Ну ладно, ладно, вот в прошлом году я соблюдала и на пять кило похудела! В этом году тоже собиралась, только Витька мне сказал, что если я ему опять ни разу котлет не пожарю и он всю весну всухомятку...

Анфиса почти не слушала.

Наталиного Витьку она терпеть не могла, чего никогда не скрывала. Бабушка Марфа Васильевна даже определение вывела для такой породы мужчин.

Порода называлась «никчемушник» – потому что ни к чему не нужен. Бабушка их терпеть не могла и всегда говорила, что эта порода получила особенное распространение в последнее время, как декоративные собачки.

«Никчемушник» Виктор ничем особенным не был занят на работе, ничем особенным не был занят после работы, как, впрочем, и по выходным и праздникам. Свой драндулет он чинил лениво и неохотно, и посему драндулет также лениво и неохотно ездил. Наталье приходилось все время уговаривать «никчемушника», чтобы он заехал за ней на работу, особенно во вторую смену, когда аптека закрывалась в десять, а идти по московским подворотням до троллейбуса или метро было страшно. По магазинам он ходил тоже неохотно, объяснял это тем, что к магазинам он «не приспособлен», жарко ему там и вообще как-то нехорошо делается. Поэтому Наталья таскалась на троллейбусе с сумками – приспособлен или не приспособлен, а поесть «никчемушник» очень любил и обижался, когда ему ничего не давали или давали что-то не то.

Помимо прочих прелестей, существовала еще «никчемушникова» мама, которая объясняла сыночку, что для такой простой девки, как Наталья, он просто подарок судьбы и надо хорошенько подумать, стоит на ней жениться или не стоит. Такого принца еще поискать, а Наталья кто такая? Да никто, провизорша в аптеке, восемь тысяч получает!..

О том, что сам «никчемушник» ударно зарабатывает три, мама скромно умалчивала.

– ...а я ему на это говорю: Витюш, ну что ты все лежишь да лежишь, давай сходим куда-нибудь, в бильярд, хочешь, поиграем, ты же любишь в бильярд! А он мне на это – никуда я не пойду, одеваться надо, да и вообще у меня машина вся разобрана, мне бы в гараж. А я знаю этот гараж!.. Машину не соберет, только придет на рогах, а он когда на рогах...

– Наташка, – серьезно сказала Анфиса, – тебе его надо срочно бросить. Знаешь, как это называется?

– Что? – перепугалась Наталья и от испуга откусила слишком большой кусок. Щека у нее оттопырилась.

– Ну вот это все, чем ты занимаешься со своим Виктором?

– А что?

– Да ничего!

– И как это называется?

– Мазохизм, вот как. Медицинский термин.

– Да ну тебя, Анфиска, – возмутилась Наталья и захлебнула бутерброд чаем. Чай был горячий и сладкий, и она от удовольствия зажмурилась и еще посмотрела в кружку, сколько там осталось. Осталось довольно много, значит, пока можно не спешить.

– Тебе хорошо говорить, ты вон какая красивая! И машину водишь, и самостоятельная такая...

– Наташ, при чем тут моя машина? Ну и ты научись машину водить, и тоже будешь самостоятельная.

– Да ладно! Где я ее возьму, машину-то? Зачем мне учиться, если ее у меня все равно никогда не будет?

– Да почему не будет? Или у Виктора возьми, у него же есть!

– Так он мне ее и дал! Ни за что не даст!

– Брось ты его, – повторила Анфиса, – на что он тебе нужен? Ухаживать за ним всю оставшуюся жизнь?! Вот радость какая.

– Да тебе, может, и никакой, а мне радость.

– Ну а тебе какая радость?

– Он на мне женится, вот какая.

– И дальше что?

– Что?

– Будет всю оставшуюся жизнь на диване лежать, а ты ему котлеты жарить?! Он же ничего не умеет, и не выйдет из него ничего и никогда!

– А может, меня больше замуж никто не возьмет! – крикнула Наталья страстно. – И что мне тогда?! Вон как Лена Андреева, до сорока лет в девках, а потом в старухах?! Не хочу я так. Я хочу, чтобы у меня дом был, и дети, и муж!..

– Даже такой?

– А чем он хуже других? Пить – не пьет особенно, машина у него, мама с папой опять же, если с детьми пересидеть или что там...

– Ну понятно, – вздохнув, заключила Анфиса. Этому спору не было ни начала, ни конца, и он мог продолжаться сколько угодно. – Значит, поженитесь и через год разведетесь, ты останешься с ребенком, а он с машиной, мамой и папой.

– Хорошо тебе говорить, ты вон какая красивая... – опять заскулила Наталья. – А я?! Кому я нужна такая?!

– Ты очень красивая, – упрямо сказала Анфиса. – Просто очень.

– Ну да, – кивнула Наталья и выразительно потрясла бюстом. – Сказать, какой у меня номер лифчика, или не говорить?

– Иди ты со своим номером и лифчиком!

– У меня номер F. Сначала идут А, В, С, D, а потом только F! И обувь у меня сорокового размера!

– Ну и что?

– А то, что я, корова такая, ни разу в жизни ни с кем даже на танцы не ходила, потому что меня не приглашал никто! И что Витька меня любит – это редкость большая и удача!

Дверь распахнулась, и на пороге показалась заведующая, как всегда собранная, элегантная, с пучком и в очках.

– Девушки, – сказала она довольно строго, – про ваши лифчики уже знают все сотрудники, но клиентов лучше пока не оповещать.

– Простите, – пробормотала совершенно пунцовая Наталья, – простите, Варвара Алексеевна.

– А замуж выходить только потому, что берет, и впрямь не стоит, – не меняя тона, продолжала заведующая. – Потом не отделаешься.

– Да меня никто и не берет пока, – пробормотала несчастная Наталья.

– Вот и хорошо, – заключила заведующая и добавила озабоченно: – А плохо то, что договоры у меня со стола пропали, и найти их не могу. Анфиса, ты не брала?

Анфиса чуть не поперхнулась своим чаем.

Заведующую, несмотря на все ее строгости и чудачества, все очень любили и старались никогда не подводить.

– Н-нет, Варвара Алексеевна, я не брала. А что за договоры?

– Да с фирмами! – сказала заведующая с досадой. – Целая пачка! Только вчера все выложила, отчетность надо сдавать, конец месяца, и нет договоров! Коржикова, ты в торговый зал когда вернешься, попроси Татьяну Семеновну ко мне зайти, может, она взяла?

Татьяна Семеновна была одной из ее заместительниц.

– Хорошо, – кивнула Анфиса, намереваясь немедленно бежать, – обязательно.

– Ты допивай, допивай спокойно, – хладнокровно посоветовала заведующая. – Не лети. И про лифчики можете продолжать, но потише только.

И дверь за ней закрылась.

– Вот, все из-за тебя, – зашипела Наталья, – вечно так!.. Неудобно ужасно.

– Ничего, нормально, – тоже шепотом отвечала Анфиса, хоть и чувствовала себя неловко.

Наталья одернула на себе халат, с отвращением оглядела свою грудь и попыталась заткнуть ее за край стола. Грудь туда никак не умещалась, и Наталья сильно сгорбилась.

– Распрямись, – велела бесчувственная Анфиса. У нее-то грудь была в полном порядке, маленькая, аккуратненькая, загляденье просто!

– Не распрямлюсь, – мрачно отрезала Наталья.

Бутерброда ей больше не хотелось, а съеденный кусок давил на желудок стыдной тяжестью. Зачем она опять так налопалась?! Пусть бы Анфиса ела, а ей зачем?

Два листика салата, мелко нашинкованная капуста, полторы ложки тертой моркови, все заправить оливковым маслом холодного отжима, выложить на тарелку, украсить веточкой укропа и зонтиком петрушки. Есть медленно, как бы нехотя.

Впрочем, кто же такую красоту добровольно захочет есть?!

Неожиданно Наталья вспомнила, что есть же волшебное средство! Еще не все потеряно, ура!..

– Анфис, а «Ксеникал» вчера привезли?

– Вроде привезли.

– Вроде или точно привезли?

– Да не я товар принимала!

– А кто принимал?

– А Наталь Иванна принимала!

– Ах ты господи, – озабоченно сказала Наталья, – побегу узнаю.

– Да привезли, Наташ, – успокоила ее Анфиса, – мы же заказывали. Я сама и заказывала. А раз заказали, значит, привезли. Там на коробках должно быть написано «Хоффманн – Ля Рош».

Так красиво и очень «загранично» называлась фирма, которая производила волшебный препарат «Ксеникал».

– Знаешь, как я от него худею? – заговорщицким полусшепотом спросила Наталья, как будто вокруг стояли толпы конкурентов, мечтающих наброситься на «Ксеникал» и отобрать у Натальи надежду на похудение. – Прямо ужас один! Вот наешься, а потом надо только одну таблеточку – заесть, – и жир не усваивается!

– Неужели?

– Точно тебе говорю. Только одну таблеточку, и...

– Что?

Наталья перестала заправлять бюст за столешницу, нагнулась к Анфисе и зашептала. Анфиса внимательно слушала.

– Да ну?

– Точно тебе говорю, – истово повторила Наталья, – все проверено! А худеешь, словно с тебя ножом срезают! Я сегодня две упаковки возьму. Хоть без наценки.

– Так он рецептурный, – припомнила Анфиса. – Или у тебя рецепт есть?

– Выписала. Специально к эндокринологу ходила и выписала. Он даже удивился: «... надо же, какой пациент грамотный пошел – с врачом консультируется, вес снижает по швейцарской системе, в общем, все по-научному!» А я ему говорю: «Михаил Семенович, а как же иначе! Ведь хочется и здоровье сохранить, и красивой стать! А тут без «Ксеникала» не обойтись...» А он мне...

Дверь распахнулась, и в проеме появилась та самая Наталья Ивановна, вторая заместительница заведующей, что вчера принимала товар.

– Приятного аппетита, девочки. Чайник горячий?

– Только вскипел.

– Вот и хорошо.

Заместительница полезла в холодильник, долго там шуровала и вылезла с трофеем – объемистым кулком, в котором было что-то круглое и что-то длинное. Она быстро распотрошила кулек – круглое оказалось хурмой, очень размякшей, а длинное банкой с гречкой. Сверху гречка была приплюснута котлетами. Наталья Ивановна открутила крышку и стала искать сковородку – разогревать. Анфиса деликатно сунула нос в воротник своего халата и посмотрела на Наталью. Та усердно прихлебывала чай.

Они переглянулись и заторопились – из-за котлет.

Почему-то холодные котлеты пахнут исключительно неприлично.

– А договоры-то Варвара Алексеевна не нашла, – сообщила заместительница, вываливая на сковородку гречнево-котлетную массу, – как в воду канули.

– Найдутся, – безмятежно махнула рукой Завьялова, – хотите хлебушка, Наталья Ивановна? Отрезайте!

– Уж отрежу, спасибо тебе! Так я этот хлеб люблю, который у вас в Жуковском пекут, сил нет.

– А куда могли договоры деться? – сама у себя задумчиво спросила Анфиса. – Может, она их домой забрала? Забрала и забыла!

– Да ладно тебе, Анфис, – энергично сказала заместительница, помешивая в сковородке свою бурю массу, – когда это мы из аптеки документы забираем?! Что нам с ними дома-то делать? Мы ведь не ученые-физики и не адвокаты, мы на дом работу не берем!

– Найдутся, никуда не денутся! – Наталья ополоснула чашки – свою и Анфисину, – сунула их на полку и покосилась на котлеты. Они уже не воняли так оглушительно, но выглядели не слишком аппетитно.

– Анфис, ты идешь?

– Иду-иду.

Длинным и чистым коридором они пошли к торговому залу. Лампы сияли, отмытый линолеум сверкал, и сильно пахло лекарствами. По дороге им попала магазинная тележка, доверху наполненная яркими коробочками.

– Вот прокладки стали делать, – на ухо Анфисе пробасила Наталья, – как будто это не прокладки, а карамель в пакетиках. А помнишь вату по сорок две копейки – дефицит!

Анфиса кивнула. Вату она помнила и всегда безудержно радовалась, что, как говорила бабушка, «прошли те времена». Вообще-то, никаких стенаний насчет «трудностей жизни» бабушка не признавала и считала, что если у человека есть руки, ноги и голова, то никаких таких неразрешимых проблем быть не может, все лень и глупость людская. Анфиса не всегда с ней соглашалась. Взять хоть вату, к примеру. Вот если ее в аптеке не продают, то где ее взять, даже если у тебя есть руки, ноги и голова?! Персональное хлопковое поле, что ли, завести, для личного пользования?

В торговом зале было многолюдно, но большинство посетителей пока просто глазели, и очередей не было. Вот и отлично.

Анфиса протиснулась к своему прилавку, захлопнула дверцу шкафа, поправила плакат в рамочке, призывавший после сорока лет принимать кальций, кивнула Оксане, которая, наверное, совсем замучилась в ожидании, когда ее отпустят пить чай, переложила рецепты слева направо и глянула в окно.

В узком и тесном Воротниковском переулке по вчерашним лужам скакало солнце, брыкалось, попадало на стекла кривобоких особнячков, еще не прикупленных богатыми дядень-

ками, а потому облупленных, кое-как подлатанных, за низенькими изломанными решетками. Кое-где решетки покосились и «порвались», торчали гнутые кованые прутья.

Анфиса вздохнула. Она очень любила Воротниковский переулок.

– Может, мы им окна помоем? – предложил рядом ехидный голос заведующей. Анфиса от неожиданности чуть не свалила локтем какие-то пузырьки со стойки.

– Кому, Варвара Алексеевна?

– Да соседям! – Заведующая перебирала бумаги, которые вытащила из тумбочки, и мельком глянула на Анфису поверх очков. – Смотри, окна какие грязные! Наверное, с тех самых пор не мыли, как Айседора Дункан приезжала и танцевала в магазине «Пуговицы».

Анфиса хихикнула.

– Что за хозяева! – бормотала заведующая, опять углубившись в свои бумаги. – Горе, а не хозяева! Ты бы сказала Наталь Иванне, Анфиса, что нам тоже на следующей неделе надо окна помыть. До праздников рукой подать. И рекламу, рекламу повесить, чтоб ей пропасть!..

– Что вы ищете, Варвара Алексеевна? Может, я помогу?

– Договоры! – в сердцах выговорила заведующая и переложила последнюю пачку. – Мы тоже хозяева – дай бог! У нас документы из-под носа пропадают, финансовые, а мы их найти не можем!..

– А... где они были?

– Господи, они всегда на одном месте лежат! – ответила заведующая нетерпеливо. – У меня в кабинете, где же еще! В кабинете, на столе, справа!

По тому, как она говорила, Анфиса поняла – не только озабочена, но и встревожена.

– А... никто их не брал, вы у всех спросили?

– Кто у нас в аптеке сыщик-любитель? – негромко спросила заведующая и снова взглянула на нее, на этот раз внимательно. – Если сами не найдем, придется в милицию звонить, ты это понимаешь?

Анфиса кивнула.

– Значит, надо искать.

Анфиса снова кивнула.

– Если ничего не выйдет, придется аптеку закрывать. А это форсмажор на весь район. И так вчера из управы телефонограмму прислали, что мы все майские праздники дежури́м, а тут мы ни с того ни с сего на полдня закроемся!..

Они помолчали.

– Все, Анфис. Рабочий день в разгаре. И больной тебя ждет.

Анфиса встрепенулась. За чистым стеклом, отделявшим ее от торгового зала, покачивался сказочный красавец в длинном пальто нараспашку. Он на самом деле покачивался, сунув руки в карманы, и лицо его выражало смесь безразличия, раздражения и страдания.

Заведующая кивнула – давай, мол, работай! – и удалилась.

– Что бы вы хотели?

Красавец секунду помолчал, как бы оценивая Анфисину любезность.

– На самом деле больше всего я хотел бы умереть, девушка.

– Боюсь, что в этом я ничем не могу вам помочь. Мы, российские медики, принципиально против суицида!

Красавец дико на нее взглянул. Как видно, оценить Анфисин юмор по достоинству вот так, с ходу, он не смог из-за своего болезненного состояния. Он хищно шмыгнул своим безупречным носом, моргнул, собрался было что-то сказать, но сморщился и чихнул.

– Вы простужены? Хотите чего-нибудь жаропонижающего, да?

– Я не простужен. И больше всего я хочу умереть. По-прежнему.

Анфиса вежливо смотрела на него.

Он покачивался с пяток на носки и не вынимал рук из карманов.

– У меня аллергия, – признался он наконец, – утром началась. Дайте мне чего-нибудь.

– А что вы принимаете обычно?

Красавец произнес название допотопного лекарства от аллергии.

– Как?! – поразились Анфиса, словно он признался, что принимает от аллергии морилку, настоящую на сушеных клопах.

Он перестал шмыгать, полез в карман и достал снежной белизны платок, который и прижал к своему многострадальному носу.

– А что такое? Чем вы так потрясены, девушка?

Анфиса пожала плечами:

– Да нет. Это очень старый препарат, и не всем подходит. И седативный эффект опять же. А кто вам его рекомендовал?..

Красавец утер нос, еще раз напоследок им шмыгнул и с некоторой натугой принял выскомерный вид.

– Мой аллерголог, разумеется.

– Вот попробуйте «Кларитин», он очень быстро снимает аллергию, и без ненужного снотворного эффекта.

– Девушка, – простонал красавец, занавесившись платком окончательно, – я вас умоляю!.. Ну что вы понимаете?! Мне мой аллерголог всегда...

– А вдруг он ошибается? – простодушно осведомилась Анфиса и пододвинула на прилавке упаковку таблеток в сторону страдающего красавца.

– Мой врач ошибается?!.. – поразились красавец и щелчком отфутболил упаковку обратно. – Да мне анализы в Лондоне делали!..

Анфиса вздохнула.

Ну конечно. Анализы в Лондоне – это великолепно. Почему не в Нью-Йорке? Лететь далеко? Не довезут? Первая свежесть будет утрачена?

Ах, сколько изумительных способов отъема денежных средств в рамках Уголовного кодекса было изобретено в последнее время! Такие, как этот мальчик, заработавшие свои денежки недавно и теперь прилежно выискивавшие, на что бы такое, правильное, их потратить, – самая лучшая и самая простодушная мишень для всякого рода проходимцев.

Бабушка Марфа Васильевна, покачиваясь в креслице и почитывая журналчик или поглядывая в телевизор, где показывали и описывали «новейшие технологии похудения» или прелести «SPA-комплексов», всегда говорила что-то вроде «на всякого мудреца довольно простоты».

На данного мудреца хватило самой простой простоты.

Не то чтобы Анфиса была очень в нем заинтересована, но ей вдруг захотелось поэкспериментировать.

Так сказать, проверить себя на сообразительность.

А последняя задача, как говаривала математичка, на смекалку!

– Вы знаете, – доверительно сообщила она и даже посмотрела по сторонам, как бы давая понять красавцу, что боится подслушивания. Наталья из-за соседнего прилавка мельком глянула на нее, отвернулась к своему покупателю, а потом уставилась пристально, сообразив, что Коржикова начала «резвиться». – Вы знаете, этот препарат мы только что получили. Вот... утром буквально. У нас его постоянно покупает Ирина Буфер, понимаете?

Продолжая игру, Анфиса понизила голос до заговорщицкого шепота, призывая тем самым красавца сунуть ухо почти в окошко. Он не хотел совать, и Анфиса отлично видела его колебания, но сознательно говорила очень тихо.

Уловив аристократическую фамилию Буфер, клиент дрогнул лицом, даже как будто тоже оглянулся и приблизил ухо к пластмассовой арочке, для чего ему пришлось несколько ссу-

тулить безупречные кашемировые плечи. Ссутулившись, он моментально утратил весь свой величественный вид.

– А... Ирина Буфер – ваша клиентка? – спросил он негромко.

Готово дело! Заговор состоялся. Доверчивый кролик пошел в мешок. Сейчас ловкий охотник выбьет колышек и затянет петлю покрепче!

– Да, – подтвердила Анфиса, – у них же здесь рядом салон. Вы что, не знаете?

Ирина Буфер содержала сеть тренажерных залов и салонов красоты для «самых-самых». Очевидно, кролик решил, что он должен бы знать о салоне поблизости и незнание выдаст его недостаточную осведомленность, а значит, недостаточную вовлеченность в жизнь «больших».

– И... сама Буфер к вам приходит? И покупает препараты?

– Да! – заверила его Анфиса горячим шепотом, словно вступала в комсомол и обещала служить делу Ленина.

Наталья за соседним столиком пробила чек толстой пергидрольной тетке с красным лицом, по виду уличной торговке, отпустила лекарство, быстро подошла к шкафчику с желудочными средствами и полезла в него. Шкафчик располагался на границе Анфисиных и Натальиных владений, и из-за него было лучше слышно.

– Так будете брать или нет? – продолжала «резвиться» Коржикова. – Но если вам нужно непременно посоветоваться с доктором, конечно, посоветуйтесь!

– С доктором? – с сомнением переспросил красавец. Он уже очень верил в чудо-препарат, который покупает сама Ирина Буфер!

– Да, – подхватила Анфиса простодушно. – Потому что если у вашего врача концепция медикаментозного лечения аллергических ринитов другая, то я не могу вам этот рекомендовать! Да и «Кларитина» у меня осталось мало...

Наталья Завьялова неловко вылезла из-за шкафа, едва протиснувшись, так что зашатался чистый фикус, стоявший сверху, вытянула полную ручку и прихлопнула дверцу. За дверцей располагалась плотная батарея чудодейственного препарата.

– Я возьму, пожалуй, – пробормотал красавец и посмотрел просительно. – От того лекарства, что прописал мне врач, и вправду спать хочется...

Но Анфиса Коржикова еще не наигралась.

– Зря я вам его предложила, – она покачала головой, как бы сокрушаясь, выдвинула и задвинула ящик, словно проверяя, сколько там коробочек, и виновато подняла глаза, как бы удостоверившись, что коробочек мало. – И боюсь, Ирине не хватит...

– Девушка, ну вы же сами...

– А ваш доктор? Не станет возражать?

– Но если Буфер принимает!..

– Буфер принимает. Буфер все принимает на себя, – пробормотала Анфиса и, сжавшись, выбила наконец чек. Уборщица Нина, протиравшая фикус и замершая на табуретке, как соляной столб, тихонько вздохнула, нагнулась и прополоскала в ведре чистую тряпку.

Шоу подходило к концу.

– Спасибо вам, девушка, – прочувствованно поблагодарил красавец, не отрывая глаз от ее рук, пока Анфиса складывала коробочку и проспектик с полезной информацией о «Кларитине» в хрусткий зеленый пакетик.

Анфиса подала ему пакетик и глянула в окно.

– У вас какая машина?

Красавец моментально насторожился. Даже его кашемировое пальто насторожилось и приобрело официальный вид.

В конце концов, он просто разговорился у прилавка с простой аптекаршей! Она не должна интересоваться его машиной!..

– Что?..

– Какая у вас машина?..

– А вам зачем?

Анфиса щелкнула степлером, пристегивая чек к пакетику.

– По-моему, вы забыли поставить ее на «ручник».

– Что-о?!

Анфиса ловко сунула ему сверток, потянулась и повернула его лицом к окну. За чистым стеклом, вдоль залитого солнцем Воротниковского переулочка, медленно разгоняясь, ползла шикарная иномарка, скатывалась с небольшой горки, на которой хозяин ее оставил.

– Черт побери, черт, черт!!!

Красавец рванул к выходу, сметая все на своем пути. Взвизгнула полная дама, вооруженная дорогостоящим прибором для измерения давления и кружкой Эсмарха, именуемой в простонародье клизмой. Уборщица Нина уронила тряпку, которая гулко шлепнулась в ведро.

– Что ты ему сказала?!

– Ничего особенного. Сказала, что его машина вот-вот выедет на Садовое.

– Надо же! – басом сказала Наталья. – А как ты догадалась, что это его машина?

– По брелоку, который он постоянно крутил на пальце. Знаешь, бывают такие брелоки – с символикой фирм-производителей. Я просто предположила...

– А что с машиной, угнали, что ли?!

– Да не угнали! Он ее на той стороне поставил, а там же уклон, вот она и покатилась!

Наталья протопала к окну и наполовину высунулась в него, прикрываясь ладошкой от солнца. Рама гулко стукнула о решетку.

– Ой, девочки, догнал, догнал!.. Смотрите! – Она оглянулась, кудри торчали из-под шапочки, в глазах горел огонь.

– А бежит-то как, сердешный!..

– Так ему теперь еще дверь открыть надо!

– И сесть!..

– Да как ты в нее сядешь, когда она едет!

Красавец бежал, пальто развевалось, и казалось, что он мчится как ветер, хотя машина двигалась не слишком быстро. Лакированные ботинки разбрызгивали воду из сверкающих луж, и зрелище было радостным, праздничным.

Редкие прохожие останавливались на тротуарах и глазели ему вслед.

Подскочила Таня и тоже стала смотреть в другую створку. Нина раздвинула листья фикуса и уставилась в окно со своей стремянки. Полная дама с только что приобретенной в пользование кружкой Эсмарха шустро, но деликатно запихнула пакет в матерчатую сумку и просеменила на крыльцо. Аптечные старики, обсуждавшие на клеенчатой скамейке положение с банковской системой, приподнялись и вытянули тощие шеи. Молодой невзрачный мужчина, что-то покупавший, глянул искоса и опять уткнулся в свои рецепты.

– Девушки, у нас пожар? Мы эвакуируемся в окна?

Наталья оглянулась назад, смутилась и слезла с подоконника. В дверях, ведущих во внутренний аптечный коридор, стояла заведующая, смотрела поверх очков. И все ее боялись, знали, что, когда она смотрит из-под очков, значит, недовольна.

Она была довольно строгой, их заведующая.

– Завьялова, Наташа!

– Да, Варвара Алексеевна!

– Встань пока на место Коржиковой. Анфиса, а ты зайди ко мне.

Лида покачала головой и закатила глаза. Она всегда была на стороне начальства, даже когда начальству не требовалось, чтобы кто-то его поддерживал!

Анфиса сунула ручку в нагрудный карман, едва заметно пожала Наталье локоть и вышла из-за загородки. Заведующая откуда-то издалека громко распоряжалась относительно тележки с прокладками.

– Девушки! – доносился ее насмешливый голос. – У нас аптека, а не гинекологический кабинет для женщин-военнослужащих! Почему прокладки посреди коридора стоят уже полдня? Если мы не знаем, куда их деть, давайте не будем их заказывать и продавать не будем! Татьяна Семеновна, распорядитесь!

– Да-да, сейчас, Варвара Алексеевна.

– И зайдите ко мне! И Наталь Иванну позовите! Я в кабинете.

Анфиса быстро подошла и задвинула злополучную тележку в помещение с загадочным названием «Материальная», чтобы – боже упаси! – она не попала на глаза заведующей еще раз.

Бабушка, время от времени заезжавшая в аптеку, увидев это название, спрашивала: «Материальная» на месте, а где же «духовная»?»

На этот вопрос никто не мог ответить толком.

В кабинете заведующая не села за стол, заваленный бумагами, и вошедшая Анфиса сразу поняла, что та нервничает.

Варвара Алексеевна захлопнула папку, которую все время держала на весу открытой, со стуком положила ее на стол. И строго посмотрела на Анфису.

– Анфиса, договоров нет. Я все обыскала. Нет.

Анфиса молчала. Пропажа договоров – серьезное дело.

В дверь постучали условным стуком, приоткрылась щель, и в нее всунулась голова Натальи Ивановны. На голове были кудри, а на носу очки.

– Заходи, Наталья Иванна! И дверь за собой прикрой получше.

В кабинете заведующей всегда было прохладно и сильно пахло лекарствами, хотя никаких медикаментов там никогда не хранилось. Анфисе нравился этот запах.

Он помнился ей с детства. Мама всегда так пахла – лекарствами. А еще она пахла чистой и иногда забиралась в узкую Анфисину кроватку, просто так, чтобы они могли полежать, обнявшись. Они обнимались, и Анфиса отпихивала любимого медведя, чтобы быть как можно ближе к матери, и слышала, как стучит ее сердце, как она дышит и улыбается.

Никогда потом Анфиса *не слышала*, как человек улыбается.

– Варвара Алексеевна, вызывали? А то время к обеду, у нас народу полно!

– Татьяна Семеновна, заходи. Там и без тебя справятся.

Заместительница вошла и закрыла дверь, за которой мелькнула вездесущая Лида, которая всегда стремилась быть как можно ближе к начальству, даже когда начальство в ней решительно не нуждалось.

– Договоров нет, мои дорогие, – сказала заведующая серьезно. – Обыскала все. Если Коржикова не найдет, придется милицию вызывать. Со служебно-розыскной собакой.

– Господи! – воскликнула Татьяна Семеновна.

– Еще не хватает – милицию с собакой! Антисанитария полная! – пробормотала Наталья Ивановна.

Анфиса молчала.

– Мы в последний раз милицию вызывали в аптеку в шестьдесят шестом году, когда у нас наркотики пропали.

– Боже мой, – пробормотала Татьяна Семеновна.

– Еще не хватает – опять вызывать! – возмущалась Наталья Ивановна.

Анфиса молчала.

– А если вызывать, аптеку закрывать придется. Скандал на весь округ! Мне только вчера в управе Виктор Семенович комплименты делал, что наша аптека как часы работает, а округ-то Центральный!

– Господи, помилуй, – пробормотала Татьяна Семеновна.

– С управой шутки плохи, – огорчилась Наталья Ивановна.

Анфиса молчала.

– Главное, они финансовые, договоры-то, – негромко продолжала заведующая, – а это дела серьезные. Там лекарств на великие тыщи! И никогда у нас договоры не пропадали, сколько лет мы по ним работаем!

Анфиса пальцем потрогала шпингалеты на окнах, передвинула цветочный горшок и, задрав голову, изучила форточку.

– Все было закрыто! – с нажимом сказала заведующая, заметив ее манипуляции. – Мы аптеку на охрану каждый вечер сдаем. И вчера сдавали. Кто сдавал вчера, Наталья Ивановна?

– Таня сдавала.

– Тимофеева?

– Тимофеева.

Заведующая прошла за свой стол и нажала кнопку на селекторе. Этим селектором аптека страшно гордилась.

– Завьялова, ты там?..

Селектор загудел и сообщил непонятным голосом, что да, это Завьялова.

– Пришли Тимофееву ко мне. Много там народу?

Селектор провыл, что много, но Тимофеева сейчас будет.

– Сейчас придет, – продублировала сообщение заведующая. – Но ничего такого быть не может! Если бы вечером она не смогла аптеку сдать или...

– Варвара Алексеевна, вызывали?

– Тань, ты вчера аптеку на охрану сдавала?

Наталья Ивановна и Татьяна Семеновна разом обернулись к Тане и замерли в ожидании, словно она должна была открыть им новый закон природы или что-то в этом духе.

Тимофеева переводила взгляд с одной на другую и растерянно поправляла зеленую, безупречно отглаженную шапочку, потом заправила выбившуюся челку.

– Да... а как же иначе? Как же я могла ее не сдать?! Все, как обычно, заперла, позвонила, они приняли...

– Все как всегда было?

– Ну... да. Как всегда. А что такое, Варвара Алексеевна?

– Договоров нет, – отрезала заведующая. – Надо искать. Дело-то уголовное!..

Таня перепугалась еще больше. В том, что «дело уголовное», было нечто, угрожающее лично ей, а она здесь ни при чем, ни при чем!..

– Варвара Алексеевна, я последняя уходила и все сделала, как надо. Можете позвонить и проверить, потому что утром я же охрану и снимала, и ночью ничего подозрительного не было. Вы же знаете, они всегда говорят, если там вдруг сигнализация срабатывает или еще что-то. Ну, вы же знаете!.. И нас вызывают, а вчера меня никто...

Она вдруг всхлипнула и отвернулась.

Анфиса протиснулась в узкую щель за директорским столом, одернула форменную робу и проверила шпингалеты на втором окне. Это окно вообще никогда не открывалось, потому что стол стоял так, что окно было как раз за спиной, и заведующая постоянно жаловалась на ревматизм и на то, что из него «немилосердно дует».

– Танечка, никто тебя ни в чем не обвиняет, но документы надо найти. Коржикова, что ты там разглядываешь?! Эти шпингалеты намертво забиты! Или... ты что думаешь?

– Я вот думаю, Нина, когда окна мыла, открывала эту створку или нет?

– Да Нина окна две недели назад мыла!

– А тогда открывала?

– Анфис, – начала Наталья Ивановна, – если бы она тогда плохо закрыла, у нас аптеку на сигнализацию после этого не поставили бы!.. А все было нормально! Девочки, точно все было нормально?!

«Девочки» хором согласились, что все было отлично и никаких претензий со стороны «сторожей» не возникало.

Анфиса еще некоторое время поизучала шпингалеты и рамы, повернулась и взглянула на толпу поклонников и зрителей.

«Девочки», включая заведующую, смотрели на нее с надеждой и некоторым благоговейным интересом. Должно быть, именно так капитан Гастингс взирал на папашу Пуаро, когда тот восклицал, что все дело в серых клеточках!

Все в аптеке знали, что никто лучше Коржиковой не разгадывает маленькие житейские головоломки, вроде потерянных записных книжек, странных телефонных звонков по ночам, загадочных стуков и подозрительного старика с первого этажа.

Аптечные неприятности ей тоже удавалось улаживать, а каких только неприятностей не происходило в аптеке!

Пропала пачка дорогостоящих витаминов, у заведующей из сумки стянули пятьсот рублей, Таня Тимофеева мыла руки, оставила кольцо, хватилась, а его нет!

Анфиса задавала вопросы, выслушивала ответы, сопоставляла факты, выстраивала «логические цепочки» – и витамины находились, кольцо возвращалось и даже практикантка, стянувшая пятьсот рублей, всхлипывая, вернула их заведующей и поклялась больше «никогда-никогда» ничего подобного не делать!

– Варвара Алексеевна, вы вчера во сколько уходили?

– Виктор Семенович приехал в пять, а я ушла... ну, минут через пятнадцать.

Виктором Семеновичем звали аптечного водителя, который возил заведующую, и его же время от времени посылали по всяким мелким нуждам.

– Он отвозил бумаги в аптечное управление, вернулся к пяти, и я ушла.

– Наталья Ивановна, а вы остались, да?

– Ну да, – подтвердила вторая заместительница и поправила громоздкие очки на носу. – Татьяна Семеновна была в первую смену, а я во вторую, все как обычно.

Анфиса подумала секунду.

– Нужно опросить всех, кто вечером работал, – озабоченно сказала заведующая. – Потому что вчера, когда я уходила, документы точно были! Я еще печать поставила на договор по «Ксеникалу», который только привезли! А утром они пропали.

И она вопросительно взглянула на Анфису. Та подозрительно помалкивала.

По-своему оценив ее молчание, заведующая покачала головой:

– Да не мог никто влезть, Анфиса! У нас самый центр, и в ночь-полночь народ ходит, и сигнализация ни разу не срабатывала, и вчера все как положено было – на охрану сдали, пароль записали. Так ведь, Таня?

– Ну конечно, Варвара Алексеевна!

– Или Клавиному мужу звонить, что ли? Может, он по-тихому разберется, чтобы нам милицию не вызывать?

Муж Клавы Ларионовой, бывшей Ковалевой, работал в уголовном розыске и имел репутацию первоклассного сыщика. В свое время он даже спас Клаве жизнь, когда какой-то придурок вздумал стрелять в нее в аптечном дворе, и все аптечные барышни после этого преисполнились к нему самого горячего уважения. Андрей Клаву спас, собой закрыл – прямо как в кино, девочки, ну, как в кино! – а потом женился.

С Клавой Ларионовой, бывшей Ковалевой, Анфиса связывала все надежды на собственную «легализацию».

Клава тоже была «неправильной». Клава, детдомовский заморыш, оказалась богатой наследницей – на самом деле богатой, с недвижимостью за границей, со счетами в надежных банках в надежной стране Швейцарии, с виллой в Марбелье и всеми остальными радостями жизни, – и тем не менее аптеку не бросила, все продолжала работать до той самой минуты, пока не отправилась рожать. В роддом ее провожали всей толпой, потому что Виктор Семенович увез ее прямо с рабочего места, а майор Ларионов, настоящий муж и будущий отец, разумеется, опоздал и, утратив всю свою милицейскую сообразительность, примчался в аптеку, а не в роддом. И ему долго втолковывали, куда нужно ехать, а он только смотрел по сторонам и мотал лобастой башкой, а потом заведующая принесла валокордин в мензурочке. Он дико взглянул на нее, опрокинул валокордин в себя, как водку, и пропал из виду, только протопали по крыльцу тяжелые башмаки.

Весь день в аптеке никто не работал, все тихо переговаривались, украдкой утирали слезы, каждую минуту звонили в роддом и сами бросались к телефону, хотя в обычные дни он звонил совершенно без толку, трубку никто не брал, потому что всем и всегда было некогда. Уборщица Нина, как тень отца Гамлета, бродила по аптеке и выдвигала ящики в соответствии с верной приметой – когда женщина рожает, все ящики должны быть выдвинуты, а двери открыты. Следом за ней ходила заведующая и задвигала – в соответствии с инструкцией о хранении медицинских препаратов.

Клава благополучно родила и собиралась вскорости снова выйти на работу, хотя, судя по счетам в банках, у нее не было никакой такой необходимости.

Ларионов регулярно заезжал к ним за подгузниками и детским питанием и олицетворял собой «полную аптечную безопасность». Все знали, что «в случае чего» нужно немедленно звонить Ларионову, и все будет хорошо. Несмотря на то, что никто ему отродясь не звонил, такое знание добавляло им уверенности в себе и в жизни.

– Подождите, – попросила Анфиса, – не надо Ларионову пока звонить. Вы мне лучше скажите, Варвара Алексеевна, а кто вчера вечером к вам заходил? Перед самым вашим отъездом?

– Господи помилуй, – сердито ответствовала заведующая, – да кто только не заходил! У меня не кабинет, а штаб-квартира в Смольном, ты же знаешь!

Она сняла очки, посмотрела на них и нацепила обратно.

– Значит, так. Наталья Ивановна заходила точно. Мы про крем от загара говорили, который на реализацию взяли – он у нас не идет, потому что не сезон. А у него срок годности ограничен, и с ним нужно что-то делать. Да ты знаешь, наверное.

Анфиса не знала, потому что крем продавался в соседнем отделе, в Натальином. Отдел назывался красиво – «готовых форм».

– Но я не брала ничего, никаких договоров, как вы можете, Варвара Алексеевна, ей-богу!

– Да никто не брал, – перебила ее заведующая. – Однако же они пропали!

– Да я к столу близко не подходила! – заговорила заместительница в полном возмущении. – Вы же знаете, я никогда не подхожу, Варвара Алексеевна! Я всегда здесь сажусь!

И она простерла руку и указала на стульчик, примостившийся за полированным шкафом. В шкафу заведующая держала «вкусное» к чаю, записные книжки, старые и новые, которые дарили аптечному руководству на каждый Новый год по полтора десятка, рождественский венок из искусственных веток и три парадные чашки с блюдцами на случай приезда какого-нибудь начальства.

Стульчик и впрямь был любимым местом заместительницы, все об этом знали.

– Так. Оксана заходила, заявление на отпуск я ей подписала, это я уже одетая была... Ну, Виктор Семенович... Он сумку мою забрал. Да, еще Лида, она льготников принесла...

Славу я вызывала, у меня принтер не работает, я просила его приехать и посмотреть. По телефону вызывала, его вечером в аптеке не было. Потом Нина зашла, она у меня вчера мыла. А больше... не помню никого.

– Завьялова, – подсказала Татьяна Семеновна, – она к вам заходила, точно. Я мимо шла, а она из кабинета выходила, и дверь за собой прикрывала.

– Не помню, – задумчиво сказала заведующая, – Завьялову не помню. А может, я с ней и не разговаривала. Самое главное, что вечером договоры все на месте были! Вот тут, справа лежали. Целая стопка.

– Самое главное, – сказала Анфиса, – что они не нужны никому, наши договоры. Вот это самое главное. И странное. Зачем их взяли?

Заведующая пожала плечами.

– Может, я пойду? – с надеждой спросила Татьяна Семеновна. – А Завьялову пришлю. Вы у нее спросите, заходила она или нет? А то там народу полно небось!..

– Идите, – махнула рукой заведующая. – Анфис, тебе Завьялова нужна?

Анфиса покачала головой.

Значит, Оксана, водитель Виктор Семенович, Лида. Они заходили все по очереди, и договоры еще были. Заведующая помнит точно, потому что на один из них ставила печать. И программист Славик, присутствовавший виртуально, по телефону.

Оксана хотела в отпуск, водитель забирал сумку, Лида принесла льготные рецепты, а Наталья Ивановна сидела на своем любимом месте. Славик получил указание починить принтер, который не работал, но вечером его в аптеке не было.

Договоры пропали.

Они никому не нужны, кроме сотрудников. Да и сотрудникам не нужны, только заместителям и бухгалтерше, для отчета.

– Ну что? Звоню Ларионову? – И заведующая протяжно вздохнула, словно прощаясь со своей спокойной жизнью, в которой все было так хорошо.

– Подождите, – попросила Анфиса, – подождите, Варвара Алексеевна!

Что-то важное было в списке тех, кто приходил вчера в кабинет, что-то такое, что все объясняло, и она просто не может ухватиться за это важное, ухватиться и вытянуть на свет...

– Сейчас, сейчас, – бормотала она. – Сейчас...

Татьяна Семеновна замерла в дверях, Наталья Ивановна от волнения примостилась на свой любимый стул за полированным шкафом, а заведующая снова сняла очки.

– А сегодня?

– Что?

– Сегодня принтер работает?

– Да я и не смотрела даже, – удивилась заведующая. – И понятия не имею!

– Славик утром был, – объявила Наталья Ивановна. – Он еще до открытия пришел, что-то тут поковырял, да и ушел.

Ну конечно. Был и ушел.

Анфиса протиснулась мимо заведующей, подняла крышку принтера и вытащила из него неровную стопку бумаги.

Договоры.

Татьяна Семеновна ахнула. Наталья Ивановна вскочила со стула. Заведующая нацепила очки.

Анфиса королевским жестом подала бумаги Варваре Алексеевне.

– Они?

Заведующая быстро перелистала.

– Они, – помедлив, ответила она. – Спасибо тебе, Коржикова. Придется премию выписать.

– Ну, слава богу, – пробормотала Наталья Ивановна.

– А вы все – милицию вызывать! – сказала Татьяна Семеновна.

– Ты объясни мне, как они в принтер попали?! Это Славик, что ли, баловался?!

– Да никто не баловался, – Анфиса была очень довольна собой и впрямь чувствовала себя папашей Пуаро. – Он утром пришел, принтер настроил и, чтобы проверить, как он работает, сунул в него первую попавшуюся пачку бумаги, только и всего! Вы же всегда ругаетесь, когда мы на чистой бумаге черновики пишем!

– Ругаюсь, – подтвердила заведующая, – а как же мне не ругаться, когда это расточительство сплошное! Два слова напишут, и листок в корзину! А бумага денег стоит, и деревья надо жалеть!

– Ну вот он и взял листочки, на которых с одной стороны что-то такое уже напечатано было, да и сунул в принтер! Для проверки.

Заведующая подумала секунду и улыбнулась от души.

– Ну, гора с плеч! А как ты догадалась, что их не крал никто?!

– Кому они нужны, Варвара Алексеевна, наши бумажки? Да никому. И диверсант вряд ли какой-то нагрязнул, который хочет лично вам неприятности доставить! Так что я решила, что из кабинета их никто не выносил, а значит, они где-то здесь. А когда про Славика услышала, догадалась, что они в принтере.

– Одной премии мало будет, придется две выписать, – заключила заведующая весело, – а теперь все по местам, и работать, работать!..

– Ты молодец, – сказала Анфисе Татьяна Семеновна, когда они шли по коридору к торговому залу, – а то и вправду бы пришлось милицию вызывать. Позор какой!

– Спасибо, – с чувством сказала Анфиса.

Ей нравилось, когда ее хвалили – особенно за ее сыщицкие заслуги. Ничего ей так не нравилось, как время от времени почувствовать себя «папашей Пуаро»! И бабушке очень хотелось рассказать, и чтобы она непременно похвалила!

Как только они вышли в зал, лица всех «девушек» до одной обратились к ним, а Наталья Завьялова, изнемогая от любопытства, нетерпеливо кивнула снизу вверх.

– Все в порядке, – сказала Анфиса одними губами.

Оксана подскочила к Татьяне Семеновне, и та быстро зашептала ей на ухо. Оксана округляла глаза и прижимала ко рту растопыренные пальцы. Анфиса быстренько пробралась на свое место.

– Нашла?

– Нашла, конечно.

– Ну и кто, кто? Кто взял?..

– Никто не брал!

– Как не брал?! – поразились Наталья. – Они же еще утром пропали!

– Пропали, но их никто не брал, – зашептала Анфиса, – их Славик по ошибке в принтер сунул. Он принтер чинил и сунул туда всю пачку – чтобы проверить, печатает он или нет!

– Вот дурак, а? – в голос сказала Наталья. – Вот дела, а?

– Он не дурак, он ничего такого не хотел. Просто случайно получилось.

– А что ты так радуешься, Коржикова? – спросила Лида и усмехнулась недобро. – Тебе лишь бы начальству показать, какая ты умная и правильная, да? А что тут люди по полгода работают и без отгулов, и без праздников, это тебе все равно, да?

И понесла про какой-то проездной, который ей не оплатили, и про дом отдыха в Вятках, и про витаминизированную диету и еще про что-то непонятное.

– Не обращай внимания, – посоветовала Наталья тихонько. – Это она оттого, что несчастная.

– Ну да, – неопределенно согласилась Анфиса.

Ей не было жалко несчастную Лиду. Она была твердо убеждена, что Лида никакая не несчастная, а просто злобная дура.

– Девушки, – позвали с той стороны прилавка, – девушки, у вас есть препарат?..

Анфиса моментально переключилась на покупательницу.

– Какой именно?

– Я не знаю, как называется. Ну, такой, от которого ребенок отличником становится!

Анфиса и Наталья переглянулись.

Заполошная мамаша, которой не понравились их переглядывания, посмотрела на них с плохо скрытым отвращением. Лопухий пацанчик рядом с ней равнодушно ковырял в носу.

– Вы что? Рекламу не знаете?

– Простите, – очень вежливо сказала Анфиса, – какую именно рекламу вы имеете в виду?

– Ах, господи, ну какую же! Такую. Где родительское собрание, а все учителя говорят – он моя гордость, отличный математик, прекрасный художник, и всякое такое! Ну? Не знаете, что ли?

– Знаю! – воскликнула Наталья радостно. – Знаю! Там еще что-то такое... про природу, да? Все это, мол, от природы. Ну, способный он от природы то есть, – пояснила она неосведомленной Анфисе.

Анфиса не очень разбиралась в рекламе и в природе тоже с ходу не разобралась.

– Так где же мы возьмем вам... природу?

– Ах, господи, да не нужна мне никакая природа, что вы, в самом деле! Мне нужно, чтобы мой сын стал отличником!

– Заниматься с ним надо, – пробормотала Анфиса. – Если заниматься, то он станет...

– Ах, господи, я сама знаю, что надо, а что не надо! Своих детей родите и занимайтесь с ними, а мне нужно средство, чтоб, как в рекламе, он научился рисовать и рекорды ставить! Там ясно сказано – принимай препарат, и станешь!

– А я знаю! – вскрикнула Наталья. – Это витамины такие!..

– Петя, перестань ковырять в носу, сколько раз говорила, не ковырай, когда руки грязные!

– Когда чистые, тоже лучше не ковырять, – не удержалась Анфиса.

– Ах, господи! Вас, девушка, не спрашивают! Своих родите и учите, а я своего сама выучу!.. А от этих витамин точно умнеют?

– Я не знаю, – растерялась Наталья. – Витаминки, конечно, необходимы растущему организму, а насчет ума...

– Но в рекламе ясно сказано, что умнеют! Или вы мне не то подсовываете, девушка? Петя, вытащи палец из носа! Там же ясно говорится – он наша гордость!

– Нет-нет, точно. Вам нужны эти витамины.

– Да зачем мне просто витамины, мне надо, чтобы как в рекламе, чтобы гордость и чтоб он рисовал!.. Рисовать совсем не умеет! Как будто руки другим концом приделаны!

– Попить витамины очень полезно, – опять вступила в дискуссию Анфиса, – но с рисованием это никак не связано.

– А вас, девушка, не спрашивают! Что вы все суетесь?

– Я не суюсь.

– Вот и не суйтесь! А сколько надо пить, чтобы поумнеть?

– Да я точно не знаю, но там инструкция есть, и в ней норма ежедневного приема, – успокоила ее Наталья, подцепила ногтем крышку и показала. Внутри действительно была инструкция. – Вы почитайте и все поймете.

– А вы почему не знаете, девушка? Или вы мне не то подсовываете?!

– Да все то! Как в рекламе. Вы берете или нет?

– А от него точно умнеют?

Анфиса поняла, что конца этому не будет никогда, и решила предоставить Наталье самой разбираться. Ведь она первая догадалась, что это за препарат волшебный, от которого «умнеют и рисуют», пусть теперь и расхлебывает!

Искренняя и безграничная вера телезрителей и радиослушателей в рекламу поражала Анфису до глубины души.

Ну ведь в здравом уме и твердой памяти человеку должно быть понятно, что невозможно похудеть путем ношения специальных штанов, к примеру! Ведь если бы было можно, человечество, нарядившись в чудо-портки, навсегда распрощалось бы с проблемой лишнего веса! А бедные стесняющиеся тетеньки с кривыми зубами, настаивавшие целую кучу чужих белых вещей, которые нелепо выкрикивают: «Только «Глайд»!»? А волосы, которые привязывают к бамперу грузовика, чтобы доказать, что они стали «еще сильнее и еще длиннее»?! Что значит – «еще сильнее», вот вопрос? А когда были «менее сильными», выдерживали только вес легкового автомобиля?!

Анфиса вздохнула, искоса посмотрела на Наталью, которая все пыталась втолковать покупательнице и Пете, продолжающему изыскательные работы в своем носу, что вряд ли от витаминов он необратимо поумнеет, и продала средство от головной боли и но-шпу.

За будущей гордостью отечественной науки Петей и его высокообразованной мамашей уже выстроилась небольшая очередь. Наталья слегка занервничала, но мамаша была кремень и позиций сдавать не собиралась. От Натальи требовалось твердое обещание, что Петя поумнеет, как только «пройдет курс», которое Завьялова дать никак не могла.

За аптечной дверью вдруг произошел какой-то шум, движение, и девушка с зонтиком под мышкой тоненько взвизгнула, что-то загрохотало, и охранник выглянул из-за своей загородки: глаза у него округлились, как у маленького. Истерически задребезжал колокольчик, который заведующая привезла из какой-то дальней поездки и пристроила над дверью, чтобы было «как в замке». Петя внезапно вынул палец из носа, уборщица Нина истоиво закрестилась, а Наталья Завьялова бедром задвинула кассовый ящик с деньгами и налегла грудью на аппарат, закрывая телом аптечное достояние.

В аптеку ввалился молодой мужик в залитой кровью рубашке. Ладонью он прижимал висок и щеку. Все шарахнулись от него в разные стороны, и он как-то в одну секунду оказался в полном одиночестве в залитом солнцем аптечном зале, и Анфиса видела только, что из-под его пальцев, как в замедленной съемке, стекает кровь и большими каплями падает на недавно вымытый Ниной пол. Капли шлепаются, как маленькие взрывы.

– Помогите! – прошептала рядом Наталья и зажмурилась.

Охранник с растерянным лицом неловко двинулся навстречу истекающему кровью посетителю и еще вокруг оглянулся, как бы спрашивая у притихшей аптеки, что теперь ему делать. С непривычки трудно убедительно изобразить из себя Рембо, даже если все ждут от тебя именно этого!

Окровавленный мужик оторвал руку от щеки – кровь полилась сильнее. Он досадливо смахнул ее ладонью, и она потекла у него по руке, прямо за белую манжету рубашки. Его качнуло – все ахнуло, – он схватился за белую стену и устоял.

Потом обвел всех взглядом и рявкнул неприязненно:

– Ну?!

Мика задумчиво положила на стеклянный стол трубку и посмотрелась в зеркало.

Трубка ее расстроила, а зеркало порадовало.

В трубке никто не отвечал, хотя должен был, а в зеркале отражалась она сама и девушка, которая укладывала ей волосы. Мика очень любила, когда ей укладывают волосы, и вообще парикмахерские она любила.

Фены гудели бодрым низким гудением, пахло какой-то специальной «салонной» парфюмерией, музыка играла по-утреннему бодро, девушки порхали за спиной, улыбочивые, любезные, ловившие каждый взгляд или самое смутное движение клиента.

Проверяя это, Мика потянулась лениво и осторожно, выпростала из пачки сигарету. Осторожничала не потому, что ногти были накрашены, а потому, что ей нравилась... эта игра.

Фен, теплом обдававший затылок, моментально смолк.

– Пепельницу, Марина?

– Хотелось бы, – ответила Мика лениво, и та, что укладывала ей волосы, оглянулась по сторонам. Подскочила другая, маленькая и чернявая, они пошептались, и через полминуты пепельница была перед ней.

– Может, кофе? Или чаю?

– Минеральной воды без газа, если можно, – попросила Мика нарочито тихо, заставляя обеих нагибаться к себе, – не очень холодную. И с лимоном.

– Одну минуточку.

Чернявая пропала с глаз, а вторая осталась и спросила почтительно:

– Я могу продолжать?

– Конечно, – наслаждаясь властью, разрешила Мика, – продолжайте, на самом деле у меня времени не так уж и много!

Времени у нее было сколько угодно, и на свою встречу она вполне могла опоздать, но это была игра, и Мика самозабвенно в нее играла.

Сигарета хорошо пахла, тоненько дымилась, и фен опять загудел, мягким теплом обнимая затылок и шею. Мика закрыла глаза.

Илья почему-то не отвечал на звонки, и это ее слегка беспокоило, как беспокоит человека, лежащего в гамаке, звенящий в отдалении комар. Вроде бы и не кусает, и не приближается вовсе, но даже просто мысль о том, что прилетит и нарушит послеобеденную истому и гармонию, – отвратительна и почти невыносима.

Мика не любила неудобств, ни крупных, ни мелких.

Фен опять смолк, и она, не открывая глаз, вопросительно подняла брови.

– Ваша минеральная вода, – прошелестели рядом, – и я хочу вот тут чуть-чуть поправить. Можно?

Приятное звяканье ножниц, дрожание пряди у виска.

Мика приоткрыла глаза, но в зеркало смотреть не стала – взглянула на свою руку, лежащую на ручке кресла.

Все отлично. Рука очень красивая. Косточки тоненькие-тоненькие, кожа розовая и белая. Никакой грубости, самая изящная работа. Кольцо... очень правильное. Белое золото, тонкая оправа, солидный бриллиант.

Она, Мика, как раз из тех женщин, которым подают лимузины прямо к ковровой дорожке. Каблочки которых никогда не месят земную грязь, а пальчики не стирают пеленки и не зажигают газ под замызганным чайником. Которые расплачиваются золотыми кредитными карточками – если вынуждены расплачиваться сами, – и за которых платят по карточкам «Dinners Club» уверенные в себе, глянцевого, подтянутые и загорелые мужчины класса «люкс». Которые живут только на виллах с прислугой и держат очаровательных маленьких собачек, придающих им особый шарм. Для собачек покупаются пальтишки и ошейники с бриллиантами. Такие женщины имеют в своем гардеробе полтора десятка «маленьких черных платьев» и столько же ниток натурального жемчуга разного оттенка. Они не проводят все время в салонах и на пляжах, что за расхожие глупости! Они заняты очень серьезными и важными делами, и эти дела отнимают у них все свободное время. Они возглавляют комитеты по спасению тутового шелкопряда и комитеты по освобождению женщин Буркина-Фасо от рабского труда. Они помогают беженцам Ганы и осуждают режим Уганды. Они борются за права своих сестер, кото-

рые до сих пор томятся в гаремах и лишены возможности получить профессию водителя-дальнобойщика. Оставляя на руках почтительных швейцаров легкие шубки, они включаются в борьбу за права животных и спасают их от варварского истребления! Они устраивают благотворительные приемы в фонд помощи медузам Эгейского моря и замерзающим детям Чукотки.

Впрочем, в последнее время Чукотка замерзать решительно отказалась, и пришлось даже отчасти переключиться на высыхающие реки Сахары.

Затем их, усталых и измученных, разбирают по домам водители на лимузинах, и дома все повторяется вновь – доклад гувернантки о проделках Фролушки и Аксины, доклад домоправительницы о поведении Чарли – «Чарлик, прелесть моя, сколько раз я говорила, чтобы ты не грыз мамины туфли!». Доклад садовника о том, что мимоза – «тудыть ее так!» – засохла. Фролушка в свои шесть уже пробует курить, а Аксины полила сиропом папин смокинг – «Сколько раз я говорила, Галина Петровна, что детям не место в гардеробной!». Затем приезд папы, маленькое черное платье, нитка жемчуга, вечеринка в «Царском селе» или Дворянском собрании.

Напряженная жизнь трудовой современной женщины.

Мике казалось, что это самая лучшая жизнь, которая только может быть, и она всей душой стремилась к ней. А если не удавалось, так хотя бы чтобы было похоже!

Курить ей не хотелось, но дым сигареты, старательно оберегаемый от фена, приятно щекотал нос. Не поднимая глаз, она взяла стакан с минеральной водой и осторожно глотнула, опять с удовольствием посмотрев на свою руку.

Мика не любила теплую воду, да еще с лимоном, но пила, потому что китайский чай и теплая вода свидетельствовали о том, что «все в порядке». Правила игры выучены назубок и применяются с блеском.

Фен все еще гудел.

Она потушила сигарету и еще раз набрала номер Ильи. Длинные гудки и больше ничего.

Куда он запропастился?! Вечная с ним история – как только он пропадает из поля зрения, так сразу что-то происходит!

Даже не верится. Мика старалась не выпускать его из виду, контролировать если не каждое движение, то все-таки большинство движений – и ей это удавалось. Он-то думал, что просто поддерживает бывшую жену «из благородства и дружеских чувств», а на самом деле она руководила им – ловко и осторожно. Мужчины частенько не видят того, что у них под носом, зато отлично разбираются в том, что «там, за горизонтом»!

Ну где это видано, где это слыхано, чтобы бывший муж возил бывшую супругу в салон, к примеру, вот как сегодня! Или провожал на бал, когда Мике было не с кем выйти. Или привозил деньги, когда они у нее заканчивались. Впрочем, его деньгами Мика старалась не злоупотреблять, он и так был щедрым, и она боялась перегнуть палку. На поддержание того образа жизни, который был для нее важнее всего, ей вполне хватало и отцовских, а Илья требовался совсем для других целей.

Куда более важных.

А Илья, улучшенный чутким Микиным руководством, был вполне безмятежен и уверен, что всё делает «как все» – провожает, возит, денежки дает. То есть полностью подконтролен.

Мика долго, незаметно и очень упорно, как китайский крестьянин, создавала и возделывала свое рисовое поле под названием Ильи Решетников, и скоро станет ясно, насколько ей все удалось.

Мастерица выключила фен, сунула его в кольцо, прикрепленное к стеклянной столешнице, и принялась разбирать ее волосы на пряди, одну за одной. Мика откинула голову и улыбнулась. Ей очень нравилось, когда возились с ее волосами.

Цель близка, и Мика ее достигнет.

Пальцы впились в подлокотник. В конце концов, она обещала, что решит все проблемы. Она и решит, именно потому, что сильная, гораздо сильнее остальных.

Она обещала и выполнит обещание. Она сильная, сильнее всех...

Не помогло. Вдруг накатила тошнота, самая настоящая, первоклассная, от которой вся жизнь словно сосредотачивается на уровне горла и кажется, что вот-вот задохнешься, и нужно как-то остановить это, удержать в себе, нельзя выворачиваться наизнанку!..

Мика задышала глубоко, резко выпрямилась, дернула головой, и мастерица выпустила тугие пряди.

– Мариночка, вам неудобно?

– Нет-нет, все в порядке. – Тошнота отступала, перед глазами светлело. – Прошу прощения.

– Ничего-ничего, – заторопилась мастерица. – Я, наверное, слишком сильно потянула.

Она не тянула. Это Мика потянулась за своими мыслями, которые оказались острыми, как отточенная железка, впились в горло, не давая дышать.

Она обещала и выполнит обещание, но думать об этом больше не станет.

Пока не станет. Так и до беды недалеко.

Чур меня, чур, чур...

Телефон зазвонил, и она схватила трубку, потому что отточенные железки все еще угрожали ее незащитному горлу.

Номер не определился.

Мика перевела дыхание, секунду посидела и нажала кнопку:

– Слушаю, Илюша! Это ты? Я тебе звонила, а ты куда-то пропал!

– Это не Илюша.

Да, это не Илюша.

Она думала об Илье и поэтому ошиблась. Сегодня она ошибается все утро.

Что-то с ней случилось. Или только случится?..

Самое страшное впереди, и она это знает. Самое страшное, самое темное, и она, Мика, в центре этого, как в середине черной дыры. Считается, что выбраться из нее невозможно, но она выберется, по крайней мере, сделает попытку.

Илья ни о чем не догадается – трудолюбивый и недалекий китайский крестьянин, застрявший в болоте своего рисового поля, и он ей послужит.

– Валечка, прости, пожалуйста, я думала, что это Илья! Быть тебе богатым...

– ...и счастливым, – подсказал тот.

– И счастливым, – согласилась Мика.

Сердце заныло. Этот звонок мог означать, что срок уже близко.

Господи, когда же наконец она перестанет бояться его звонков и будет просто радоваться им как нормальная женщина, которой звонит любимый мужчина?!

– Ты где?

– Я еще в салоне, Валя, но я почти освободилась, – и короткий взгляд в зеркало на мастерицу. Та кивнула, подтверждая – да, да! – и опять взялась за пряди.

– Я уже на Тверской, – сказал он недовольно, словно нащупав привычный тон после ее ошибки.

Он ревновал ее к Илье – или делал вид, что ревнует, Мика точно не знала.

С ним она ничего не знала точно.

– Я на Тверской, ты закончишь и приходи во «Французскую кофейню». Кофейку попьем. Мне есть что тебе сказать.

– Что?! – вскрикнула она, и мастерица опять глянула – на этот раз изумленно. – Что? – повторила Мика потише. – Что случилось?

– Ничего, – помедлив, сказал он, и из-за того, что он медлил, из-за этой секундочки Мика поняла – случилось. – Давай заканчивай, и я все тебе расскажу.

– Валя, скажи мне сейчас.

– Я за рулем, и я не люблю разговаривать наспех.

О да, это она знала! Он готов был всю душу из нее вынуть, но не «разговаривать наспех»! У него были «принципы», которых он железно придерживался. И могло происходить все, что угодно, он никогда не станет их нарушать. Даже если она рыдала и умоляла, а бывало и такое!..

Почему-то после разговоров с ним ей иногда становилось стыдно, хотя ничего такого он не говорил. И после секса с ним ей тоже было стыдно. И хотелось скорее в ванную, хотя бы для того, чтобы остаться одной, посмотреться в зеркало и увидеть в нем... себя.

Это она. Опять она. Ничего страшного.

Мика убеждала себя, что должна любить его, и старалась изо всех сил – как будто выполняла порученную работу.

Кем? Зачем?..

Что за работа?..

– Валечка, я сейчас освобожусь, но все же скажи мне, что случилось?

– Не надо на меня давить, – моментально ответил он. – Что за привычка!.. Если твой муж был кретином, это не означает, что и я кретин!

Мике захотелось сказать, что Илья вовсе не кретин, просто он... другой, но она благоразумно промолчала.

– И не доставай меня! Ты же знаешь, что я...

– Ты не любишь разговаривать наспех, – быстро закончила она, – но все-таки скажи мне, ничего страшного?

– Приходи в кофейню, – ответил он сухо, – там и поговорим. И вообще, что за манера таскаться в эти салоны?!

Она вздохнула.

– Мне хочется тебе нравиться, – это было сказано с попыткой кокетства и потому, должно быть, прозвучало так глупо.

Он пробормотал что-то в том смысле, что ему и так все нравится, и повесил трубку.

Мика нажала кнопку на своем телефоне, посмотрела и осторожно подышала в окошко. А потом протерла его пальцем.

Ну почему все так трудно? В чем она виновата?!

Едва освободившись от Ильи, она угодила в ловушку, да еще какую!

Ловушка, расставленная на волка, прихлопнула синицу так сильно, что почти переломила ей хребет. Она не готова, она слабая, нежная, она в Дворянское собрание хочет или в «Царское село»!

– Марин, затылок начешем или так оставим? Так поживее, но если нужно, чтобы держалось...

Мика посмотрела так и эдак.

– Оставим, – решила она. Пряди разлетались, как будто она родилась с такими, а не просидела полдня в парикмахерской!

Господи, что случилось? Что *могло* случиться, ведь Валя в прошлый раз сказал, что *время пока есть*!

Времени осталось мало, вспомнилось ей из песенки, время говорит: «Скорей!»

Она заплатила по счету – золотой кредитной карточкой, разумеется, – прибавила мастерице на чай, не слишком много, примерно столько, сколько составляла месячная «базовая» пенсия. Об этой самой пенсии Мика только вчера услышала по телевизору.

На Тверской была толкотня – вот никогда она не знала, куда бегут все эти люди, чего им не сидится дома! Она, Мика, ни за что не стала бы просто так шататься по улице, она все-

гда была домоседкой. Что может быть лучше уютного и чистого простора, своего собственного, ограниченного только светлыми стенами, с маленькими, частными, уютными делами. Свежий номер дамского журнала, итальянский кофе в плотном пакете – как только открываешь пакет, запах вырывается наружу, освежает голову, обдает радостным предвкушением. Кремовый диван, лэптоп с видом Швейцарских Альп на мониторе, стеклянный стол и пепельница с серебряной крышечкой, и салфетка в кольцо, и сухое печенье в вазочке. Любимые книги, уютные домашние туфли – никаких тапок Мика не признавала, боже сохрани! Как и ее мать, она ненавидела всякую бытовую распушенность, которую обожал ее бывший муженек.

Он-то как раз валялся на раритетных чипендейловских диванах в старых джинсах, вытянутых майках и босиком! Еще он курил и совал свои бычки во все пепельницы, которые только попадались ему по дороге, и Мика ходила за ним и собирала их – она ненавидела окурки! А у него была странная идея относительно того, что ему должно быть... удобно! Удобно, черт возьми!

Мика пыталась внушить ему, что прежде всего должно быть *прилично*, а уж потом *удобно*, но он и слушать не желал. Он пил кофе из бульонных кружек, не разрешал выбросить ни одну свою старую майку и однажды выгнал домработницу Люсю, которая попыталась навести порядок у него в кабинете!

Люся рыдала, Мика ее утешала, подносила валокордин, валерьянку и нашатырный спирт – она видела в кино, что именно так нужно приводить в чувство тонкие натуры, впавшие в истерику. Ее муженек равнодушно курил.

«Илюша, – говорила Мика, прислушиваясь к рыданиям домработницы, – ну разве так можно? Она же хотела тебе помочь разобраться! Ну за что ты на нее накричал?»

«За то, что она копалась в моих вещах, а я этого терпеть не могу», – отвечивал ее бесчувственный во всех отношениях муж.

«Но ведь там у тебя... ужасно. Беспорядок, Илюша! Как же ты не понимаешь?!»

«Но ведь это мой собственный беспорядок. Мне он подходит. А она выбросила мою любимую пепельницу!»

Эту пепельницу Мика тоже ненавидела. Она была сделана из глины и представляла собой точную копию открытой консервной банки. Бок этой шедевральной пепельницы украшала надпись «Бычки в томате». Мика ненавидела ее лютой ненавистью и в конце концов выкинула, но не могла признаться, что это она, а не Люся!

«Илюша, мы ее случайно разбили, а не выкинули!»

«Не надо было вообще ничего трогать в моей комнате. Я просил сто раз. Если она опять полезет, я опять буду орать, предупреди ее сразу!»

Люся услышала и наддала, а муж встал и пинком ноги захлопнул дверь в комнату, где оскорбленная домработница старательно выводила свои рулады.

Мика, отчаявшись уладить этот чудовищный семейный скандал – а она искренне верила, что это и есть скандал, и именно такими они и бывают, скандалы, – произнесла тихо и укоризненно:

«Ты просто совсем не умеешь ценить заботу».

«Я умею. Но если кому-то что-то не нравится в моей комнате, то вряд ли я могу с этим что-то поделать!»

Разболтал в бульонной кружке гадкий растворимый кофе, выложил туда полбанки ступенки – ужас, ужас! – ушел и закрыл за собой дверь.

А поначалу Мика верила, что ей удастся его... очеловечить. Улучшить. «Поднять до себя», как говорили в ее семье. Но он решительно не хотел «подниматься», и с некоторых пор она вдруг обнаружила, что он на самом деле считает, что и так хорош! Он, который думал, что форс-мажор – это гитарный аккорд, который считал, что Сенека вел «Клуб путешественников», и спотыкался на слове «визуальный»!

Пепельницу – точную копию уничтоженной – ему вскоре привезли дальние деловые партнеры из Киева. Еще они привезли «Горілку з пэрцем», шмат розового сала, обложенный чесноком и завернутый в чистую марлицу, несколько головок синего лука и «кильце» деревенской кровяной колбасы. Вся эта красота внутри идеально чистой прохлады просторного европейского щегольского холодильника несколько дней отравляла Мике жизнь. Она физически страдала, когда открывала сладко чмокающую дверцу и первым делом натыкалась на марлицу с салом! Ей казалось, что ее йогурт пропах кровяной колбасой, а пророщенные бобы провоняли синим луком!

Илья ничего не замечал – отрезал себе толстенный кусок черного хлеба, укладывал на него сало и сверху несколько колечек лука, наливал стопку ледяной «горілки», весело опрокидывал ее в себя и заедал хлебом и салом, жевал идеальными ровными зубами.

Он никогда не увлекался стоматологами, но зубы у него были потрясающие – ровные, белые, один к одному. И это слегка обижало Мику, которая вложила в идеальность своих зубов небольшое состояние и постоянно продолжала вкладывать.

Когда сало подходило к концу, Мика уже твердо решила с Ильей развестись.

Впрочем, она долго не отваживалась переговорить с ним, все жалела его, маялась, уверенная, что он без нее пропадет.

У нее были свои представления о долге перед семьей, перед мужем и обществом.

«Идеалистка!» – нежно фыркал отец, и она привыкла считать себя идеалисткой.

Только такая идеалистка, как она, могла выйти замуж за Илью, чтобы, как выражались в ее семье, «возродить веру в русский народ».

Правда, племянник Боренька однажды поинтересовался с осторожным ехидством, стала бы Мика возрождать эту самую веру в народ, если бы у конкретного народного представителя не было денег, но Мика с гневом отвергла эти гнусные предположения!

Она шла по Тверской, и ей хотелось поскорее добраться до «Французской кофейни», она чувствовала себя на улице неуютно. Ей казалось, что все на нее смотрят, но это не доставляло ей никакого удовольствия. Она полагала, что от скромности. Она знала, что очень хороша собой, особенно сейчас, «после салона», когда пряди разлетаются именно так, как должны разлетаться, кожа сияет, а в глазах легкая настороженность. Эта самая настороженность должна сводить мужчин с ума и сводила, Мика вполне отдавала себе в этом отчет. Короткий, словно умоляющий взгляд, чуть-чуть виноватый, чуть-чуть испуганный и еще как будто с надеждой на что-то – Мика умела так смотреть, чтобы каждый уважающий себя мужчина немедленно испытал благородный порыв защитить это слабое и нежное существо, погрузиться в его сладостные тайны, утонуть в этих бездонных озерах.

Кажется, именно так пишут в статьях про то, как знаменитый актер Андрей Безухов увидел на вечеринке свою будущую супругу – порыв испытал, нежное существо защитил, в сладостные тайны погрузился, в бездонных озерах потонул.

Мика к глянцевым журналам относилась как к библии современной молодой женщины – там есть все, все рецепты счастья, все правильно очерченные границы и практические советы. Так сказать, проект ловушки с приложенным чертежом в трех измерениях.

Пока что ловушки действовали беспроблемно – вот и Валя попался, хотя уж как ей пришлось потрудиться, прежде чем заманила его! И Илюша пока вполне предсказуем, а это очень важно, ибо у Мики есть цель, и он должен послужить ей в достижении этой цели.

И послужит.

Валентин Певцов во «Французской кофейне», окруженный запахами кофе, еды и табака, читал газету и думал о том, что газета невыносимо скучна и в окно видно только узкий московский дворик, вымощенный серым камнем, и не видно Тверскую, откуда должна прийти Мика. Не то чтобы он так ждал ее, что обязательно должен был смотреть в окно и считать минуты,

но он всегда играл в эту игру – раздраженный опозданием мужчина и лепечущая оправдания женщина. Для того чтобы играть правдиво, нужно непременно увидеть ее заранее, желательно в окно, сделать лицо, собрать на лбу складки, углубиться в газету, а когда она подойдет совсем близко, отогнуть манжет и посмотреть на часы.

Ему хотелось поскорее разделаться с делом, для которого, собственно, он и вызвал Мику сегодня, и, хорошо зная ее, он все же не мог предсказать ее реакции, и это слегка его беспокоило. А беспокойство он не любил. Оно, как палка, которой тычет в омут мальчишка, поднимало со дна ил и черноту, сознание мутилось, извивалось, и в нем невозможно было что-то отчетливо разглядеть.

А ему нужно смотреть в оба. В эту, последнюю минуту ничего не должно сорваться.

Столько усилий потрачено!..

Молоденькая официанточка принесла ему заказанный кофе с минеральной водой – лед и лимон отдельно, – он закурил и, отогнув манжету, посмотрел на часы. На всякий случай, если Мика уже поблизости и видит его.

Официанточка быстро ему улыбнулась – видимо, понравился, – но он не обратил на нее никакого внимания. Зашуршал газетой, подвинулся и продолжал думать.

Если его расчеты верны, все будет сделано уже на этой неделе. Контейнер приготовлен, и содержимое его тоже.

Он не хотел марать руки, но быстро понял, что, не замавав их, ничего не достанешь из той кучи дерьма, что простиралась перед ним. Однако думать о том, что не только руки, но и он сам, весь, по самое горло, как-то незаметно и быстро оказался в этом самом дерьме, ему не хотелось.

Он двинул ногой – от раздражения и безразличия – и оглянулся по сторонам.

Кафе было «специальное», куда приходили не столько есть, сколько разговаривать и решать «деловые вопросы». Еще здесь назначали свидания – сытенские девочки и мальчики, потому что «голодным» оно было не по карману: крохотная чашечка двойного эспresso и апельсиновый сок тянули рублей на двести пятьдесят.

Даже сейчас, утром, в кофейне было многолюдно, но никакого шума, грохота музыки или разговоров во все горло. Все по-утреннему оживлены, сдержанны и готовы к наступающему дню. Шуршат газеты, бармен разливает кофе – и никакого виски! – барышни накалывают на серебряные вилочки раннюю израильскую клубнику. У нее нет никакого вкуса, только название и вид, но это так возвышенно – клубника в середине апреля! – что все едят и не морщатся. В белых чайничках зеленый чай, в малиновых салфетках начищенные приборы, сказочные десерты выложены на сверкающие подносы, медные ручки горят огнем, стойка с журналами почти опустела, и солнце вот-вот выглянет из-за весенних туч, просто затем, чтобы заглянуть сюда и порадоваться, что все так чудесно устроено.

В кофейню частенько заходят знаменитости, но не те, что поют с эстрады глупые песни или ведут сомнительные телешоу, боже сохрани, а вполне приличные люди. Валентин Певцов два раза поздоровался – один раз со знакомым, другой раз с вовсе незнакомым, но много раз виденным по телевизору банкиром. Банкир вежливо и безучастно кивнул в ответ. Еще Валентин увидел генерального продюсера Первого канала, тоже будто сошедшего из телевизора, но с ним поздороваться не удалось, ибо тот вообще по сторонам не смотрел, прихлебывал кофе и внимательно слушал собеседника, сильно наклонив голову.

Громогласный и веселый Павел Каплевич что-то объяснял томной девушке средних лет, словно чуть-чуть побитой молью, по виду редакторше, и, видимо, ему нравилось все то, что девушка ему отвечала, потому как время от времени он радостно оглядывался вокруг, будто приглашая всех разделить его хорошее настроение.

Если бы не нынешнее мутное беспокойство, Валентин Певцов сполна наслаждался бы и кофе, и столь изысканным обществом, но не получалось.

Мика появилась совершенно неожиданно, он даже не успел соответствующим образом подготовить лицо.

Она была очень хороша собой – высокая, тонкая, как будто устремленная вверх, в летящей шубке. Не женщина, а мечта.

Может быть, в другое время он и занялся бы ею поосновательнее – она вполне стоила того, чтобы поиграть с ней как следует. Сейчас он не мог, никак не мог. Как только он понял, что она подходит для его цели, он больше ничего не мог с собой поделать. Она стала инструментом, таким же, каким в детстве была его скрипочка. Он даже запах канифоли все время слышал, как только Мика приближалась. Он спал с ней и слышал запах канифоли, смешанный с духами, и от этой смеси его тошнило.

Ничего. Терпеть осталось совсем недолго.

– Валечка, здравствуй, ты не сердись, что я опоздала, я просто немножко позже выехала, и поэтому получилась такая задержка, но ты же не так давно ждешь, а если бы...

– Сядь, – сказал он. Запах канифоли перебил все остальные. Утренние, приятные. – Сядь и остановись, Мика.

Она послушно села, сложила руки на столе. Глаза у нее лихорадочно блеснули – волновалась.

Очень хорошо, пусть поволнуется. Он не станет ей помогать. Мика должна сыграть свою роль, и она ее сыграет, а для этого нужно, чтобы она как следует прочувствовала важность положения.

– Валя, что случилось? – Она поправила прядь, не забывая о том, что только что из парикмахерской, и нужно быть осторожной. – Ты так сказал по телефону...

– Ничего особенного я не сказал. – Он махнул рукой, подзывая давешнюю улыбчивую. – Ты вечно себя накручиваешь, а я почему-то должен...

– Ты ничего не должен, – быстро перебила она. – Ничего! Просто ты же знаешь, как я беспокоюсь из-за этих дел!

Он помолчал, а потом как будто признался:

– Я и сам беспокоюсь.

– Ну? – Она впиалась в него глазами, даже сигарету из пачки не вытащила до конца.

Он чуть-чуть ослабил вожжи:

– Нет, ничего страшного. Просто я думаю, что мы должны действовать быстро.

Он смотрел фильм, где Роберт Редфорд укрощал лошадей. Лошади оказались разные, к каждой нужен был свой подход, и только Редфорд умел найти правильный.

Валентин Певцов тоже был один, а лошадей вокруг много!

Подошла официанточка, наклонилась почтительно, и, не глядя в карту, он заказал Мике зеленый чай, йогуртовый торт и морковный фреш с глотком сливок. Высший пилотаж.

Теперь, следуя за Робертом Редфордом, нужно было бы вожжи подтянуть.

– Время не терпит, – произнес он, как только официанточка отошла. – Если ты на самом деле уверена, что сможешь, нужно действовать. Ты уверена?

Вот это он спросил зря.

Напрасно.

Он дал ей возможность выбора, а этого не следовало делать. Это *он* выбрал *ее* для дела, а уж никак не наоборот!

Как утопающий за соломинку, она моментально схватилась за его оговорку и спросила тихо-тихо, не поднимая глаз:

– А ты думаешь, что у... нас есть выход? Ну... какой-то еще? Другой?

Он тут же вышел из себя.

– Мика, я сто раз говорил, что выход у *тебя*, – он приналег на это слово, – только один. Или собираешься в «Матросскую Тишину»?

– Я никуда не собираюсь, просто мне... – она вытащила сигарету и прикурила нервным быстрым движением, – просто мне очень страшно, Валечка. Так страшно...

Зачем, черт побери, он *спрашивал*, когда надо *приказывать*?

Он молчал, и она снова заговорила. Сигарета мелко дрожала в тонких пальцах, белым колючим светом сверкнул бриллиант кольца, и запах, боже мой, запах!..

Канифоль. Опять канифоль.

– Валечка, я так боюсь! Я сама не знала, как боюсь, и только теперь поняла. А ночью мне сон приснился, ужасный, гадкий! Я проснулась вся в слезах и до утра просидела, не могла уснуть...

– Не хочешь, – перебил он. – Не надо. Все отменяется. И мы закрываем тему.

Вот это было стопроцентное попадание.

– Нет! – вскрикнула она горячим шепотом. – Нет. Как же можно... отменить?

– Ну так. Если ты не хочешь.

– Я хочу. Но не могу.

– Мика!..

– Да-да, – согласилась она быстро. – Да, конечно. Я возьму себя в руки. Сейчас. Сейчас...

Павел Каплевич за соседним столом радостно захохотал и вольготно положил ногу на ногу. Ах, как Мика завидовала ему, и его спутнице, и его понятным и, должно быть, легким и приятным делам!

Валентин Певцов – Валечка – с другого края стола пристально следил за ней, и ничего она не могла понять по его взгляду. А о том, как именно следует читать мысли, глянцевого журналы не писали!

– Валя, я на все согласна, только ты... пожалуйста, приезжай вечером ко мне. Очень страшно одной. Мне все время кажется, что... что за мной следят.

– Кто? – спросил он насмешливо. – Кто за тобой следит?!

– Валя, не смейся надо мной!

Хрупкие пальчики оставляли на стекле с морковным фрешем влажные, мутные отпечатки, и внезапно отчетливая мысль пришла ему в голову.

У него в портфеле была целлулоидная папка с какими-то ничего не значащими бумажками.

Он расстегнул портфель и достал папку, а уж предлоги он всегда изобретал виртуозно.

– Мика, посмотри, пожалуйста, эти бумаги как-то связаны с Николаем Петровичем? Или мне показалось?

От загадочности того, что ему что-то такое «показалось», ей стало совсем нехорошо, и она схватила папку обеими руками. Схватила, ощупала со всех сторон, словно специально.

– А где ты их взял? А? Что-то все-таки случилось, да, Валя?!

– Да ничего не случилось. Ты... посмотри, посмотри.

Документы ничего не значили, какие-то глупые финансовые ведомости, переданные ему секретаршей, – самая большая выплата семьсот три рубля восемнадцать копеек! – но Мика выхватила их из папки, лихорадочно пробежала глазами, приостановилась и заставила себя читать внимательно.

Конечно, ничего такого она оттуда не вычитала.

– Нет, – сказала она несколько растерянно и подняла на него глаза, – нет, это не имеет никакого отношения... А почему тебе показалось?..

Ух, как она ему надоела! С ее подозрениями, страхами, постоянным волнением. Он не стал бы связываться с ней, если бы у него был выбор.

Но выбора не было.

Он аккуратно собрал листочки, сунул их обратно в папку, держа ее двумя пальцами и не опасаясь никаких подозрений со стороны Мики, а папку кинул в портфель и сказал холодно:

– Ты должна сделать это завтра или послезавтра. Я все приготовлю, а ты сделаешь. Потом я улечу, и мы встретимся только в Германии. Я надеюсь, что ты не напортачишь.

– Я постараюсь.

– Я позвоню тебе, а сейчас мне надо уходить. Я в Воротниковский.

Это было словно из какого-то кино – он поднялся, снял с вешалки куртку, кивнул ей и пошел по проходу в сторону двери, а она с ужасом смотрела ему вслед.

– Девушки, что здесь такое?

– Варвара Алексеевна, у нас ЧП!

– Господи, что случилось?!

– Да вот этот вломился, а мы не знаем, что теперь делать!

– Как что делать? Милицию вызывайте, срочно!

– Да не надо никакую милицию, мне кровь нужно смыть, и все! Делов-то!..

– Ай, не подходите ко мне!

– Милиция, милиция!..

– Помогите ему кто-нибудь, смотрите, как сильно течет!

– Нина, Нина! Где Нина?! Нина, сюда, и захвати тряпку!

– Петя! Беги к двери и кричи «пожар»! Громко-громко!

– Зачем?

– Еще пожара нам не хватает!

– А что? Пахнет дымом, кажись?

Анфиса Коржикова, хладнокровно копавшаяся в своем ящике, распрямилась, бедром захлопнула его и выскочила из-за стойки:

– Быстро приложите. Вот этой стороной. Ну!

– Ай, щиплется!

– Ничего не щиплется, это перекись.

– Господи помилуй, да что нам с ним делать?

– Ничего страшного, Варвара Алексеевна!

– Да ничего мне не надо, сестренка. Мне бы вот... кровищу смыть, и я... поеду.

Заведующая, которую он назвал «сестренкой», вдруг усмехнулась и поправила на переносице очки, поверх которых смотрела. Уборщица Нина, разинув рот, глазела на них, с ее белой тряпки капала на пол вода. Гениальный Петя опять засунул палец в нос и кричать «пожар!», кажется, пока не собирался. Мать, подталкивая его в спину, шустро продвигалась к двери.

Залитый кровью мужик морщился и шипел, прижимая марлю к щеке, а потом вдруг шагнул и сел прямо на чистую скамеечку, под фикус. Этими скамеечками «для больных» аптека № 5 особенно гордилась.

– Мне бы посидеть малость, – прохрипел он преступным голосом. – Я посижу и того... пойду.

Анфиса посмотрела на заведующую, а та на Анфису.

– В милицию его сдать, – пробормотала из-за Натальино плеча какая-то бабка, – ишь, расселся!..

– Из-за них, сволочей, всю страну под откос пустили! – поддержал ее гражданин в шляпе и посмотрел воинственно. – Хоть бы передохли все!

– Так, – решительно пресекла прения заведующая, – Анфиса, проводи его на кухню и... займись с ним. Только... одного не оставляй.

– Да я не вор!

– Откуда мы знаем?!

– Варвара Алексеевна, как же можно... внутрь? У нас там препараты дорогостоящие, деньги, наркотики... – Это, конечно, Лида влезла.

– Анфиса, на кухню проводи его! Пусть посидит, там и умыться можно. Девочки, стерильное полотенце принесите туда! И я думаю, что надо все-таки вызвать милицию.

– Да не надо милицию, это я сам, сам того...

– Поскользнулся, упал, очнулся – гипс? – Анфиса за локоть потянула его со скамеечки.

Он поднялся, и все шарахнулись в разные стороны, а бабка даже перекрестилась, как будто сегодня в Воротниковском, почти на Садовом кольце, повстречалась с сатаной!..

– Вот вам смешно, барышня, а я и вправду того... упал.

Придерживая его за локоть, похожий на медвежий окорок, очень горячий и влажный под тонкой тканью рубахи, Анфиса повела его за собой, во внутреннее помещение. Он послушно пошел, придерживая рукой марлевую подушку на щеке.

Вся аптека провожала их глазами.

В кухне – на двери плакат с рюмкой и куриной ногой! – он плюхнулся на стул, прислонился затылком к чистому кафелю и выдохнул с присвистом.

Поглядывая на него, Анфиса достала из морозильника лед, проворно завернула его в очередной кусок марли и сунула раненому в ладонь.

– А?

– Приложите.

Он посмотрел с сомнением. Лед под марлей был жестким и холодным.

– Приложите, приложите, это же лед, ничего такого!

Очень осторожно, морщась и с опаской поглядывая на ком марли, он приложил компресс к щеке и виску.

– Е-мое! – Холодная повязка обожгла кожу, он дернул головой и стукнулся об угол полки. Как-то боком стукнулся, сильно и, кажется, очень болезненно. Даже Анфисе вдруг стало больно в виске.

– Вы что, не видите, что здесь полка?!

– Нет. Не вижу. Я вообще в последнее время как-то не очень... вижу.

– Дайте я подержу! Отпустите!

Она решительно перехватила у него марлю, прижала, а другой рукой крепко обхватила его затылок – чтобы не дергался.

Он почти перестал дышать и только косился из-за марли на ее запястье.

– Вам нужно бросить пить.

– Да не пью я!..

– Быть такого не может.

– Да ладно!..

– Не «да ладно», а бросить! Если вы ничего не видите, значит, дело зашло далеко.

– Девушка! Вот клянусь вам чем угодно, не пью я! Здоровьем поклянусь, хотите? Или дыхну! Хотите, дыхну?!..

– Боже сохрани!

– Вот ей-богу не пью!

– Значит, вы на трезвую голову деретесь. Нехорошо. Вы же не маленький.

– Девушка! Вот те крест, не дерусь я! Я просто чего-то... того... этого... как-то не так стало, как раньше было... Раньше-то, когда служил, так медкомиссии каждый год, и там ничего такого... Никогда. А теперь какие медкомиссии, и некогда мне, а в тот раз я вообще ничего не понял, как оно вышло!..

– Стоп, – прервала Анфиса совершенно хладнокровно. – Я ничего не понимаю. Ни слова. О чем вы говорите? Кто вас ударил? Или вы и этого не помните?

– Да никто, блин, не ударял меня! Извиняюсь. Я б тому ударил, кто меня!..

– А тогда почему у вас щека разорвана? Вон смотрите! – Она осторожно отняла от его лица марлю. Он перестал косить и моргнул, преданно таращась на нее. – Даже края у раны рваные. Сейчас кровь остановится, и надо будет чем-нибудь залить.

– Ой, девушка, миленькая, не надо лить, а? Я этого еще с детства не выношу, когда мать зеленкой... того. Не надо, а?

– Вам бы рубашку переодеть. Вся в крови. Вас в милицию заберут на Садовом кольце.

– Не заберут, я тут близко работаю, мне бы только до машины, а там...

– А где ваша машина?

– А черт ее... там где-то... справа. Нет, слева вроде.

Вот тут Анфиса начала всерьез подозревать, что он психопат.

Это не добавило ей оптимизма.

Она кинула в раковину окровавленный тампон и приложила следующий. Кровь еще сочи-
лась.

– А вы... не помните?

– Да говорю же, с головой у меня что-то.

– В каком... смысле?

– Не, не в смысле! В глазах часто в последнее время темнеет чего-то, и я уж больше ничего... Вот сегодня за сигаретами вышел, два шага шагнул, и как будто ночь наступила, бац, и все, и не помню ничего. А потом очухался мордой в заборе каком-то, и щека... того.

– И вы точно не пьете?

– Девушка! У меня организм не принимает. Я последний раз портвейн пил двадцать лет назад, в школе еще! Попробовать хотел, так еле-еле... того...

– Чего?

– Так еле-еле откачали в этой... в реанимации.

– Вам надо к врачу, уважаемый.

Как только она упомянула врача, он моментально перепугался, и она поняла это. Видимо, как все молодые мужчины, он до смерти боялся медицины вообще и любых врачей в частности.

– У нас в соседнем переулке отличная поликлиника. Я могу дать вам телефон главврача. Он к нам часто приходит. – Анфисе очень хотелось сбить его с рук куда угодно, хоть бы в соседнюю поликлинику! – Обязательно сделайте рентген. Если вы подвержены обморокам, это может быть симптомом сосудистого или мозгового заболевания.

– Да не, не подвержен я!

– Вот его карточка. Позвоните и запишитесь.

– Да говорю, не подвержен я!

– Только звонить надо сначала в регистратуру.

– А может, того? Само пройдет?

– Но не проходит же! Вы же сказали: часто темнеет в глазах. В следующий раз, когда вы так упадете... мордой в забор, – она намочила марлю дистиллированной водой из большой стеклянной бутылки и оценивающе посмотрела на его разорванную щеку, – вас ограбят или... еще что-нибудь похуже.

– Да чего хуже-то?!

– Убьют, – выговорила она хладнокровно. – Сходите к врачу.

Он вздохнул и спрятал карточку в нагрудный карман испорченной рубахи.

– Умойтесь, только осторожно, иначе все опять закровоточит. Давайте я вам помогу.

Он поднялся – Анфиса придерживала рукой угол полки, чтобы ненароком опять не треснулся! – шагнул и нагнулся над раковиной. Он умывался и смотрел в зеркало – изучал не столько себя, сколько Анфису за плечом, которая деловито прибиралась на столе, собирала бинты и пузырьки с перекисью и зеленкой.

Она чувствовала его взгляд, но позволила себя рассмотреть.

У него были умные и быстрые глаза.

– А как вас звать, девушка? Вы же меня... того... почти что от смерти спасли, а я... того... не знаю, как вас звать.

– Меня зовут Анфиса.

– А меня Илья. Решетников Илья. У меня... бизнес.

Она хмыкнула, не в силах удержаться.

Вот зачем он сказал, что у него бизнес?! Затем, что мужик без бизнеса – все равно что мужик без штанов – почти что и не мужчина?! Она видит его в первый и последний раз в жизни – бог даст! – какое ей может быть дело до того, бизнес у него или нет?!

Доблестный рыцарь, сэр Квентин, убивший в последнем крестовом походе трех сарацинов, поскакал к пределам Паннонии, чтобы убить турка, а потом еще в Каледонию, чтобы заколоть там каледонца, что свидетельствует о бесконечной доблести сэра Квентина!

Бизнес у него, надо же!..

– А если мне медицина лекарств каких-нибудь пропишет, я, девушка, к вам приду. То есть, Алина.

– Анфиса.

– Извиняюсь.

– Ничего страшного. – Господи, хоть бы ушел уже!

Последовала некоторая пауза, словно он позабыл, о чем говорил.

– Договорились, да, девушка?

– Договорились, – согласилась она любезно и настежь открыла дверь в коридор, что означало – прошу вас, или, по-простому, проваливай!

Он протиснулся мимо нее, косясь и пятерней закрывая испачканную рубаху, чтобы не задеть ее крахмальный белоснежный халат – вежливый и культурный мужчина!

Анфиса повела его к двери, забежала вперед и распахнула перед ним дверь в торговый зал. Все замерло, как в плохом кино, пока они медленно-медленно шли через зал, пока он медленно поворачивался к ней, кивал ей сверху вниз и брался за ручку двери. На крыльце он застегнул пиджак, долго шарил в нагрудном кармане, искал что-то. Не нашел, тяжело сошел со ступенек и пропал из виду.

Плохое кино кончилось.

Анфиса повернулась и оказалась нос к носу с Лидой и Таней Тимофеевой.

– Вы чего, девочки?

– Надо было милицию вызвать, – заявила Лида и взглянула на Таню, ища поддержки. – Мало ли кто это! Может, бандит!

– Не похож он на бандита.

– А ты почему знаешь? – язвительно осведомилась Лида. – Или ты с ними на короткой ноге?

Таня вздохнула:

– Господи, чего только не увидишь на нашей работе. Сериал прям.

– Это точно.

– А кто его так?

– Да говорит, что никто. Говорит, что упал.

– Откуда он упал?!

– Да я не знаю, Танюш. Станный он какой-то...

– Говорила, милицию надо позвать!

– Да ладно тебе, Лидка!

– А что такого? И заведующая предлагала...

Тут Анфиса вдруг вспыхнула:

– А тебе самое главное, что заведующая сказала, да?

Лида смерила ее долгим взглядом прекрасных карих глаз и ответствовала жестко:

– А что нам, простым, делать? Нам только к начальству поближе держаться. Мы-то ведь не Ковалевы, не Ларионовы, да и не Коржиковы даже...

Углубляться в эту тему Анфисе решительно не хотелось, и Лидина осведомленность ее страшила. Она пожала Тане Тимофеевой локоть и пошла на свое место.

– Проводила? – спросила из-за своего стола Наталья.

– Проводила. И телефон дала Соломона Израилевича. Чтоб он проконсультировался. А то что-то странное. Говорит, в глазах темнеет, и он падает.

– Больной, может?

– Может, и больной.

– Жалко, – вдруг сказала Наталья. – Симпатичный, я его видела несколько раз тут недалеко с очень красивой женщиной, прямо как с обложки журнала.

С Анфисиной точки зрения, он был вовсе не симпатичный – наголо бритый, здоровый, ушастый, да еще с разорванной щекой!

Под окнами в сторону Садового кольца проползла черная иномарка представительского класса, и Анфиса почему-то твердо решила, что это машина сэра Квентина, давеча заколовшего каледонца.

На крылечко поднимался программист Славик, из-за которого утром было столько шума, и помахал Анфисе рукой.

Она помахала в ответ и прищурилась, потому что солнце вдруг полоснуло прямо по зрачкам.

Одно из окон особнячка напротив было вымыто до блеска и сверкало на солнце.

Анфиса протерла глаза и посмотрела еще раз.

Ни разу за все время своей службы в аптеке она не видела в этом особнячке вымытых окон!..

Машинка фыркнула, как будто мотнула башкой, переступила копытцами и рванулась из-под светофора вперед. Анфиса взглянула в зеркало заднего вида, улыбнулась оставшимся позади соперникам, перестроилась в левый ряд и прибавила скорость.

Она любила ездить быстро и никогда не отказывала себе в этом удовольствии. Бабушка Марфа Васильевна, которую она то и дело возила «в город» на старой машине – попить кофейку и прикупить новые туфли или брюки, – оценив внучкину езду, купила ей новую.

– Я слишком стара, – заявила она безмятежно, – чтобы мне еще за тебя волноваться, когда ты в этом корыте колупаешься! И что такое? Я что, не имею права подарить тебе машину?!

Анфиса даже не стала ломаться и делать вид, что ни за что не примет подарок.

Машинка – английская, добротная, похожая на картинку 30-х годов – показалась ей верхом элегантности и лукавства. Несмотря на консервативную и сдержанную внешность, она оказалась приемистой и быстроходной, и Анфисе доставляло прямо-таки чувственное удовольствие на ней ездить.

Даже приемник был соответствующий – как будто ламповый, с зеленой стрелкой за чуть мутноватым стеклом панели, с латунными ручками. Потом оказалось, что его Марфа Васильевна заказывала отдельно, высмотрев по каталогу.

Вот какая у нее бабушка!

Анфиса притормозила и повернула направо.

Дорога шла сначала через поле – и тут ее Анфиса не очень любила, а сразу за перелеском начинала любить очень сильно. Двухрядная ухоженная шоссейка ныряла сначала в рощицу, где были перепутаны березы и елки, потом сваливалась к речке, от которой весной и осенью по вечерам поднимался густой белый туман, а потом выбегала в поля и холмы – до самого горизонта. Весной, когда снег сходил с вершин холмов, здесь было как-то особенно просторно

и чисто и пахло талой водой, прошлогодней травой и землей, а островки темного ноздреватого снега еще лежали в низинах, проткнутые ломкими стрелами черной травы. Иногда Анфисе удавалось увидеть зайца. Зимой он был белый, а весной и осенью облезлый, серо-болотный, и Анфиса его очень жалела – небось холодно ему, и страшно, и нужно бежать, чтобы не пристрелили от нечего делать охотники, чтобы лисица не догнала. В этих местах всегда водились лисицы. Бабушка видела, и Юра видел, а Анфисе не довелось.

Она выключила приемник, распевавший про французскую любовь хриплым голосом Эдит Пиаф, и опустила стекло. Воздух был холодный и острый, колол глаза и легкие. Анфиса открыла рот и подышала немного – от холода сразу заломило зубы и лоб, зато все дурацкие мысли, разложенные было по полочкам и обдуманые со всех сторон, заledenели, покачались-покачались на своих полках, покатались и разбились вдребезги.

Она поехала помедленнее, подставив ветру лицо и мечтая, как она сейчас станет вкусно ужинать и расспрашивать бабушку о собаке Баскервилей, и слушать ее истории, и поддакивать, и ахать, а потом ляжет спать – нигде и никогда она не спала так хорошо, как в бабушкиной усадьбе.

Дорога вернулась в лес, и здесь следовало еще раз повернуть направо. Поворот был не слишком приметный, и над ним висел новенький «кирпич» – въезд запрещен. Собственно, въезжать никто и не пытался, но бабушка очень настаивала на том, чтобы знак был, и Юра, поставив на ноги всю местную поселковую администрацию, добыл его.

Анфиса очень веселилась такой бабушкиной настойчивости.

– Ты что? – спрашивала она. – Секретный объект?

– Ну и что? – воинственно вопрошала Марфа Васильевна. – Если всякий захочет здесь поворачивать, что мы будем делать?

– Да никто не захочет, бабушка!

– А ты почему знаешь? И так с той стороны нам дач понастроили! Еще не хватает, чтобы они здесь на своих машинах ездили!

«С той стороны» означало, что лет тридцать назад местный дачный кооператив оттяпал себе значительный кусок леса и появились дачи – не такие, как у Марфы Васильевны, а просто домики на участке. И Петр Мартынович, доставлявший бабушке столько хлопот своим «гуано», явился тогда же, и бабушка этот кооператив терпеть не могла.

Ее бы воля, она бы всех повыгнала с участков, дома снесла, кое-где насадила бы яблонь и сирени, а остальное оставила под лесом. Владения обнесла бы забором и принимала у себя лишь редких знакомых.

Тогда, тридцать лет назад, здесь была глухая глушь, и бабушкина усадьба еще не была усадьбой – просто большой и запущенный участок со старым домом, доставшимся Марфе Васильевне в наследство от деда. После революции дом у него не отобрали и в пользование пионерам не передали – то ли потому, что он стоял все-таки далековато и от Москвы, и от поселка Аксаково, то ли потому, что в поссовете кто-то прошляпил, то ли еще почему-то.

Шоссейка сузилась, сошла в однорядную, перелетела через мостик над ручьем и уперлась в ворота.

Ворота были сказочные – каслинского литья и до небес. Анфиса улыбнулась. Эти ворота словно первый привет от бабушки. Просто так их было не открыть, нужно сначала совершить некий шаманский ритуал, и его всегда совершал Юра – из дома.

Если его не было на месте, то есть рядом с кнопкой, которой ворота открывались, Анфиса простаивала под забором по полчаса. Бабушка на телефон отзывалась не всегда – все зависело от ее настроения или занятости, а не предупрежденный заранее Юра мог быть где угодно.

На этот раз, как только машинка приблизилась к литым завиткам аристократическое английское рыльце, ворота стали медленно отворяться, и за ними открылся парк, и желтыми веселыми огнями зажглась по краям подъездная дорожка.

– Э-гей! – закричала Анфиса в камеру, хотя точно знала, что Юра ее не слышит. – Э-гей, это я приехала!!!

Как только щель стала достаточно большой, чтобы в нее могла протиснуться машина, она нажала на газ, так что ее мягко толкнуло назад, а шины взвизгнули, и влетела на участок.

Впрочем, бабушка бы страшно оскорбилась, если бы услышала, что ее усадьбу обозвали участком!

От ворот дома не было видно, и подъездная дорожка петляла между соснами, словно специально запутывала следы. Потом деревья расступились, и открылся дом – двухэтажный, широкий, всегда напоминавший Анфисе дворец «Монплефир» в Петергофе.

Все, что перестраивалось, затрагивало только «внутренности» дома – снаружи он навсегда остался таким, каким его построил прапрадед, году примерно в тысяча восемьсот восемьдесят шестом. Когда-то были флигели, стоявшие боком к дорожке, и еще купальни на Клязьме, которая лежала в двух шагах, и еще конюшни, и какие-то службы, и ничего не осталось, конечно.

Не снижая скорости, Анфиса лихо обскакала клумбу, потом осадила своего «британца», заглушила мотор, похватила с соседнего сиденья сумочку и журналы и выбралась наружу.

Было холодно и сумеречно, и в воздухе вовсю пахло весной – так обещающе, так волшебнo!.. Дом сиял огнями, как будто радовался Анфисе. И свет сочными дольками лежал на круглой клумбе, с которой только-только сошел снег. На широком крыльце с закругленными перилами сидел толстый кот и с равнодушным видом созерцал окрестности.

Кота звали Архип, как у Паустовского, которого бабушка называла дядей Костенькой. Дядя Костенька когда-то был другом семьи.

– Привет, Архип.

Архип, не меняя выражения усатой морды, уставился на нее.

– Ты чего?

Архип сказал, что ничего такого.

– А что ты здесь сидишь? Ночь уже!

Архип ответил: ничего, что ночь, ему на свежем воздухе посидеть приятно.

– Ну и молодец.

Она потянулась, погладила кота по голове – он с неудовольствием отстранился – и оглянулась в сторону темнеющих деревьев.

Там явно кто-то был, стоял за черными стволами.

Вода мерно капала с крыши: кап-кап-кап...

Точно так же капала на чистый пол аптеки кровь, капли разлетались маленькими взрывами – шлеп-шлеп-шлеп...

Анфиса сильно сжала кулачок.

Она у бабушки. Ничего плохого не может случиться.

Ничего и никогда.

Она перевела дыхание и негромко сказала в сторону темнеющих кустов:

– Добрый вечер, Юра.

После паузы оттуда ответили:

– Добрый вечер. Машину загнать или вы в город вернетесь?

– Не вернусь.

– Тогда я в гараж поставлю.

– Спасибо. Вот ключи.

Он материализовался перед ее носом, будто из мрака сгустился, и гораздо ближе, чем ей представлялось. Он всегда появлялся с неожиданной стороны и на неожиданном расстоянии.

Анфиса толком не знала, где бабушка его взяла и почему здоровый молодой мужик довольствуется должностью садовника, домоправителя, телохранителя и шофера при пожи-

лой царственной особе. Кажется, его откуда-то добыл Иван Иванович Калитин, старый друг и милицейский генерал по совместительству. Иван Иванович слыл давним бабушкиным обожателем, каждую субботу приезжал «на кофе», а по средам еще и на партию «дурака» – бабушка обожала карты и, как толстовский герой, гордилась тем, что может любить такое глупое занятие.

Лет пять назад, тоже весной, Иван Иванович вдруг зачастил и даже однажды остался переночевать в гостевой спальне, чего с ним никогда не бывало. О чем-то они с бабушкой шушукались, шептались и принимали важный вид, как только Анфиса входила.

Анфисе было смешно и любовно, она обожала «своих стариков», но все же вместе с Архимом они чувствовали себя отверженными и не у дел.

Потом Иван Иванович уехал, жизнь вернулась в обычное русло, и вскоре появился Юра. Анфиса долго приставала к бабушке с вопросами, откуда он взялся и что за человек, а та выкручивалась – довольно неуклюже, как это ни странно. Обычно бабушка врала виртуозно и с огоньком, и Анфиса редко могла поймать ее на слове. Она попыталась было Марфу Васильевну запугивать – чужой человек на участке и в доме, ко всем тайнам допущенный, во все двери вхожий, что это такое?! Бабушка отмахивалась, но в конце концов заявила внучке, что Юра – человек проверенный и можно его не опасаться, она точно знает.

– Иван обещал, что мы за ним будем как за каменной стеной. Он никакой не бандит, а наоборот!..

– Что наоборот?! Пограничник?!

– Может, он и не пограничник, но человек проверенный. И доверенный.

– Бабушка, ну зачем он тебе нужен, этот доверенный человек?! У тебя Клавдия есть, – Клавдией звали домработницу, – и я тоже есть! Зачем тебе еще мужик чужой?!

– Иван сказал, что это ненадолго. И не кричи на меня, я слишком стара и слаба, чтобы слушать твои вопли!

– Господи, что это значит – ненадолго?! Он что, шпион, которому нужно... отсидеться в глуши?

– Что ты смотрела в последнее время?

– «Ошибку резидента»!

– Оно и видно.

– Бабушка!

– Внучка!

Анфиса знала – когда ее называют внучкой, нужно остановиться, а бабушка первой останавливаться не умела.

С тех пор прошло пять лет, и Анфиса к Юриному присутствию попривыкла и удивляться перестала тому, что молодой мужчина проводит все время на участке или в обществе Марфы Васильевны и вроде даже рад этому. У него бывали какие-то выходные, когда он уезжал на целый день, но к ночи всегда возвращался. Ни бабушка, ни внучка не имели никакого понятия о том, есть ли у него семья и какая она, есть ли друзья и какие они, есть ли еще какие-то близкие люди и кто они. Однако дом он содержал безукоризненно, машину тоже, в воровстве замечен не был и пил всегда за закрытой дверью своего коттеджика, примостившегося на краю усадьбы.

Юра взял у нее с ладони ключи и помедлил рядом, словно ожидая, что она задаст вопрос. Она задала.

– Как бабушка?

– Спасибо, хорошо.

То, что он поблагодарил ее, рассмешило Анфису.

– Вам спасибо, Юра!

Они почти никогда не разговаривали. Анфисе казалось, что он ее недолюбливает, и еще она не знала, как к нему относиться – как к прислуге? Другу семьи? Беспризорнику, в котором принимает участие друг семьи Иван Иванович?

Впрочем, на беспризорника он явно не тянул.

Они еще постояли, не зная, что сказать друг другу, и Анфиса наконец изрекла:

– Весна.

Юра подтвердил:

– Весна.

– Я никогда не замечаю, как она приходит, – продолжала светскую вечеринку Анфиса, – вроде вчера еще снег лежал, а сегодня... – и она повела рукой в перчатке вокруг себя.

Юра сосредоточенно проследил за рукой.

– Сегодня за домом сильно припекало, – сообщил он и звякнул ключами от ее машины.

– Поздравляю вас.

– С чем?

Архип встал, подошел к двери и вопросительно мяукнул. Вечеринка ему надоела.

– И пахнет так хорошо, – сообщила Анфиса. – Как я люблю весну!

– Марфа Васильна просила кофе сварить, – неожиданно сказал Юра, – а ей на ночь бы не надо.

Анфиса изумилась:

– Вас попросила?!

– Ну да.

– Как?!

– А... что такое?

– Как что такое?! – возмутилась Анфиса. – Вы что, не понимаете?! Почему она просит вас, когда есть Клавдия?!

Он улыбнулся.

– А я лучше кофе варю.

– Лучше, чем Клавдия?!

– Конечно. И Марфа Васильна об этом знает.

– А я почему не знаю?

– Понятия не имею.

Разговор с каждой минутой становился все содержательнее.

Архип еще раз мяукнул, на этот раз сердито.

– Доброй ночи, Юра. И кофе не надо варить, а с бабушкой я разберусь.

– Доброй ночи.

Она подошла к двери и уже взялась за холодную ручку, а Архип переступил лапами, выражая некоторое высокомерное нетерпение.

– Хотите, я вам завтра сварю? – вдруг предложил Юра.

– Что?

– Кофе. Заодно вы убедитесь, что я варю хороший кофе. У меня джезва есть.

– Что у вас есть?!

– Джезва. По-вашему, турка. Для правильного кофе.

– Что значит – по-вашему?

– Европейцы так называют. А арабы говорят – джезва.

– А вы... араб?

– Нет.

Архип сердито и настойчиво мяукнул – сколько можно на крыльце стоять, когда давно уже хочется домой, к камину, теплу, в любимое кресло! Хоть и не хотел напоминать о себе, а пришлось, раз уж они ничего не понимают!

– Извините, что задержал вас.

– Ничего, спокойной ночи.

И Анфиса шагнула в дом, а Юра остался.

В доме было тепло и вкусно пахло чем-то очень домашним – пирогами, что ли?..

– Девушки, – громко позвала Анфиса и один о другой стащила башмаки. Она терпеть не могла развязывать шнурки. – Девушки, я приехала!

«Девушки» появились с двух разных сторон – бабушка из гостиной, а домработница Клавдия из кухни.

– Наконец-то! – воскликнула Клавдия и кинулась обниматься.

– Наконец-то, – проворчала бабушка и скрылась за широкими «зальными» дверьми. Внучка должна была подойти к ней и никогда не наоборот.

– Господи, девочка, что ж так поздно?! Ты себя утомишь, разве можно по ночам кататься в эдакую темноту! И луна сегодня...

– Что луна, Клава?

– Луна оглашенная сегодня! А в такие ночи волки всегда на дорогу выходят, по весне-то особенно!

Из комнаты, куда сразу направился Архип, которому не надо было разуваться, донеслось фырканье.

– Что ты, Клава, какие волки?!

– Да ей везде волки мерещатся, – сказали из комнаты. – А может, черти.

– Тьфу на вас, Марфа Васильна!

– На вас-то тьфу, Клавдия Фемистоклюсовна!

У домработницы было диковинное отчество, и хозяйка сорок лет отчетливо его выговаривала, и никогда не позволяла себе говорить просто Клавдия.

– Бабушка, ты как тут?

– Отлично, а ты как там?

Анфиса пристроила на вешалку дубленку и кургузый пиджачок, который Клавдия сразу же подхватила, чтобы снести на место – в гардеробную.

– А худая! – жалостливо сказала она, рассматривая Анфису. – И что ты с собой делаешь, девочка? Небось на работе твоей ни поесть как следует, ни попить!

– Клава, нынче модно быть худой.

– Не знаю я, что модно, а ты тростиночка прямо! И зачем ты на работу эту ходишь? Ну что тебе дома не сидится?!

– Клавдия Фемистоклюсовна, не портите мне ребенка!

– Сердца у вас нет, Марфа Васильна!

– У вас зато на двоих хватает!

– У меня-то хватает! А вот здоровье девочка угробит, что будем делать, Марфа Васильна?

– А вы не каркайте, Клавдия Фемистоклюсовна!

– Девушки! – подала голос девочка Анфиса, чьей судьбой обе дамы были так озабочены. – Не ссорьтесь. Дайте лучше поесть.

Клавдия моментально убралась в кухню, а Анфиса прошла в гостиную. Бабушка качалась в кресле, а Архип мыл заднюю ногу. Увидев Анфису, он перестал мыть, встряхнул ушами и уставился на нее неопределенным взглядом.

– Привет, дорогая моя, – сказала Анфиса, подошла к креслу, остановила его и звонко чмокнула бабушку в нежную щеку. Бабушка ответно поцеловала ее и снова принялась качаться.

Она была в белой блузке с пышными рукавами, черных брюках и замшевых туфлях на низком каблучке. На блузке лежала плоская золотая цепочка шириной примерно с мизинец.

Цепочка шла в брючный кармашек, где помещались часы. У нее был дамский «Брегет» знаменитой швейцарской фирмы, купленный в прошлом году в Женеве.

Швейцария бабушке тогда не понравилась, и она заявила, что больше никогда в эту страну «жвачных животных» не поедет.

Ах, как Анфиса любила свою бабуку!

– Ну что? – спросила та, перестав качаться. – Завтра опять уедешь?

Это был давний и бессмысленный спор о том, где внучке лучше жить. Семья, то есть Марфа Васильевна, Клавдия и Иван Иванович, находили, что жить непременно следует в Аксакове, чего Анфиса решительно не могла себе позволить. Аксаково слишком уж ее расслабляло.

– Уеду, бабушка. Расскажи, как у тебя дела и что это ты вздумала на ночь кофе пить?

– Уже нажаловались?

– Да никто не жаловался, Юра мне сказал, что он варит тебе кофе. С каких это пор?

– А с тех, – издалека крикнула домработница, – что я отказалась! У ней сердце болит, а она кофе пить! Сказала, не стану варить, и не стану! А Юре вашему наплевать на вас!

– Бабушка, ты же знаешь, что кофе на ночь тебе нельзя!

– Знаю. Мне про это говорил еще Марк Захарович покойный, папаша нашего Захара Марковича! Нельзя, говорил, вам кофе, Марфа Васильевна! И курить, говорил, лучше бросьте! Сам не курил никогда и рюмки в рот не брал! Он когда помер-то, Клавдия Фемистоклюсовна?

– Да уж... уж лет двадцать пять как. На Пасху.

– На Рождество он помер.

– На Пасху.

– Да тогда снег лежал!..

– Потому что Пасха ранняя была!

– Девушки, – перебила Анфиса, – какая теперь разница, когда он помер?

– А и правда никакой, – уже в дверях сказала домработница. – Ты руки мыла, девочка?

– Нет.

– Немедленно марш мыть руки и за стол! И так познотища такая, разве ж можно так поздно ужинать?

– Может, я не буду?

– Я тебе дам, не буду! Не будет она! Марфа Васильевна, скажите ей, чтобы руки шла мыть!

– Анфиса, вымой руки и за стол.

– Иду.

В просторной ванной с окном, выходящим в темный сад, было тепло и хорошо пахло лавандовым мылом и чистой водой. Хрусткое льняное полотенце было пристроено на рогатую вешалку, и еще стоял кувшин с синим цветком на выпуклом боку. Анфиса помнила этот кувшин столько, сколько помнила себя. За окном, в чернильной и очень весенней темноте, политой сверху холодным светом, росли старые деревья. Яблоневый сад примыкал прямо к дому, а лес начинался уже за ним, и там ничего нельзя было разглядеть, так плотно стояли деревья.

Анфиса никогда и ничего не боялась, особенно в бабушкиной усадьбе, а тут вдруг почувствовала себя неуютно, как будто с той стороны тонкого стекла, из весенней чаши, кто-то смотрел на нее, не отрываясь и не моргая.

Или луна смотрела?..

С этой стороны дома никого не могло быть – Юрин коттеджик стоял у ворот, – но она чувствовала, что там кто-то есть!

Дом был очень старый, построенный «без дураков», как это называл Иван Иванович Калитин, поэтому звуков с улицы никаких не доносилось, только иногда булькала вода в трубах отопления.

Анфиса вытерла руки, изо всех сил стараясь не волноваться, погасила свет – как будто с ходу упала в банку с тушью – и приблизилась к окну. Ничего не было видно, кроме массы деревьев, которые стояли, не шелохнувшись, и стекло моментально запотело от ее дыхания.

Анфиса протерла его ладошкой.

Ничего. Ничего.

Луна светила и впрямь очень ярко, и казалось, что свет ее с каждой секундой прибавляется, и черно-белая картинка за окном проявляется все четче – глаза привыкали к темноте.

Ничего.

Но она твердо знала – там, в этой темноте, что-то затевается.

– ...А я сколько раз вас просила, Клавдия Фемистоклюсовна, никаких пирогов нам не печь! А вам все равно, хоть я сто раз скажу, хоть двести!

– Да лучше моих пирогов ничего на свете нет!

– А фигура?

– На что нужна ваша фигура, если поесть как следует нельзя!

Анфиса шла по коридору, и голоса становились все громче, будто накатывались на нее. У дверей гостиной она приостановилась на секунду и, помедлив, оглянулась назад. В конце широкого коридора тоже было окно, плотно прикрытое толстыми шторами.

Да что за ерунда!.. Никого там нет и быть не может!

Анфиса отворила дверь и вошла в гостиную.

Домработница и хозяйка с двух сторон сидели за круглым столом, где было приготовлено место и для Анфисы. Белая скатерть с бахромой свешивалась веселым краем, и что-то вкусное было расставлено на ней, и пироги, пироги – горой на овальном блюде!

Клавдия, оттопырив толстый мизинец, откусывала от пирога с капустой, а Марфа Васильевна ничего не оттопыривала и откусывала от ватрушки. От самоварчика к лампе поднимался уютный пар.

Неизвестно, как это получалось, но к приезду Анфисы всегда поспевал самовар, и зимой и летом. Клавдия топила его в кухне, где была специальная вытяжка для самоварной трубы. Когда ее делали, прораб чуть ума не лишился – все никак не мог понять, зачем на современной кухне вытяжка для трубы!

– Садись, садись скорее, все остынет. Вот курочки кусочек, – домработница захлопотала, вкусно звякнула тарелка, салфетка зашуршала. – И овощей тебе положу.

– Спасибо, Клава!

– Ешь без разговоров, исхудала вся!

– Ужасно, – пожаловалась бабушка, примерилась и взяла с блюда второй пирог, – и как это можно на ночь так трескать!

– Так если вы днем не трескаете ничего!.. Анфиса, она целый день тебя ждала, вот первый раз только села! А за весь день чашку бульона...

– Я на диете!

Домработница закатила глаза, всем своим видом демонстрируя отвращение к диете. Анфиса уже грызла свою курицу, и так вкусно ей было, и так весело, и так нравилось, что она у бабушки!

– Все правильно, – сказала она с удовольствием. – Бабушка все правильно говорит. Надо есть мало, и тогда дольше проживешь.

– Тью! – непочтительно отозвалась домработница. – Да от голода и злости раньше всех помрешь!

– Господи, как вкусно, – пробормотала бабушка и взялась за третий пирожок.

– И не говори, – поддержала Анфиса и взялась за первый.

– Ешьте, девочки, ешьте, а вот эти, с краю которые, с мясом. Анфиса, ешь, ты любишь с мясом!

- Бабушка, а про что ты утром загадками говорила? Про собаку Баскервильей какую-то?
- Тут сплошные загадки, дорогая моя.
- Где?
- У Петра Мартыновича, соседа.
- Мало он нам крови попортил, – вступила Клавдия, – вы еще загадки его разгадываете!
- Да откуда он взялся, сосед-то? Ты же с ним никогда в жизни не разговаривала!
- Никогда не разговаривала, а вчера вот побеседовала.
- Анфиса, чаю налить?
- Налей, Клава. Так что там с соседом?
- А с мясом я Юрке отнесу. Он ведь тоже человек. Небось пирожка-то охота!

Бабушка изящно доела, отряхнула пальцы, убрала с колен салфетку, откинулась на спинку и с удовольствием закурила. Расслабленно она всегда сидела только в кресле, а на стуле – с прямой спиной и сомкнутыми коленями, как солдат на параде. Считала, что разваливаться женщина решительно не может себе позволить, если только она настоящая женщина, конечно. То, что она откинулась на спинку, могло означать, что сейчас «будет история».

Однако бабушка никогда не начинала «просто так». Слушателей надо было как следует подготовить.

- А что у тебя в аптеке, моя дорогая?
- Все в порядке. Ты мне лучше про соседа...
- А почему ты опоздала?

Анфиса, как давеча Клавдия Фемистоклюсовна, закатила глаза, но спорить не стала и рассказала все сначала – как застряла в пробке, как потом поехала на троллейбусе, потому что Садовое кольцо стояло, как у заведующей договоры пропали, а Анфиса их нашла!..

- Так сразу было понятно, что они никому не нужны! Чего их искать-то понадобилось?!
- Бабуль, а я не сразу догадалась...
- Вот и плохо, что не сразу! Если бы я была не так стара и слаба, я бы их сама нашла.

И вообще ты зря мне не позвонила.

– Бабушка!

– А все ваши затеи детективные, – вступила в дискуссию Клавдия. – Ужас один! Вот Иван Иванович-то прав. Как затеетесь расследовать, так хоть пропади совсем!

– Вам-то что, Клавдия Фемистоклюсовна?

– А мне то, Марфа Васильна, что накличете беду на весь дом, будете знать! И так третьего дня я знак видела.

– Какой знак, Клава?

– А такой. Вот слушайте. – Она подлила всем чаю и сделала таинственное лицо. – Иду я по саду, вот в сторону леса. Иду себе, посмотреть решила, сошел на берегу снег или нет, потому что качалку там мы каждое лето ставим. А из самой чащи на меня как смотрит кто-то. – Представляя, она обернулась через плечо, и Анфиса поежилась, словно опять почувствовала взгляд. – Я быстрее, быстрее, по той дорожке, что правее! Не по той, которая слева, а по той, которая...

– Справа, – нетерпеливо подсказала Марфа Васильевна.

– Ну да. Вот я оглядываюсь назад-то, а дома уж не видать, только у Юрки в машине радио гроыхает, и музыку-то я вроде как слышу. И вдруг все будто темнеет, и все тише, тише, и смотрю я по сторонам... – Клавдия повела очами и дрогнула плечами, словно в испуге или ознобе. Анфиса смотрела на нее с интересом, а тем временем непонятное беспокойство вдруг стремительно приблизилось со стороны леса к дому и прильнуло к окнам.

Анфиса оглянулась на окна. Там никого не было, но даже в шее свербело, так отчетливо казалось, что есть.

– И вот уж полная темнота, и стою я как будто одна на лесной полянке, а передо мной... ох, господи... – и Клавдия размахисто перекрестилась.

– Кто? – спросила непочтительная Марфа Васильевна. – Сам Господь?!

– Да что вы такое говорите, Марфа Васильевна?

– А вы что такое говорите, Клавдия Фемистоклюсовна?

Домработница с возмущением надула пухлые щеки:

– А я говорю, что на самой опушке-то он и стоит! Утопленник. Стоит и кивает мне как будто, а я на него смотрю, смотрю, а вокруг-то все темней и темней, а он зовет меня, рукой машет. И вот так отчетливо я это вижу, и даже ветки качаются, он рукой-то ветки задевает, когда машет.

– Подожди, подожди, – перебила Анфиса, – какой утопленник?!

– Да тот самый! Ну наш! Ты что, забыла?

Конечно, Анфиса не забыла. В бабушкином доме, как в любом уважающем себя старинном доме, разумеется, водился свой утопленник. И история была – из-за чего, собственно, он из нормального человека и стал таковым. Утопленником.

Когда-то в усадьбе жила некая барышня, а к ней похаживал некий медицинский студент, и у них был чудесный роман под луной. Они часами сидели в беседке над Клязьмой и мечтали о будущем. Он мечтал после университета уехать в деревню и пользоваться там крестьян и крестьянок. На Троицу прыгать через костер, плести венки, за васильками в поле ходить и в бор по грибы, на Рождество колядовать и одаривать «конфетами» румяных крестьянских детей и вообще создавать народный театр, школы и больницы. Она мечтала окончить курсы милосердных сестер, уехать с ним и во всем служить ему опорой и быть товарищем. В беседке на берегу тихой и провинциальной Клязьмы, где так надрывно и сладко квакали лягушки и пахло липовым цветом и свежим сеном, мечталось как-то особенно складно. И даль манила, и молодость была, и крестьянские дети представлялись похожими на ангелов.

А потом студента утопили. Пробирался он ночью из беседки к своей лодке – усадьба его батюшки на той стороне была, – увидал мужиков, тех самых, что лечить собирался. Они мешки какие-то в лодки грузили. Он, дурачок, подошел поближе, любопытствовать стал, а они ему мешок на голову – и утопили. Они из господских амбаров зерно каждую ночь воровали, на самогон, испугались, что донесет.

О том, что случилось, узнали не сразу, и барышня несколько недель потом напрасно ждала по вечерам в беседке, а когда дознались, слегла с мозговой горячкой. С тех пор утопленника в студенческом сюртуке и с мешком на голове нет-нет да и видели на берегу или в лесу. Говорили, что он ищет беседку и никак не может найти. А когда долго ищет, плакать начинает, и плачет так жалобно, так страшно.

Маленькая Анфиса страсть как хотела увидеть утопленника, и вместе с мамой, такой же авантюристкой, они забирались в лес поглубже и даже ночью бегали к реке, за что Клавдия очень их ругала.

Клавдию они нисколько не боялись, а утопленника увидеть так ни разу и не пришлось, зато в лесу они набирали чернику, возвращались с черными ртами, а в Клязьме купались, в лаковой, почти стоячей, очень теплой воде.

– Клавдия Фемистоклюсовна, полно вздор молоть!

– Какой еще вздор! Никакой не вздор, Марфа Васильевна!

– Да все вы придумываете!

– Да разве ж я такое придумую!

– Клава, и что, что?!

– Ну вот, постоял он так-то и пошел, пошел и в лесу пропал. А вокруг все сразу просветлело, и солнышко как будто вышло, а у меня сердце так зашлось, и дыхания не стало...

Анфиса разочарованно протянула:

– Ну Кла-ава! Значит, ты к нему так и не подошла?

– Куда ж я к нему пойду, когда он утопленник?

Марфа Васильевна щелкнула серебряным дамским портсигаром и вытащила еще одну сигаретку. Клавдия вскинулась было возражать, но бабка ее опередила:

– И не говорите мне ничего, все я сама знаю. Курить – здоровью вредить, но я слишком стара и слаба, чтобы тратить оставшееся мне время на отвыкание!

– На привыкание-то тратили, не жалели!

– Вот лучше скажите, зачем вы нам это все рассказали!

– А затем, что покойный-то появляется, только когда вы в свои детективы играете. Тьфу!

Накличете на весь дом беду!

– Вот вы и накличете, Клавдия Фемистоклюсовна, а не я! Взялась каркать!

– Не каркаю я, а предупреждаю! И Иван Иванович давеча рассказывали, как одна колдунья порчу на этот... как его... Совет Федерации навела! И все они, бедные, как начали чихать, так и чихали все заседание! А вы говорите – вздор!

– Иван Иванович пошутил.

– А это еще неизвестно!

– Брейк! – объявила Анфиса. – Оскар де ла Хойя в правом углу ринга, Костя Дзю в левом.

Обе бабки посмотрели друг на друга, а потом на Анфису. Клавдия чопорно поправила оборку на клетчатом фартуке и просто сложила руки, что означало, что она осталась при своем мнении.

– Там ведьма, а у нас утопленник, – пробормотала она, – еще неизвестно, кто лучше.

Анфиса оглянулась на окна, за которыми лежала мгlistая лунная тьма.

Утопленник?.. Привидение?..

– Бабушка, ну что за собака у Петра Мартыновича?

– Значит, так. Вчера Юра возил меня в город. И только мы выехали за ворота, вдруг откуда ни возьмись Петр Мартынович. И почему-то на нашей дороге стоит!

– А тебе, конечно, жалко, что он на нашей дороге стоит, – тихонько заметила Анфиса.

Бабушка высокомерно задрала подбородок.

– Мне не жалко, только он там отродясь не стоял! На его участок с нашей дороги попасть никак невозможно! Как он туда забрел? Да и вид у него был... причудливый.

– Какой?

– А такой, что он был... неглиже.

– Как?!! Голый?!

– Анфиса, это неприлично! Разве девушка?..

– Клава, современные девушки все распушенные, это я тебе точно говорю, как современная девушка. Кроме того, Петр Мартынович без штанов меня решительно не привлекает!

– Анфиса, он не был без штанов!

– Бабушка, ты сама сказала!..

– Я сказала – неглиже.

– А что это значит?

– Кому-нибудь налить чаю, а то остынет!

– Добавьте мне, Клавдия Фемистоклюсовна. Стоит наш Петр Мартынович в исподнем и вроде даже... покачивается немного. Ну, думаю, как видно, гуано себя показывает, которое он день и ночь нюхает! А Юра мне: что-то вид у него больно бледный, может, плохо ему? Ну, пришлось остановиться. Может, и в самом деле человеку плохо?

Марфа Васильевна поднялась, взяла с дивана большой белый платок с ажурным краем, накинула на плечи и пересела в качалку.

– И дальше что, бабушка?

– А дальше смотрим мы с Юрой – и вправду не в себе он. – Бабушка покрутила рукой возле лба. – Как в бреду. Юра ему: как ты сюда попал, мол? А он отвечает: не помню, не знаю... Ну, повезли мы его домой к нему.

– Да ты что? – поразились Анфиса. – Петра Мартыновича?! К нему домой?!

Бабушка повела плечом:

– А что тут такого? Он же сосед? Если у него беда какая, разве я помочь не могу?!

– Можешь, можешь, что дальше-то?

– Ну, подъехали к дому. А участок-то, – не удержалась бабушка, – как концлагерь, на зоны расчерчен, и в каждой зоне по парнику! Дорожки по линейке, и в углу куча навоза! Уже запасся!

– Бабушка, тебе не должно быть никакого дела до его навоза. Ты можешь себе позволить жить без навоза, а он не может!

– А в доме...

– Бабушка!

– Ну ладно, – быстро согласилась бабушка. – Не буду. Юра его на диван уложил, а Петр Мартынович вдруг вцепился в него и умоляет: не уходите, Христом богом прошу, потому что, если вы уйдете, тут оно меня и достанет!

– Кто?!

– Кто, кто! Привидение, вот кто!

Анфиса почувствовала легкий холодок в шее. Как будто подуло слегка.

Привидение?..

– Юра хотел «Скорую» вызвать, потому что мы так поняли, что он давно по улице бродит, из дому убежал. А он чуть не плачет, говорит, что в доме призрак его покойной матери, и она его к себе, мол, зовет. Он ночью чуть было к ней и не отправился. Со страху.

– Господи прости, – пробормотала Клавдия и перекрестилась, – а вы говорите, Марфа Васильна! Накличете и на нас беду, будете знать!..

Анфиса зашла за бабушкину качалку и немножко покачала ее туда-сюда.

– Ну? И что? Ты что-нибудь... выяснила?

– Мало, – задумчиво сказала бабушка, – мало. Только способ-то не новый.

– Не новый, – подтвердила Анфиса. – И все же?..

– Ну, племянники, конечно, есть, – неожиданно заявила бабушка. – Аж двое. Только им уже за сорок, и вроде бы такие игрушки им... не к лицу. Вполне... приличные люди. На вид, по крайней мере.

– Ты их видела?

– На фотографиях. Специально посмотрела.

– Какие игрушки? – вступила Клавдия. – Что за игрушки еще?

– Клава, – нетерпеливо сказала Анфиса, – ты что, не член нашей семьи?

– Почему? – натурально перепугалась Клавдия. – Как же не член! Конечно, член!

– Ты что, детективов не читала?

– Как же не читала?! Конечно, читала!

– Значит, знаешь: нет никаких привидений, кроме, может, утопленника нашего! Похоже, Петра Мартыновича кто-то свой пугает. В каких-нибудь гнусных целях. Наследники или что-то в этом роде, кто хочет его пораньше к покойной матери отправить. Про это сто книг написано!

– Так что же выходит?..

– Выходит, что на соседнем участке собака Баскервилей бегают. Чудовище. Исчадие ада. Да, бабуль?

– Ну, собака, не собака, а призрак покойной матери.

– А ты спросила... как он выглядит? Призрак матери?

– Да никак он не выглядит. Классическое привидение – в белом балахоне и с веревками.

– А веревки зачем?

Бабушка пожала плечами:

– Вережки вместо цепей, наверно. Цепи нынче не достать. Разве что в собачьем магазине.

– А ты ему сказала, что это не привидение? Что призраков не бывает и так далее? Про племянников спросила?

Бабушка махнула рукой:

– Спросила! Владимир Геннадьевич в плановом отделе какого-то КБ подвизается, а Геннадий Геннадьевич врач-гинеколог. Весьма почтенные люди, хорошие специалисты. Так сказал их дядюшка. Ни в какую их причастность он не верит, конечно. Говорит, что дом в любом случае завещан им, но стоит он дешево, потому что старый, и участок небольшой. Много за него не выручить.

– Смотря для кого, – задумчиво пробормотала Анфиса, – смотря для кого.

– Мотив неясен, – заключила бабушка, – решительно. Племянники давно при квартирах, под мостом не живут. Впрочем, конечно, можно предположить, что у нашего Петра Мартыновича бабушка когда-то эмигрировала в Швейцарию и оставила ему там пару миллионов, но что-то не верится мне.

– И мне не верится, – поддержала ее Анфиса. – И ты у него там...

– Что?

– Ничего... ничего не проверила? Не посмотрела?

Бабушка качнула ногой.

– Совсем-совсем ничего?

– Да как она могла в чужом доме шарить? – Клавдия даже перестала посуду со стола убирать. – Разве это кому позволено?!

– Посмотрела, конечно. Только так. По верхам.

– И что?

– Ничего. Никаких следов. Но нужно на участке тоже смотреть, потому что в последний раз мать ему за яблоней померещилась. Может, он со страху придумал, а может... кто его знает.

Анфиса подумала про залитый лунным светом сад, в котором явно кто-то был, глядел в ее окно, покуда она мыла руки.

Кто-то был?

– Ну и что ты решила?..

– А решила я, что завтра отнесу ему Клавдиных пирогов для поправки здоровья.

– Как?! – вскрикнула пораженная Клавдия. – Соседу?!

– Потолкую с ним про племянников, про дом, про мать. Может, что-то и узнается!

Анфиса подумала секунду.

– Только ты одна не ходи, – сказала она. – Ты с Юрой иди. Пусть Юра у него лопату попросит. Или грабли, что ли! Заодно в сарае посмотрит. У соседа один сарай или нет, ты не видела?

– У него сарай и погреб, – заявила бабушка. – Погреб еще наш. То есть когда-то наш был. А когда усадьбу поделили, он так и остался отрезанным стоять. А потом участки продавали, и соседу с погребом продали. Твой отец всегда мечтал тот участок тоже купить. И не успел.

Они помолчали.

Смерть Анфисиных родителей по-прежнему оставалась табу для домашних разговоров.

Все пережито и пройдено, и никогда и ничего не начать сначала, но горечь словно вдруг капала откуда-то. Капала по капле, никогда не прорываясь до конца. Все трое слишком щадили и любили друг друга, чтобы позволить себе... убиваться.

Да. Жалко. Все до сих пор могли бы быть вместе.

И когда звонит телефон, Анфисе до сих пор кажется, что это звонит кто-то из них – с работы, сказать, что задержится. И она радостно бежит, вприпрыжку, легкомысленно и точно

уверенная, что так будет всегда – они позвонят и придут позже, просто позже, и ей даже в голову не приходит, что больше они не придут никогда. На полдороге к телефону она останавливается, потому что в самое сердце откуда-то сверху ей капает эта капля.

Капает и разбивается, и горечь брызгает на все, что внутри.

Нет. Они не могут ей звонить, что задержались на работе. Они задержались где-то еще – и навсегда.

Какое глупое, безысходное, необратимое слово – навсегда. И кто только его придумал?..

Невозможно, невозможно говорить себе – «а помнишь?», и ей даже удается не говорить, но она помнит. Помнит, черт побери!.. Хотя лучше бы забыть. Где там это слово?

Ну да. Навсегда.

С тех пор навсегда изменилась жизнь. Анфиса пошла работать в аптеку – мать всю жизнь проработала в аптеке, и Анфиса была готова работать там за один запах лекарств, крахмального халата, дезинфицирующего раствора, такой родной и привычный.

Отец мечтал купить соседский участок – и не купил, не успел. Он несколько успел купить, а соседский – нет. Как только у него появились деньги, он первым делом восстановил «родовое гнездо», хотя тогда это еще было немодно, всех как магнитом тянуло на Рублевку и на Молодогвардейскую, в министерские и цеховские квартиры. Про элитное жилье тогда еще никто ничего не слышал, зато с иссушающей злобой все обсуждали «привилегии» – сотая секция ГУМа и госдачи.

Дачи отобрали было, правда, потом одумались и вернули. Жилья понастроили, башен до небес, и все шатрами, шатрами, и все на юрту похожи, мечта любого уважающего себя татаро-монгола. А бабушкина усадьба осталась такой, какой построил ее прапрадед в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году!

Спать все разошлись задумчивые.

Бабушка думала про соседских племянников и предполагаемое наследство из Швейцарии.

Анфиса про давешнего чемпиона по борьбе, который уверял ее, что «просто упал», и еще про стекло, которое оказалось чисто вымытым, хотя окна в доме напротив никто и никогда не мыл.

А Клавдия думала, что ей жалко пирогов, которые намеревалась отнести соседу-«никчемнику» строптивая Марфа Васильевна.

Человек в саду, выждавший, когда все наконец утомонятся, думал о том, что непременно должен довести дело до конца.

Оно того стоит.

В институте было холодно, как в склепе, потому что отопление выключили раньше срока – за долги. Предприятие было государственным и за тепло, свет, газ, телефон и телеграф платить решительно не могло. Валентин Певцов склепы никогда не посещал, но знал, что там тоже не жарко.

Из трех лифтов работал один, и Валентин решил, что дожидаться его в обществе усталых – с самого утра! – женщин в болоньевых курточках и затурканных мужчин в нечищенных ботинках себе дороже, и побежал по лестнице.

Сначала он бежал – просто оттого, что у него много сил и нравилось гарцевать, а потом пошел помедленнее, посолиднее.

Эхо его каблуков отдавалось по всем лестничным пролетам, и ему чудилось, что стены тоже радуются тому, что наконец он пришел на работу, разогнал чудовищную сонную институтскую скуку, простучал итальянскими подметками – внес дыхание жизни, как писали в каком-то старом романе.

Это дыхание – свое – он ощущал очень отчетливо, потому что в институте ему всегда казалось, что только он один живет в реальном времени, а все остальные как будто в замедленном кино. Издают странные, растянутые звуки, похожие на продолжительное кваканье, медленно разевают рты, медленно ставят ноги на ступени, медленно открывают двери в комнаты, медленно поворачиваются друг к другу.

И еще ему представлялось, что все это – черно-белое, и только он один цветной, в белой рубашке, ярком галстуке, коричневом пиджаке и светлых брюках.

Он один умеет жить, а все остальные умеют только прозябать – и прозябают от рождения до смерти. Они совершают скучные поступки, скучно влюбляются, скучно женятся и рожают скучных детей, которые всего лишь должны продолжить прозябание. Они тянут лямку от утренней яичницы и до вечернего сериала про богатых, но несчастных, которые постепенно становятся все счастливее и счастливее.

Валентин поймал свое отражение в запыленном дверном стекле и усмехнулся.

В метро они читают гнусные детективы гнусных детективных авторш, заполонивших нынче книжные полки, – укачивают себя плавным движением поезда, плавным движением сюжета и самодовольным сознанием того, что они умнее всех, и уж, по крайней мере, умнее авторш! Валентин детективы не любил, искренне считал их макулатурой и, будь его воля, издал бы указ, запрещающий такого рода чтиво.

Хочешь читать – читай что-нибудь приличное! Про японскую любовь, к примеру. Очень поучительно.

Про то, что истина всегда где-то рядом, а мы ищем ее за тридевять земель и подчас находим, только вернувшись домой, – тоже хорошо.

Вот это настоящие книги и настоящие авторы!

Правда, последнее напоминало Валентину сказку Андерсена о принце, который искал-искал свое счастье, а потом приехал в отцовский замок, и оказалось, что принцесса все время ждала его там. Но Андерсен никогда не выступал в роли учителя человечества! Он был просто сказочником, и его сказки всегда были просто сказки, а никакая не «высокая литература». И сознание этого отчасти мешало относиться к великому бразильцу, который, собственно говоря, как раз и выступал в роли учителя человечества, с почтительным уважением. Все время свербежала мысль о том, что и без него, кажется... вроде бы... или нет?.. Скорее всего... быть может, отчасти...

Все время свербежала мысль, что и без него, великого, это всем известно!..

Но это не повод, вовсе не повод, чтобы читать детективы.

Особенно бабские!..

Баб Валентин Певцов не уважал, хотя отлично умел ими пользоваться и знал, для чего они нужны.

Мику он нашел именно тогда, когда ему понадобилась помощь, и моментально сообразил, как именно он сможет ее использовать. Для этого ничего не требовалось – он просто сказал ей то, что заранее планировал, и она поверила!.. Поверила во все, от первого до последнего слова, а ему только того и надо было.

Еще он умел отлично в них разбираться. У него даже своя классификация имелась.

По этой классификации Мика принадлежала к категории «цыпочек», для которых самое главное, чтобы в них кто-нибудь был непременно влюблен. Всех мужчин она делила на «достойных», то есть потенциально подходящих в мужья, и «недостойных», то есть неподходящих.

В «недостойные» зачислялись те, кто почему-то был плох – или не слишком богат, или не очень управляем, или бесперспективен. Самое замечательное, что Мике в голову не могло прийти, что кто-то из них, хоть бы даже из «недостойных», может остаться к ней... равнодуш-

ным. Она пребывала в убеждении, что стоит ей только один раз взглянуть попристальней – и любая особь мужского пола падет к ее ногам.

Она искренне верила в то, что, как только разведется со своим танкообразным мужем, блестящий и образованный Валентин Певцов немедленно кинется к ее ногам, осыплет ее дождем из роз и бриллиантов – если только можно одновременно кидаться к ногам и осыпать дождем, – сделает предложение, вытащит из кустов заранее припасенного священника, как всегда бывает в мелодрамах, и немедленно с ней обвенчается.

Мика развелась, а Валентин ничего того, что она от него ждала, не сделал. Ни дождя, ни роз, ни бриллиантов.

Он очень гордился собой, и именно тем, что умел получать от очередной бабы все, чего хотел, – и удовольствие, и практическую помощь, – и никогда не попадаться на крючок.

На данной стадии отношений, все еще уверенная в том, что он «давно готов», Мика выполнит любые его требования, даже самые дикие. Во-первых, потому, что он держит ее на крючке, во-вторых, потому, что ей *хочется* доказать, насколько она может быть ему полезной.

Ну что же, охота, как известно, пуще неволи.

Он тряхнул головой, ощущая собственный тонкий запах, который ему очень нравился, особенно в прокуренных и вонючих институтских стенах, толкнул дверь и вышел в коридор.

Этот этаж назывался «директорским», и здесь, как правило, было не слишком много народу. Коридор и вправду оказался пуст, и он пошел в сторону своей приемной, размышляя о том, какая странная штука жизнь.

Он долго и упорно учился, защищал диплом, а потом диссертацию, и отвратительного качества вьетнамские джинсы казались ему верхом роскоши, а сардельки верхом эпикурейства – и все для того, чтобы оказаться в этом коридоре, всегда напоминавшем ему картинку из медицинской книжки под названием «слепая кишка в разрезе»?! Он просиживал ночи над заданиями, переписывал «Капитал» в тетрадку по философии, дежурил в общежитии с красной повязкой на рукаве и при этом чувствовал себя идиотом – для того, чтобы оказаться в этом коридоре?! Он бубнил на механике, объясняя ехидному преподавателю, почему бочка по плоскости катится именно так, а не иначе, он сдавал зачеты по гражданской обороне, он покупал на остановке пирожок за девять копеек и никогда не мог донести его до общаги, где его можно было запить чаем, – для того, чтобы оказаться в этом коридоре?! Длинном, как мерзкий день, слепом коридоре с черными институтскими полами, со стенами, до половины выкрашенными масляной краской, с обшарпанными дверьми. Только две двери были обиты малиновой кожей, его собственная и директора института академика Тягнибеды.

У Мики девичья фамилия была Тягнибеда, и это очень сместило Валентина Певцова. Вполне замечательная такая малороссийская фамилия!

Сказочная фея с фамилией Тягнибеда – это просто улёт. Как в комедии.

Он дошел уже почти до собственной двери, уже взялся за витую холодную ручку, на которой, кажется, даже иней выступил – топить-то перестали, а за окнами не Ташкент все же, а апрельская Москва! – когда позади него загремели радостно:

– Валя! Вот хорошо, что я тебя встретил! Зайди ко мне! Зайди ко мне немедленно!

Ему некогда было заходить, ему хотелось быстрее пристроить к делу папку, которую он вчера подсунул Мике в кафе, но не остановиться никак нельзя!

Он помедлил секунду, потрогал подушечками пальцев холодную ручку, состроил радостное лицо и повернулся к своему шефу.

– Валя! Здорово! – Академик и директор института подбежал и с размаху пожал его холодные от ручки пальцы. Ладонь у академика оказалась липкой, как будто он вымазал ее конфетой, и это было противно. – Начальство не опаздывает, оно задерживается?! Так я понимаю?!

– Вы у нас главное начальство, Николай Петрович!

– Ну-ну, какое из меня начальство! – Академик дернул на шее галстук, скособолил его еще больше и посмотрел на Валентина с добродушным лукавством – так ему, видимо, казалось. – Вот ты у нас как раз начальство! Красавец! Красавец! Зайди ко мне!

Певцов помолчал.

– Что-то случилось?

– Ученый совет завтра, вот что случилось! А я еще ни ухом, ни рылом.

Нравилось Тягнибеде представлять некую помесь самобытного ученого с деревенским стариком-лешим. Почему-то ему казалось, что на фоне более молодых и пройдошистых, зато менее талантливых, этим своим обликом он поразит всех, особенно иностранцев.

Всех, и особенно иностранцев, поражал талант академика, и к этому таланту, по большому счету, не нужно было прикладывать никаких внешних раздражителей.

Академик же добросовестно прикладывал.

Певцов не знал хорошенько, где кончается балаганный старикашка и начинается «большой русский ученый», следом за Капицей внесший огромный вклад в теорию сверхпроводимости и в физику низких температур, и подозревал, что академик и сам этого не знает.

Тягнибеда был никудышный организатор, плохой руководитель, отвратительный директор, но – гений, гений!..

Кроме того, он то и дело получал различные международные премии и гранты, содержал семью, в том числе и свою дочь, которая стоила очень дорого, был уважаемым и почетным членом десятка различных европейских академий и пары американских. Обретя в лице Валентина Певцова отличного заместителя, он быстро перестал интересоваться административными делами института и полностью погрузился в свою горячо любимую физику.

Так было лучше для всех.

Певцов управлял, как мог.

На дорогую машину, английские костюмы, итальянские туфли и визитные карточки с серебряным обрезом ему хватало.

Сотрудники – полторы сотни пожилых мужичков, сотни три пожилых женщин и четыре десятка молодых тунеядцев, которые не хотели от жизни ничего, кроме того, чтобы их оставили в покое, – худо-бедно получали зарплату, на октябрьские и майские всласть гуляли по две недели, перемывали кости начальству и истово ненавидели олигархов. Физикой в институте занимался один только академик Тягнибеда, но делал это с исключительным энтузиазмом.

Академик ввалился в собственную приемную – фанерная мебель, оранжевые капроновые шторы, пишущая машинка «Москва» под клеенчатым капюшоном, графин, два стакана и три дисковых телефона – желтый, красный и белый. Секретарша в шали и с красным от холода носом сидела в кресле и читала толстый журнал «Новый мир» за семьдесят восьмой год.

– Здравствуйте, Нонна Васильевна.

– Здравствуйте, Валентин Дмитриевич.

– Что нового пишут?

– Да вот такой роман замечательный... Такой замечательный роман. «Вечный зов» называется.

– Чудесная вещь, – поддержал академик Тягнибеда, усиленно таская себя по приемной за галстук, как будто его таскал кто-то другой. – Вроде бы про инопланетян, да? Ужасная чепуха. Я имею в виду инопланетян.

– Ой, что вы, Николай Петрович, это про Сибирь, про белобандитов и еще...

– Ах, ну да, ну да!.. Куда же я это сунул? Нонна Васильевна, куда вы дели приглашения от Колумбийского университета?

Секретарша привстала со стула и тревожным взглядом обвела приемную, словно приглашения представляли собой парочку книжных шкафов.

– Что ж вы, Нонна Васильевна?!

Валентин Певцов подошел к окну и стал смотреть на улицу. Внизу была стоянка и несколько старых академических лип, которые ему очень нравились.

Он стоял и думал про то, что скоро лето, и еще про то, что этим летом он будет далеко отсюда. Там, где нет никаких лип.

И он даже слегка грустил из-за этого.

Академик сам себя утащил за галстук в кабинет, и его вопли доносились теперь оттуда:

– А! Вот же они! Нонна Васильевна! Не ищите! Они у меня. Валентин Дмитриевич, Валентин Дмитриевич!

– Да, Николай Петрович?

– Вот же они!

– Что вы потеряли, Николай Петрович?

– Ничего я не потерял, а это две замечательные работы! Мне прислали их из Питера. Молодые работы, да ранние. Я хочу, чтобы вы прочли и дали свое заключение. Быть может, имеет смысл пригласить авторов и включить их в мою группу.

Во всем институте работала только одна «группа», которую возглавлял сам академик. Молодым и среднего возраста дарованиям в этой группе отлично платили, Певцов заботился об этом лично. Покупалось дорогое оборудование, их отправляли на европейские конференции, для них выписывали специальные журналы и проводили семинары.

– А приглашения?! Приглашения нашли?!

– Какие еще приглашения?!

– В университет.

– Бог мой, какой университет?! Валентин Дмитриевич, займитесь этими работами! Как там моя дочь? Я сто лет ее не видел!

– Все в порядке, спасибо.

Старый хрен наверняка решил, что заместитель вскоре станет и его зятем, и институт, таким образом, перейдет на «семейный подряд».

Скоро все будет кончено, и издалека ему весело и сладко будет вспоминать, как он всех обвел вокруг пальца!

Но до этого нужно дожить – сцепив зубы и сжав кулаки, стараясь не обращать внимания на окружающих его придурков и на старые липы за окном, заставлявшие его быть сентиментальным!

– Вы хотели что-то узнать у меня об ученом совете, Николай Петрович.

– О совете? Ах да! Впрочем, нет. Вам нечего там делать, дорогой Валентин Дмитриевич! Нам обоим известно, что вы отличный администратор, но наукой в этом месте буду заниматься я, и только я!..

Он так настаивал, словно Певцов собирался с ним спорить!

Зазвонил телефон, и секретарша долго и мучительно соображала, какой именно звонит.

Потом неуверенно взяла трубку. Валентин усмехнулся. Она поднесла ее к уху – в ней заунывно гудело, – посмотрела с тоской и взяла следующую:

– Вас слушают. Слушают вас!

– Вы, наверное, и теорему Гаусса не сможете мне продекламировать! А, Валентин Дмитриевич? – кричал академик.

Певцов опять усмехнулся. Нет, он не даст им ни одного очка форы – ни одного!

– Теорему Гаусса? – переспросил он. – Значит, так. Поток вектора через замкнутую поверхность равен интегралу от дивергенции данного вектора по объему, ограниченному данной поверхностью.

Академик выпустил свой галстук и посоображал немного.

– Вы правы! – воскликнул он с энтузиазмом. – Нонна Васильевна, он прав! Это и есть теорема Гаусса!

Как ни странно, Валентину было приятно это слышать. Так приятно, что даже щеки загорелись немного, словно хорошего ученика похвалил любимый учитель.

Какой учитель?! Какой, к черту, ученик?!

Телефон все звонил. Какой-то «молодой специалист» в обветшалых джинсах и седой бороде сунулся было в приемную, но увидел Валентина Дмитриевича, заробел и сдал назад. Спина он налетел на кого-то, посторонился, засуетился, чуть не уронил папку и наконец окончательно скрылся за дверью.

В приемной как будто взошло солнце, никакого другого сравнения Валентин не смог придумать.

Мика вошла – в белой короткой курточке и белых же джинсах, – сразу очутилась на середине приемной и громко сказала:

– Здравствуйте все!

– Мика! – закричал из кабинета академик Тягнибеда. – Девочка, это ты?!

– Я, папа! Здравствуйте, Нонна Васильевна!

Академик за галстук выволок себя в приемную, подскочил к дочери и нежно поцеловал ее.

– Здравствуйте, Мариночка!

– Мика, почему ты не здороваешься с Валентином Дмитриевичем?

– Здравствуйте, Валя!

– Доброе утро.

Ему не понравилось то, что она приехала в институт. Не должна была приезжать.

Она не может и не должна выйти из-под контроля!

– Какими судьбами, дочь моя?

Да, подумал Певцов, вот именно. Какими судьбами, Марина Николаевна?

– А я... я мимо проезжала и решила с вами повидаться! Пап, я тебя сто лет не видела. Как там мама?

Академик удивился.

– Мама? А что мама? Мама отлично. Она всегда отлично. Она на раскопках, кажется, в Сирии. Она ведь в Сирии, да?

Мика вздохнула и кивнула.

Женщины умеют вздыхать так, что этот вздох может означать решительно все. Из Микиного вздоха следовало, что она любит отца, но сознает, что жить с ним абсолютно невозможно, и еще она сознает, что он гений, а гениям прощается все.

– Ты зайдешь ко мне? Впрочем, мне нужно готовиться к ученому совету, а я толком не знаю, состоится он или нет!

Отец говорил так не потому, что не хотел ее видеть, а потому, что понятия не имел о такте, и это тоже всегда ему прощалось – гений, гений!..

– Если тебе нужны деньги, то я готов...

Мика вдруг пятнами покраснела, словно отец сказал какую-то непристойность, схватила его за руку – как за галстук, – уволокла в кабинет, успев напоследок крикнуть Певцову, что она к нему зайдет, и Валентин остался в приемной вдвоем с секретаршей.

Секретарша, помедлив, стыдливо потянула к себе «Новый мир», а заместитель директора большими раздраженными шагами вышел в коридор.

Под дверью маялся пожилой «молодой специалист», который пристал к нему словно банный лист, и пришлось потратить на него еще минут двадцать. К тому моменту, как в его собственной приемной появилась Мика, Валентин был основательно раздражен.

Его приемная была вполне современной, стильной и не слишком вызывающей. Черная мебель, белые стены, легкие телефоны. И Маша, секретарша, была дорогостоящая и сдержанная, как из журнала.

Мика его секретаршу невзлюбила. И недаром. Под настроение Валентин Дмитриевич с ней спал, делал ей подарки, возил в рестораны. Маша была ему как будто... ровня, в отличие от Мики, которой он просто пользовался. Маша изо всех сил делала карьеру, а Валентин Дмитриевич уважал такое... служебное рвение. По его мнению, достойными людьми были только те, кто, цепляясь зубами и ногтями, медленно, но верно полз вверх, не останавливаясь ни перед чем.

Какая разница, *как именно* сделана карьера? Хоть бы и в постели! В конце концов, такой способ ничуть не хуже любого другого.

С ним Маша немного ошиблась. Валентин-то отлично знал, что никуда продвигать ее не станет, а она этого не знала, и он чувствовал себя немного виноватым.

Надо потом куда-нибудь ее пристроить. Поспособствовать. Порекомендовать. Он так и сделает, если у него будет время.

Не будет – пусть справляется сама.

Маша пропустила Мику в кабинет и секунду постояла, ожидая указаний относительно кофе, но Певцову не хотелось унижать ее. О его связи с Микой она, конечно, знала.

– Зачем ты приехала? – строго спросил он, как только за Машей закрылась дверь. Мика потянула с шеи тоненький шарфик и посмотрела жалобно. Это она умела.

– Я... боюсь, – сказала она, и глаза у нее налились слезами. – Я так боюсь, Валя! Что будет, если мы... если я... Что будет со всеми нами?!

Да. Ситуация выходила из-под контроля, это уж точно.

Он подозревал, что в последний момент она может сдрейфить, но надеялся, что этого не произойдет – слишком велико было его влияние на нее.

– Что будет? – переспросил он и медленно опустился в кресло. – Я тебе скажу, что будет. Твоего отца посадят, следствие продлится несколько лет, «Человек и закон» раструбит об этом на всю страну.

– Валя!

– Знакомые перестанут с тобой здороваться, деньги у тебя кончатся раз и навсегда, потому что на все авторские права наложат арест. Нет, ты послушай! – прикрикнул он, потому что дочка академика замотала головой, и слезы полились по розовым детским щекам. – Во время следствия он будет сидеть в «Матросской Тишине», и по вторникам и пятницам, или когда там у них приемные дни, ты будешь выстаивать очереди, чтобы передать ему чай и кальсоны!

– Валя!..

– У него начнется туберкулез, а суда все еще не будет. Твою мать немедленно отзовут из Сирии, и ее карьера кончится! Суд покажут по всем каналам, если твой отец, конечно, до него доживет!

– Валя!..

– Ты станешь дочерью врага народа. Хотя, конечно, сейчас не тридцать седьмой год и на поселение тебя, видимо, не вышлют.

Она уже рыдала, как ребенок, размазывала по лицу горячие слезы. Интересно, подслушивает Маша или нет?..

Он бы на ее месте подслушивал. То, что он намеревался сказать дальше, не было предназначено для Машиных ушей, поэтому он поднялся из кресла и ушел в «комнату отдыха», где стоял телевизор, диван и небольшой шкафчик с бокалами, виски и минеральной водой. Все как у больших.

Мика потащила за ним.

– Ну... что? Что же... делать? Что делать, Валя?

Валентин Дмитриевич плеснул себе виски, хотя пить ему вовсе не хотелось, но так приятно было. Демонстрация глубоких душевных мужских переживаний – стопка и сигарета!..

– Я сказал тебе, что нужно делать. Или ты сумеешь отправить весь компромат... туда, где он не будет опасен, или нет.

– Но откуда ты знаешь, что у них... не останется ничего... такого?! Откуда ты знаешь, что, если мы... если я... смогу переправить эти бумаги, отцу больше ничего не будет угрожать?! Ты же не работаешь... в спецслужбах!

Вот до чего она додумалась! Молодец!

Это был самый... трухлявый пункт во всем его плане, и он знал об этом. Если только она начнет разбираться, всему придет конец. Он должен заставить ее безоговорочно верить ему – и только. Выполнять его распоряжения.

Как это называется в кино?

Зомби. Вот как. Книга про инопланетян «Вечный зов».

– Твой отец гений, – сказал он с нажимом. – Он гений во всем. Он неосторожен и неразборчив в контактах. Он и не подозревает, за что именно ему платят. Ты что, маленькая? Ты не знаешь, откуда берутся деньги?! На твою сытую жизнь, на твои шмотки и салоны?! Или ты думаешь, что у российских ученых такая зарплата?!

– Нет, я знаю, но у него гранты...

– В десятки тысяч долларов?! Ты хоть когда-нибудь смотришь телевизор?! Ты знаешь, что там показывают!? Сейчас сажают за меньшее! Какой-то идиот на Дальнем Востоке продал японцам метеорологическую карту, так его три года таскали по судам и следственным изоляторам! А твой отец не метеоролог, черт возьми!

Валентин Певцов гремел и бушевал и словно со стороны оценивал ее состояние – удалось ему запугать ее окончательно или еще нет. Поднажать, «прибавить газу», или уже достаточно.

Мика больше не рыдала, закрывала лицо руками и таращилась на него огромными испуганными глазами.

Вот уж точно Тягнибеда, одно слово!..

– Никто ни о чем не узнает, если нам удастся скрыть эти бумаги. Это я тебе гарантирую. Если нет, то это больше не мои проблемы. Я не стану тебе помогать. Выпутывайся как знаешь!

– А может... Валя, ты не сердись, а послушай меня... Может, лучше... просто поговорить с Ильей, а? Ну, просто объяснить ему все, и он...

Валентин Дмитриевич поперхнулся своим виски и закашлялся.

Вот до чего дошло! Она просто поговорит с Ильей!..

– Хорошо, – сказал он холодно. – Говори с ним. Говори с кем хочешь, только ко мне больше не обращайся. Я ничем не смогу тебе помочь.

Он залпом допил виски, поморщился и поднялся. Сеанс окончен. Граждане, довольные, расходятся по домам.

Мика натурально пришла в ужас.

– Валя, я же просто предложила! Я не справлюсь одна! Как же так!..

– Я устал тебе повторять, – сказал он медленно. – Если ты хочешь спасти своего отца, ты должна переправить его бумаги на Запад. Заодно это будет... страховка, если хочешь. С такими бумагами его примут везде. Если ты боишься, я готов уважать это чувство, но помочь уже не смогу. Может, твой бывший муж придумает лучшую схему. Поговори с ним. Почему бы нет?

Это прозвучало как приговор. Тот самый, который окончательный и обжалованию не подлежит.

Он и сам порадовался тому, как трагично это прозвучало.

И в тот же момент он почувствовал, что она приняла решение. Она вся собралась под белой курточкой, вытянулась, как на смертном одре, – и решила.

– Ты прав. – Она вскинула голову и бесстрашно посмотрела ему в лицо. – Ты прав. Я сделаю все. В конце концов, это мой долг. Говори, что нужно делать, и давай бумаги.

Он выиграл. Рубикон перейден, и мосты сожжены.

Впрочем, он всегда путал Рубикон с Карфагеном.

Наталья Завьялова торопливо причесала перед зеркалом кудри, будь они неладны, посмотрела так и эдак и вздохнула протяжно. Водолазочка была узковата, подседа после стирки, и бюст выпирал над лифчиком двумя «плюшками».

Ужасно. Но ничего. В аптеке она наденет халат, и будет не так заметно.

Все же она попыталась законопатить «плюшки» краем лифчика, но безрезультатно, и посмотрелась в зеркало еще раз. Ничего хорошего, только щеки покраснели, отчего физиономия стала казаться еще полнее.

Ну почему, почему она не так хороша и стройна, как Анфиса?! Почему одним все, а другим ничего?

– Почему-у одним все-о-о, – пропела она на мотив «Я люблю тебя, жизнь!», – а другим ничего и не надо?! Витя, вставай! Вставай, я уезжаю!

Из комнаты донеслось сонное мычание, которое означало, что сердечный друг Виктор повернулся на другой бок, что стоило ему массы усилий, и заснул еще крепче.

– Витюша! Вставай, Витюша, солнышко!

За окном лил дождь, и от этого дождя, холода, весенней маеты и серости спать хотелось ужасно. Зарыться бы в нору, навалить на себя одеяло потеплее, сунуть нос в любимую подушку и спать, спать...

Наталья зевнула тихонько, одернула водолазочку, посмотрела на себя сбоку – изо всех сил втягивая живот, так что дышать не было никакой возможности.

Все равно ничего хорошего. Ничего, ничего...

Глаза, что ли, накрасить?

Альтернатива была не слишком радостной. Или она красит глаза и опаздывает на маршрутку, которая идет в семь тридцать, и едет на следующей, которая, как пить дать, будет переполнена. Или она не красит глаза и остается... несовершенством во всех отношениях.

Красить или не красить, вот в чем вопрос!

– Витя-я-я! Вставай!

– М-м-м?..

– Витя, я ухожу, завтрак остынет! Вставай!

– М-м-м?..

Наталья перестала втягивать живот, потому что очень хотелось дышать, кинула в раковину щетку и бросилась в комнату.

– Солнышко мое, вставай! – пропела она и чмокнула Виктора в лысеющую макушку. – Ласковый и такой красивый, может быть, это любовь, я не знаю, но очень похоже на рай. Лай-ла-лай – ла-лай!

Какая любовь? Никакая это не любовь, и на рай не похоже, и красоты тоже нету!

– Опять вставать, – проныл из подушки Виктор, – а может, я сегодня на работу не пойду, а? Может, я заболею?

Эта мысль так его воодушевила, что он приподнялся и посмотрел на Наталью.

– Слушай, имеет право человек заболеть?

– Не знаю, – сказала Наталья, вытаскивая из гардероба курточку. – Наверное, имеет. А что? Ты плохо себя чувствуешь?

– А ты хорошо? – язвительно поинтересовался Виктор.

– Нормально.

Красить глаза или не красить? Стоит красота места в маршрутке или не стоит?..

– Тебе всегда хорошо, – обессиленно пробормотал Виктор и снова упал, – а вот мне плохо. Вызову-ка я врача, а? Весна, а у меня, может, грипп?

– У тебя грипп?!

Глаза не накрашены, так хоть куртку весеннюю надеть!.. Для разнообразия и улучшения жизни!

– У меня все болит, – пожаловался он, – все кости ноют! Если ты просыпаешься утром, и у тебя ничего не болит, значит, ты умер! – продекламировал он.

– Это кто тебе сказал? Евгений Петросян в «Смехопанораме»?

– При чем здесь панорама?! Я не хочу вставать! Я устал, как сапожник! Я вымотался! Может человек устать, в конце концов?!

Наталья промолчала. «Молния» на куртке не застегивалась.

– Ну что ты молчишь?! Ну что ты молчишь, а?

– У меня «молнию» заело!

– И черт с ней!

Наталья сопела, тянула «молнию». Как же «черт с ней», когда ее заело, и глаза не накрашены!

– Завтрак на столе, – пропыхтела она, – только уже все остыло, наверное!

– А где у нас градусник?

– На кухне, в аптечке.

– Принеси мне.

– Вить, возьми сам, а?

– Я не найду!

– А я опаздываю!

– Да ладно, подумаешь, стратегический объект – аптека! Ну, опоздаешь на десять минут, и что?

«Молния» не застегивалась. Наталья стянула куртку, кое-как пристроила ее в гардероб и выхватила зимнее пальто. Она в этом пальто под дождем с ума сойдет, как монгол в войлочном халате! Сначала под дождем, а потом в метро!

Громко и отчаянно топая, она ввалилась в кухню, пошуровала в обувной коробке, где держала лекарства, нащупала шершавую картонную трубочку с градусником и вбежала в комнату.

– На.

– Ну слава богу. Сподобилась.

– Вить, я сегодня допоздна. Ты меня встретишь?

– А если у меня температура?

– Нет у тебя температуры!

– Есть!

– Нет!

– Я заболел, – объявил он, выпростал градусник и сунул в заросшую подмышку. – Где телефон поликлиники?

– В книжке.

– А где книжка?

– Под телефоном.

– Принеси мне трубку и книжку.

– Витя, я не могу, опаздываю!..

– Невелика беда!

– Витя, я не могу!..

Наталья схватила пакет с нарисованной голубой розой, в котором был ее завтрак и новая книжка Дарьи Донцовой, единственная сегодняшняя отрада!..

Ничего, ничего, она успеет, влезет в маршрутку, протиснется к окошечку, откроет Донцову и обо всем позабудет. Даже о том, что у нее не накрашены глаза.

Только вчера по телевизору умные и красивые мужчины в пиджаках и стильные и длинноволосые женщины в шالях рассуждали о том, что детективы читать глупо. Что они дурно влияют и вообще запленили. Что недавно кому-то не тому дали премию, а тому, кому надо, не дали. Что кругом засилье рекламы и плохого языка. Наталья слушала, позевывала, ждала кино, которое обещали после дискуссии, и радовалась, что на завтра у нее припасена Донцова.

Она уже обувалась, когда из комнаты показался Виктор. Волосы у него стояли дыбом, мятые трусы присползли, а в подмышке торчал градусник.

– Ты это... – сказал он и зевнул, – ты привези мне чего-нибудь. Витаминчиков там... Колбаски...

– Колбаса есть в холодильнике.

– Ты мне копчененькой привези. Ладно, Наташ?

– Вить, пойдем вечером в кино, а?

– Какое, блин, кино! Я заболел! Ты что, не видишь?

Наталье было стыдно за него. Так стыдно, что она ничего не сказала.

– И матери позвони, – велел он, – чего-то она там мне вчера высказывала и просила тебе передать, а я не помню. Позвони, короче.

Это означало, что будущая свекровь, как пить дать, примется учить ее жизни. Почему-то всегда и во всем была виновата Наталья. Даже в том, что Витя плохо работает и мало зарабатывает.

Была бы ты активная, ты бы заставила, говорила свекровь. Мало ли чего он не хочет! У других вон матеря по два раза в год в санаториях отдыхают, а мой даже за свет денег не дает! А все потому, что ты не заставляешь!

Может, права Анфиса? Может, бросить его, пока не поздно?

Только вот как его бросишь, он же... свой. Наталья покосилась на него, натягивая шапку так, чтобы не слишком помять то, что она называла прической.

Стоит, почесывается, босые ноги поджимает на холодном полу, вид несчастный – и впрямь поверил, что заболел! Еще затемпературит, не дай бог, вообще от него никакого житья не станет.

И в кино хочется.

Хочется не только в кино.

Хочется капучино и мороженого, – «но за столиком в любимой кафешке разреши поцеловать тебя в щечку»! – и чтобы это была не просто еда, а лакомство, праздник!.. Хочется в отпуск на теплое море, и чтобы там, под старыми платанами, непременно посидеть в ресторане. И чтобы ветер развеивал льняные скатерти и отдувал подол платья, и чтобы в синем просторе непременно плыл белый пароход, и чтобы в чистом бокале играло вино, и утром солнце светило в окна, и чтобы ни о чем не думать, дурачиться, искать в прибое камушки и чувствовать себя королевой.

Будет это хоть когда-нибудь или никогда не будет?!

Она схватила ключи, удостоверилась, что в пакете лежит Донцова и улыбается ей с фотографии заговорщицкой женской улыбкой, побежала, но вернулась и быстро чмокнула Виктора в щеку.

– Я тебе позвоню, – пообещала она и тоже улыбнулась. – И ничего ты не болеешь, так что не кисни!

Виктор собрался было возмутиться, но поздно – Наталья выскочила и закрыла за собой дверь.

На маршрутку она успела и даже пристроилась удачно – на переднее сиденье рядом с водителем, но читать не смогла. Как только вытащила книжку, водитель немедленно закричал, что она закрывает ему зеркало, и пришлось детектив спрятать.

Маршрутку сильно трясло, и Наталья думала.

Как-то все... нескладно получалось. Как-то все так... как у всех, а она так не хотела! Пусть это самонадеянно, пусть глупо до ужаса, но ей всегда хотелось чего-то... особенного. Чтобы не как у всех.

Мама ее понимала. Мама была оптимисткой.

Она звонила дочери и рассказывала, какую чудесную передачу про остров Крит видела сегодня по телевизору.

При этом она говорила так:

– Когда мы с тобой поедem на Крит, надо будет обязательно посмотреть оливковые роши. Их еще со времен Древней Греции разводят. А так на острове зелени почти нет, представляешь? И еще мы посмотрим храмы! Обязательно закажем экскурсию, чтобы просто так на пляже не валяться.

И Наталья в этот самый момент верила, что они поедут на Крит, и будут там смотреть храмы, и гулять в оливковых рощах, и белый пароход будет плыть по синему морю, и во всем этом нет ничего невозможного.

Ей не хватит на Крит, даже если она перейдет на круглосуточный режим работы. У нее на руках Виктор и его мама, и хозяйство, и она даже никогда не может «вытащить» Виктора в кино!

Вот почему одним все, а другим ничего?

Как это так получается?!

Анфиса – дурочка! – скрывала от всех свои деньги, наряды, и даже свою английскую машину, и старалась оставлять ее обязательно где-нибудь далеко от аптеки, но, конечно же, все знали. Заведующая однажды даже инструктаж провела, как следует обращаться с Анфисой, у которой в аварии погибли родители. Она тогда только-только пришла на работу, и заведующая очень ей сочувствовала. Она знала Анфисину мать, которая работала в аптеке на Садовой, и закончила тот же самый фармацевтический факультет мединститута, что и Варвара Алексеевна. Знала, что Анфисин отец из научных сотрудников среднего звена потихоньку-полегоньку вышел в миллионеры, а мать даже и после этого не бросила свою аптеку, хотя в ее работе уже не было никакой необходимости.

Анфиса тогда заканчивала тот же самый фармфакультет, куда поступила по настоянию родителей, потому что, как трогательно рассказывала заведующая, отец намертво встал и сказал, что «ни в журналистки, ни в артистки, ни в певицы» дочь не пустит.

Как хочешь, будто бы объявил он дочери, а позориться я тебе не дам. Там и без нас есть кому позориться.

– Вот какие молодцы люди, – с сердцем сказала тогда заведующая, – вот как надо самим жить и детей воспитывать! Тогда бы и к богатым по-другому относились! Поэтому, девушки, с Анфисой поосторожней. Не хочет она, чтобы мы знали, – и не приставайте к ней! Так что теперь две миллионерши у нас – Ковалева и Коржикова.

К Анфисе никто и не приставал, кроме, может, Лиды, которая все делала какие-то намеки – из зависти. А Наталья – нет, не завидовала.

Наталья с Анфисой дружила и однажды в программе «Дачники» видела ее бабушку и бабушкин дом. Маша Шахова в клетчатом шарфике гуляла по парку, трогала рукой стволы берез, рассуждала о вечном, и на заднем плане между облетевшими деревьями проглядывала беседка, а за ней река – свинцовая, осенняя, холодная. Наталья, чуть не уткнувшись носом в экран, все рассматривала и рассматривала подробности, и грустно думала о том, что у нее нет и никогда не будет таких корней, и Маша Шахова никогда не приедет в ее малогабаритную квартирку, где ее родители и она сама прожили всю свою жизнь!

Кроме того, Наталья даже не подозревала, что дома из программы «Дачники» бывают у обычных людей, а не у Аллы Пугачевой, к примеру! Анфиса оказалась удручающе нормальным человеком, и Наталье было легко с ней дружить.

Может, они когда-нибудь и в кино сходят, а потом Анфиса подвезет ее домой на своей шикарной машине! Виктор увидит ее в окно и станет ревновать, спрашивать, что это, мол, такое, кто это, мол, тебя катает, а она ни за что не признается – пусть помучается, очень даже хорошо!

В таких успокоительных и теплых мечтаниях Наталья доехала до аптеки и обнаружила там некоторую сумятицу и неразбериху – второй день подряд!

В зале еще никого не было, даже аптечные старики пока не приходили за своей таблетированной валерианой, зато была Нина со своим пластмассовым ведром, Лида с сонным выражением на лице, Анфиса Коржикова и вчерашний молодчик с разорванной щекой.

Щека у него была нездорово красной, но вместо марлевой нашлапки заклеена тонкой полоской пластыря.

Анфиса сердилась – издали было видно, как сердится, – а молодчик что-то очень активно ей втолковывал.

– Опять приперся, – сказала ей на ухо Лида, зачем-то переставлявшая флаконы в шкафчике с шампунями, – видно, клюнул на скромницу нашу!..

Наталья дернула плечом и секунду соображала, подойти к ним или нет. Подходить было незачем. Не подходить значило пропустить что-то интересное.

И она подошла.

– Привет.

Анфиса оглянулась, полыхнула сердитыми глазами и вдруг схватила Наталью за руку.

– Ну вот, вот, – заговорила она. – Вот и Наталья вам скажет, какие это глупости все!

– Что такое? Какие глупости?

– Здравсти, – сказал Наталье молодчик. – Меня Илья зовут. Решетников Илья. А вас?

Наталья вдруг смутилась. Редко кто спрашивал, как ее зовут.

– Наталья меня зовут. Наталья Завьялова. А что случилось?

– А я это... – сказал Решетников Илья, – на прием вчера... Вот она мне карточку дала, этого, как его...

– Соломона Израилевича нашего, – подсказала Анфиса раздраженно и ткнула пальцем в монументальный пиджак, словно хотела его просверлить. – Вчера он упал, – пояснила она, будто Наталья не знала или забыла, – как вы сказали?.. А, да. Мордой в забор. А сегодня у него грандиозная идея на почве падения созрела!

– Какая идея? – спросила Наталья. На самом деле происходило что-то интересное.

– Да ладно, девушка, ну что вы шумите?

– Я не шумлю. – Анфиса начала все сначала. – Вчера он упал мордой в забор, и я ему дала телефон нашего Соломона Израилевича. Он вчера же к нему побежал, правильно я понимаю?

– Ну да, – согласился Илья Решетников и неприязненно потянул из рукава пиджака манжету, словно она ему мешала. – Я к нему пошел, а то, думаю, правда в другой раз меня кто-нибудь... того... уконтрапупит!

– Что сделает?!

– Уконтрапупит. А что?

Анфиса посмотрела на Наталью, ища у нее поддержки, и Лида перестала переставлять флаконы в шкафчике.

– Ничего. Дальше что? Зачем вы сегодня пришли?! Вы рассказывайте, выкладывайте, вот Наталье расскажите!..

– Так этот ваш Израилевич анализы сделал. Кровь там взял и...

– И, видимо, мочу, – любезно продолжала Анфиса. – Вы хотите посвятить нас в ваш анализ мочи?

Тут Илья Решетников смутился почти до слез.

– Да не, не то я хотел!.. Просто... можно мне с вами поговорить?

– Да вы уже говорите!

– Так проблемы у меня! Или, может, этого... кофе? Вот тут рядом...

– Господи, какой еще кофе?! У нас рабочий день начинается!

– Уже давно начался, – заявила Лида, и все трое уставились на нее. Она прошла, покачивая бедрами, как роковая соблазнительница из немецкой кинокартины времен вермахта, и зачем-то пощупала кожистый лист фикуса, который только вчера протирали Нина.

– А и правда, – вдруг нашлась Наталья, – пойдемте на кухню, кофе попьем! У меня булка есть! А то я утром даже и не позавтракала!

Илья Решетников при упоминании о булке очень оживился и выразил немедленную готовность идти на кухню и пить кофе.

Анфиса пожала плечами. Лида громко фыркнула.

– Пошли, пошли. Туда, молодой человек! Вот, в белую дверцу. Проходите!

Он пошел вперед, и в коридоре Анфиса зашипела на ухо Наталье:

– Ты что? С ума сошла?! Зачем он нам там нужен?!

– Да лучше там, чем у Лидочки под носом шептаться!

– А если Варвара Алексеевна придет?

– Она сегодня с утра в Москомимуществе!

Илья Решетников взялся за ручку двери, на которой была нарисована рюмка и куриная нога, и обернулся вопросительно.

– Сюда, сюда, – заторопилась Наталья, – проходите.

Он «прошел», оглянулся и сел на вчерашнее место, под полку.

– Берегите голову, – пробурчала Анфиса. – Она вам еще понадобится.

Наталья выбежала на минутку и вернулась уже в халате – как будто посвежевшая, – и захлопотала над чайником.

Анфиса присела напротив Ильи и уставилась на него, не мигая. Он все пытался выпроstaat манжету из рукава пиджака, но остановился и спросил:

– Что?

– Ничего.

– Нет, что вы на меня так смотрите?

– Я жду, когда вы расскажете о том, что с вами и с вашей мочой сделал Соломон Израилевич.

И тут он поведал им совершенно дикую историю о том, что великий и могучий Соломон Израилевич нашел у него симптомы отравления пестицидами – потому и в глазах темнеет, потому и обмороки. Короче, теперь он не знает, что ему дальше делать.

Анфиса посмотрела на Наталью, а та посмотрела на Илью Решетникова.

– Ну? – спросил Решетников. – Чего теперь делать?

– Вы у нас спрашиваете?

Он удивился:

– А у кого?

– Нет, я не понимаю. Ну, отравление у вас, и что? Мы-то при чем? Пусть доктор назначит вам медикаментозное лечение, а мы, если сможем, достанем вам препараты. Вы нам позвоните, и мы для вас...

– Да при чем здесь препараты, девушка!

– Меня зовут Анфиса!

– Анфиса. Дело-то в том, что этот ваш... лечила... доктор то есть, он сказал, что обмороки эти от того, что я... что я их постоянно потребляю, пестициды эти, понимаете, девушка?

– Анфиса.

– Ну да! Так чего делать-то? Вы мне этого... вашего... подсунули, а теперь чего?

– Да никого она вам не подсовывала, – вступила Наталья, – она вам помочь хотела, а вы что?..

– А я что? – он пожал необъятными плечами. – Я хочу, чтобы вы мне еще раз... помогли. Анфиса пригубила кофе, обожглась и подула в кружку. Наталья подумала и тоже подула в свою.

– А вы уверены, что солите вашу яичницу именно солью, а не удобрением для цветов?

– Да что я, ненормальный, что ли?!

В его нормальности были кое-какие сомнения, но посвящать в них Решетникова явно не стоило.

– Тогда откуда пестициды?

– Так и я тоже вот думаю – откуда?! Это кто-то... того...

– Чего?

– Решил меня на тот свет проводить.

– Наймите частного детектива.

– Не, не пойдет. Куда я дену его, детектива этого?! И чего он сможет?! Прослушку на офисные телефоны поставить?! Да она у нас и так есть, потому что у фирмы своя охрана имеется! А еще чего?! Придет на работу и у всех станет спрашивать – не хотите ли вы шефа отравить?!

– Я не знаю, как работают частные детективы. Скорее всего, вовсе не так топорно.

– Да не надо мне детективов! Мне надо, чтобы кто-нибудь по-тихому выяснил, кто эта падла, которая... Ой, извиняюсь я!..

– Ничего, – великодушно сказала развеселившаяся Анфиса. – Мы вас прощаем. И я не понимаю, зачем вы в аптеку пришли. Вам нужны какие-то... лекарства?

– Да не в аптеку я пришел! – энергично возразил он. – Я к вам пришел! Я хочу, чтобы вы мне... еще помогли.

– Как мы можем вам помочь, Илья... как вас по отчеству?

– Да не надо меня по отчеству! Илья, и все.

– Хорошо. Илья. Как мы вам можем помочь? Мы ведь даже и прослушку вам на телефоны не поставим.

– Вот витаминчиков можем продать, – опять вступила Наталья. Ей тоже почему-то было весело. – Хотите? От них все умнеют и хорошо рисуют.

– Мне не надо рисовать! Мне надо по-тихому выяснить, кто меня... кто решил от меня... Короче, кто решил меня уморить, вот что.

– Да откуда мы можем знать, кто решил вас уморить!

Он вдруг рассвирепел, вскочил – Наталья и Анфиса отшатнулись в разные стороны, – стянул пиджак и швырнул его на соседний стул.

В дверь заглянула Оксана, сделала большие глаза и убралась обратно в коридор.

– У нас рабочий день начинается, а вы нам голову морочите!

– Я не морочу. Я вас... о помощи прошу, а вы не понимаете, что ли! – Он оперся двумя руками о стол. Стол, казалось, охнул и просел от тяжести. – Ну, мне не к кому больше обратиться, а вы мне вчера помогли! Я заплачу!

– За что вы заплатите?!

– Да за работу я вам заплачу! Вы придете ко мне в офис, будто я вас нанимаю на службу, будто вы новый менеджер.

– Я?! – поразила Анфиса.

– Ну, помощник. В производстве-то вы сразу не разберетесь, я думаю. Ну, имеете право в кабинет входить в любое время и с любыми вопросами. Ну, всякие вам бумаги покажу, отчетность и прочее, а вы... понаблюдаете, кто на меня зуб точит. А?

– Вы хотите, чтобы я у вас на службе шпионила за вашими сотрудниками!?

– А? – переспросил он. – А, ну да.

После этого все замолчали.

Манжета у него сползла, и он со зверским лицом опять потянул ее вверх. Тянуть было трудно, потому что мешала запонка. Наталье показалось, что он в последний момент едва удержался, чтобы не выдрать ее с мясом.

– Глупости какие, – задумчиво сказала Анфиса.

– Да не, не глупости это, девушка! Вы же мне вчера велели к врачу сходить, а мне бы и в голову!.. И я пошел, а тут дела такие! Вам-то точно не нужно меня травить!

– Мне не нужно, – подтвердила Анфиса. – Зачем мне вас травить?

– Вот и я считаю, незачем. А у меня на этот счет... нет никого. Ну, на все случаи есть, а на этот нет!.. Кого я стану просить?!

– Она у нас, между прочим, мастерица загадки отгадывать, – тихонько сообщила Наталья.

– А я, между прочим, знаю! – свирепо сказал Илья Решетников, и девицы воззрились на него с изумлением.

Ох, как он ненавидел, когда девицы пялились на него с изумлением! Это еще от жены пошло – та все изумлялась, как он чего не скажет! И было в этом изумлении столько тонкости, столько сарказма, столько скорби, что под этим взглядом его обуревало желание немедленно выброситься в окно.

– А откуда вы знаете?

– Оттуда, что я вчера на улице встретил Славку-программиста! Он теперь у вас работает, а когда-то у нас работал!

– Наш Славик?! У вас работал?!

– Ну да. Славик. А что? Почему он не мог у нас работать?! Мы тут рядом... в двух шагах!

– И что он вам сказал, интересно знать?

– Он сказал – вон в окне Анфиска-сыщица. Вы то есть, я извиняюсь. Я спрашиваю, почему сыщица? А он отвечает – потому что все находит и любые загадки отгадывает.

Анфиса молчала, но по ее носу Наталья видела, что рекомендация Славика ей польстила.

– А я и думаю, значит, она – вы то есть – не только медсестра, но и... детектив, так сказать.

Так как Анфиса продолжала молчать, он еще раз с тоской рванул свою манжету, покрутил запонку и уставился в окно.

– Ну, не к кому мне обращаться! – сказал он с тоской. – Какой еще частный детектив!.. Выдумки из телевизора!.. А мне надо... разобраться. Этот ваш... Израилевич сказал: в следующий раз вы того... помрете. Он говорит: накапливается отравка-то. Во мне накапливается.

Он отвернулся от окна, покачнулся и взялся рукой за голову.

Этот жест был странным, болезненным, каким-то натужным. Загорелые пальцы на бритой голове казались толстыми и неуместными, он неуверенно потер висок и опустил руку.

Скулы у него покраснели.

Он не собирался устраивать никаких демонстраций, а получилось, что устроил.

Устроил словно специально для девиц с их «тонкостью» и изумленными взглядами!..

Та, которая с кудрями и шикарным бюстом, немедленно оказалась рядом с ним и вцепилась ему в локоть, уставилась в глаза и приоткрыла рот, и он стряхнул ее пальцы со своего локтя.

– Извиняюсь.

Кудрявая с бюстом куда-то отвернулась и сунула ему под нос стакан воды. Он взял стакан и попил немного.

Во рту было горько и так гадко, словно он жевал пенопласт и долго не мог проглотить. Вода вся застряла в пенопласте, в горло ничего не пролилось.

Анфиса смотрела на него довольно холодно.

– А... вы точно не алкоголик и у вас нет белой горячки?

– Точно и нет. Спасибо, Наташа.

– Пожалуйста, – пробормотала Наталья, никак не ожидавшая, что он запомнил ее имя.

Дверь открылась, и вошла Лида со своей чашкой в руке. Она никогда не оставляла чашку в шкафчике, всегда с собой носила. Она вошла, окинула медленным взглядом авансцену и перевела его в партер, где сидела Анфиса.

– В зале народу полно, – сообщила она скучным голосом, – а за столом одна Оксана. Как заведующей нет, так и в зале никто не работает, да, девочки?

Тут Наталья вдруг вышла из себя.

Она никогда не выходила из себя. А тут вдруг внезапно обозлилась.

– Чего тебе здесь надо, а? – спросила она пронзительным голосом. – Что ты все шпионишь, Лидочка?! Чего тебе не хватает?!

Она говорила и напирала на Лиду бюстом, и та хоть и нехотя, но начала отступать.

– И чашку свою прихвати отсюда!

– Я чай пить хочу!..

– Вот когда мы уйдем, тогда и будешь пить! Не раньше и не позже! Поняла?

– Да что ты ко мне лезешь?! Не лезь ко мне!

– Это ты к нам не лезь!..

– Да я к вам не лезу, а только всяким бандитам в аптеке делать нечего! Их надо в милицию сдавать, не приглашать туда, где материальные ценности!

Наталья вдруг покраснела, как помидор, воинственно тряхнула бюстом и пихнула Лиду в коридор.

– А... а он не бандит, – выпалила она и зачем-то показала Лиде фигу, – он, может, ко мне пришел!

– А зачем это он к тебе пришел?!

– Ухаживает он за мной! Ну что? Съела?!

Илья Решетников распахнул глазищи и замер. Анфиса хохотала. Наталья захлопнула дверь перед возмущенным Лидиным носом, повернулась, погрозила Илье Решетникову пальцем.

– Что вы надо мной смеетесь?!

– Я? – удивился он. – Я не смеюсь.

По правде говоря, смеялась Анфиса. Наталья и ей погрозила.

– Нам надо работать, – сказала Анфиса, поднимаясь. – Извините нас, пожалуйста.

– Как работать? – поразились Наталья. – Ты что? Разве не будешь ему помогать?!

– Наташ, ты с ума сошла!

– Да ничего я не сошла! – с досадой сказала Наталья. – Человек тебе говорит, что ему обратиться некуда, а ты что?

– А что я?

– А ты из себя... Лидочку строишь! Ну?! Ты же всякие головоломки, как орехи, щелкаешь!

– Ну вот, – оживился Решетников, – и Славка-программист мне то же самое сказал! Говорит, Анфиска все загадки отгадывает! Ну, соглашайтесь, девушка!

– А Славка-программист всем на вашей работе расскажет, что я Анфиска-сыщица из аптеки, да? И вся наша конспирация рухнет.

– Да никому он не расскажет! Он два года назад уволился, так я его в первый раз увидел вчера! Соглашайтесь, а? Я вам все расскажу, где бываю, что делаю, с кем встречаюсь, а вы на работе посмотрите, может, заметите чего!..

Он подумал и вдруг добавил совершенно другим тоном:

– Помирать мне за просто так неохота. Радости никакой в этом нету.

– Это точно, – согласилась Анфиса.

– А вы не маньяк? – осведомилась Наталья.

– Да какой, блин, я маньяк! Я грузовыми перевозками занимаюсь. Фуры у меня, понимаете?!

– Так вы води-тель?!

Это Наталья зря спросила. У него на лбу было крупными буквами написано, что он не водитель, а хозяин. Впрочем, может, подобного рода надписи были отчетливо видны только Анфисе?

– Да какой я водитель! Я директор. У меня фирма, грузовыми перевозками занимается. Мы все подряд возим. Машины. Пиво. Панели. Бревна. Ну, канистра у нас есть, ее нам всякие химики часто заказывают. Ну... еще там кое-чего. У нас даже лошадиный фургон есть и платформа для гоночных машин. И страничка в Интернете! – Видно было, что страничкой он особенно гордится. – Нам ее Арсений Троепольский сделал. Слышали про такого?

Так звали самого именитого в стране дизайнера сайтов. Он был молод, амбициозен, хорош собой, зубаст и профессионален. Его любили показывать по телевизору, и интервью с ним печатались в разных деловых газетах для посвященных, вроде «Ведомостей».

– Да, – пробормотала Анфиса. – Троепольский – это хорошо, он сайты не всем делает, насколько я знаю, но я-то не Троепольский! Как вы это себе представляете?! Вот завтра я явлюсь в вашу контору и скажу, что я... кто там я? Помощник?

– Ну, помощник. Или секретарша. Нет, секретарша у нас есть, куда я ее дену! Помощник, значит. И понаблюдаете, что там у нас происходит. Потому что если кто-то меня... того... отравить решил, это, значит, только на работе. Дома у меня не бывает никого. Только мать да тетя Света, домработница. Ну, жена заезжает, раз в год по обещанию, а больше... никого не бывает.

– Гости, собутыльники? Партнеры?

– Да не пью я, сколько раз говорить-то! И в гости ко мне не приходит никто, я не люблю... чужих! Это только на работе, точно!

– Анфис, случай как раз для тебя, – вдруг опять выдвинулась Наталья, – ну что ты, правда?..

– А если я не найду никого? Я же не профессиональный сыщик!

– Ну, значит, похороните меня тогда, – сказал Илья Решетников и улыбнулся, как все молодые мужчины, твердо уверенные, что не умрут никогда. – Все равно мне больше специального сыщика искать некогда. Мне прямо сейчас нужно!..

Анфиса допила из кружки остывший кофе и посмотрела в окно, за которым опять принялся дождь.

Единственное окно особняка напротив даже и под дождем блестело, как отполированное. Вот странность какая.

Наталья почесала свои кудри, стрельнула глазами в Илью и замерла.

Ей-то что за интерес, вдруг подумала Анфиса с раздражением. Она-то что так уж хлопчет?

– У меня работы полно, – произнесла она, прислушиваясь к этому самому раздражению, – кто за меня работать станет?

– Да мы поменяемся! Хочешь? Я за тебя выйду пару раз в день, а потом у тебя вечерние смены будут, и ты к трем сможешь приходить. Правильно, да?

Илья Решетников кивнул, потянул со стула свой пиджак, напялил его и сверху оглядел обеих барышень.

– Я вам заплачу, – энергично пообещал он. – Сколько скажете, столько и заплачу. В пределах разумного.

– Ну, это понятно, – заключила Анфиса, поднялась и сосредоточенно поправила на кармане пластиночку со своим именем. – Хорошо. Я согласна.

Кажется, Илья Решетников ничего подобного не ожидал, потому что уставился на нее во все глаза.

– Только вот что. У вас рабочий день во сколько заканчивается?

– У нас?.. Как у всех. В шесть, а что? – ответил Илья.

– А то, что у меня смена завтра до десяти. Если придется изображать вашу помощницу, мне надо как можно быстрее посмотреть, что к чему. Где у вас... контора?

– Ну гараж-то у нас на Дмитровском шоссе...

– Что-о?!

– А офис рядом, в соседнем переулке, – договорил он быстро. – До вас два шага. Вы, значит, как завтра работу закончите, так приходите, а я вас встречу и все покажу.

Он вытащил из нагрудного кармана визитную карточку, написал на ней мобильный номер, покрутил ее перед Анфисиным носом, но застеснялся и тихонько положил на стол.

Наталья вытянула шею и прочитала надпись на карточке.

«Илья Решетников» было выведено, разумеется, золотом. Генеральный директор.

Бедный, бедный Илья Решетников, генеральный директор!

– Вот что, я завтра во вторую смену выхожу. Я к вам перед работой зайду.

– Вы с подружкой приходите, – вдруг сказал он, – чтоб на первый раз. А потом пообедать можно. У нас там рядом ресторанчик ничего...

Девушки опять воззрились на него с изумлением. Он поморщился, кивнул, стал отступать в коридор, задел белый аптечный стул, который страшно загрохотал. Генеральный директор подхватил стул, поставил его в центр кухонки, кивнул в неопределенном направлении и исчез за дверью.

Анфиса с Натальей посмотрели друг на друга.

– Ужас какой-то, – задумчиво сказала Анфиса. – Во что мы ввязались?!

– Да ничего страшного, – пробормотала Наталья неуверенно. – А что?.. Приключение.

– Вот только приключений нам и не хватает, – язвительно произнесла Анфиса. – Надо бабушке позвонить, вот что!

– Слушай, а я завтра никак не смогу с тобой пойти. К нам должна мать Виктора прийти.

– Нет уж, матушка, – сердито заявила Анфиса, – это ты меня втравила, значит, со мной пойдешь! Никуда не денешься! Тем более болезный наш с тебя глаз не сводил!

– Да ладно!

– Не ладно!

Наталья подумала, а потом повторила с удовольствием:

– С меня? Глаз не сводил?

– Ну конечно. Я же вижу, Наташка!

– Да ничего ты не видишь!

– Я не слепая! У него на лице все написано!

Наталья еще немного подумала, а потом вдруг стала бешено шарить по карманам халата.

– Где мой «Ксеникал»? – завопила она. – Мне надо срочно принять таблетку!

В обед вдруг заявила бывшая жена, чего он никак не ожидал.

В приемной сильно шумели водители, и он несколько раз выходил и орал на них, чтобы они перестали вопить. Они переставали, но ненадолго, хотя старались, это он понимал. Водители хорошо к нему относились, считали за «своего», в отличие от зама, который был «дипломированный менеджер» и считать безграмотного начальника «за своего» решительно отказывался.

В конце концов Илья заорал, что сейчас же всех уволит, если они сами не разойдутся, потому что у него куча дел и сегодня он намерен сидеть допоздна, и Гена, один из водителей, быстренько вытолкнул всех в коридор. Но минут через двадцать они снова набились. В прием-

ную их тянуло как магнитом. Собственно, тут их было два – магнита, имеется в виду. Секретарша Раиса и телевизор, разорвавшийся в красном углу. Раиса телевизор не выключала никогда.

Секретарша заглянула к нему в кабинет, когда он как раз просматривал бумаги, а это занятие он ненавидел. Еще он думал о том, какую глупость сделал, что ввязался в историю с этими аптечными девицами. Кроме того, голова болела ужасно и было как-то гадко, как будто стыдно, что у него так болит голова. Он не признавал никаких таких «тонкостей».

Как она может болеть, думал он, морщась от боли, когда она – кость?!

– Илья Сергеевич, к вам Марина Николаевна приехала.

– Вот черт побери, – пробормотал он, по опыту зная, что приезд Марины Николаевны для него ничего хорошего означать не может, – принесло!..

Бывшая жена, трепетавшая крылышками за секретарским плечом, впорхнула в кабинет и закружилась, закружилась, как большая белая бабочка.

Очень красивая. Илья просто смотреть на нее не мог, до того она была красива.

– Илюша, я просто проезжала мимо. – Мика вдруг подумала, что такая формулировка стала у нее в последнее время популярной. Кажется, сегодня она проезжала мимо всего на свете. – Я просто так.

– Денег, что ли, нужно?

Мика вздохнула.

У нее такая беда, а они все заладили – денег, денег!.. Впрочем, можно и денег!

– Как ты себя чувствуешь? Вид у тебя... неважный.

– Какой вид, так и чувствую.

– Тебе нужно заниматься своим здоровьем, – сообщила Мика, – серьезно! Ну что это такое, ты же молодой, не пьешь, а лица на тебе нет!

– А что на мне есть?

– И щека! Что у тебя со щекой?

– Шел, упал, очнулся – закрытый перелом, – сказал Илья Решетников и потрогал щеку. Впечатление было отвратительным, словно трогал холодную спину дохлой жабы.

– Ты что? Подрался?

Белая дверца распахнулась, и показался секретаршин зад. Илья уставился на зад. Мика тихонько вздохнула.

И за этим человеком она была замужем! Она спала с ним в одной постели и даже завтракала за одним столом! Завтракать гораздо труднее, чем спать, Мика была в этом уверена.

– Вы кофе просили, Марина Николаевна, – прошептала секретарша. – Я приготовила. Вы будете, Илья Сергеевич?

– Выпей, Илюш, – посоветовала Мика, – я хорошего привезла. У тебя в офисе, между прочим, всегда ужасный кофе! Отвратительный просто.

– Выпью, – решил Илья.

Мика из-за чашечки рассматривала его.

Вид у него и вправду был не очень. Под глазами синяки, если так можно сказать о желто-коричневых кругах, из-за которых он напоминал заболевшую насморком очковую змею. Бритая башка отливает синевой, галстук распушен, ворот расстегнут, и проглядывает смуглая волосатая грудь.

Гадость какая.

И как она могла выйти за него замуж, хоть бы и для «возрождения веры в русский народ»?! Впрочем, племянник Боренька считал, что Мика не столько возрождала веру, сколько заботилась о своем материальном положении. В конце концов, Илюша оказался благородным и после развода она получила даже больше, чем предполагала. Впрочем, и отцовских денег ей всегда хватало, как и академических дач и академических квартир!..

Вспомнив об отце и о цели своего «случайного» визита, Мика покрепче сжала чашку – от страха.

– Я еще привезла тебе яблок, – быстро сказала она, чтобы он ничего не заподозрил. Он был очень проницательным, ее муж, несмотря на то что мужлан и деревенщина. – Очень красивых, ты такие любишь!

Он поднял на нее совершенно больные глаза:

– Чего тебе нужно, Мика? Денег?

Она промолчала. Она никогда бы не призналась в том, что ей нужно денег. Всегда она умела повернуть так, что деньги предлагал *он*, отчасти даже *навязывал*.

Он поднялся и открыл сейф у себя за спиной. Упоительно толстенькая пачечка непередаваемо зеленого, отрадного цвета оказалась у нее под носом. Она прибрала ее рукой, на которой сверкнул «правильный» бриллиант, и стыдливо смахнула в сумочку.

Он даже не посмотрел, слава богу.

Скоро, скоро конец всем ее мучениям, всем ее самоугворам и торговле с самой собой.

«Вот сегодня в последний раз. Я обещаю. Больше никогда-никогда. У меня есть Валя и папа, и я справлюсь без бывшего мужа. Если и брала у него деньги, то только из-за крайней необходимости и потому, что мне больше не у кого взять. Только поэтому. И когда-нибудь я их отдам. Обязательно отдам. Я стану богатой и независимой, потому что у меня есть Валя, который... который...»

Тут вдруг Мика Решетникова – в девичестве Тягнибеда – с ужасом осознала, что она понятия не имеет, как именно ее драгоценный Валя относится к деньгам и станет ли он давать их ей по первой просьбе, как это делает бывший муж.

Это была довольно страшная мысль, и она решила, что додумает ее позже. Не сейчас. Не у него на глазах.

– Ну что? – спросил бывший муж. – Все? Ты за этим приезжала?

Да, он дает ей деньги, но он не смеет ее унижать, а вопрос был унижительный, по крайней мере с Микиной точки зрения.

– Я привезла тебе яблок и кофе, – сказала она тихонько, – я хотела тебя порадовать.

– Порадовала и вали! – скомандовал хам и деревенщина. – У меня голова болит, сил нет.

– Сходил бы ты к врачу, Илюша! Хочешь, я тебя запишу на прием...

– Я уже был на приеме!

– Когда?!

– Вчера.

– Где?!

– У врача.

– Как?! – поразила Мика. – И мне ничего не сказал?!

Он пожал плечами, с ненавистью посмотрел на манжеты и стал вытаскивать запонки. Он сопел и вытаскивал, и у него не получалось.

– А почему я должен что-то тебе говорить?!

Мика растерялась.

– Но... как же?! Как же иначе?! Я бы тебе порекомендовала...

– Да мне и так порекомендовали!

Он вытащил запонки, швырнул их в бутафорскую чернильницу из настольного прибора и закатал рукава. Руки тоже были волосатые и отвратительные.

– И что он у тебя нашел?

– Ничего он у меня не нашел! Мик, ты деньги получила?

Не допив свой кофе, она поднялась – сказочно красивая, очень красивая и очень несчастная.

Когда-то он ее любил. Восхищался. Переживал, что «не соответствует» ей. А потом перестал.

Хватит.

Но она должна была задать главный вопрос – тот самый, из-за которого пришла. Она пришла из-за вопроса, а вовсе не из-за денег. Деньги просто попутно подвернулись.

И она задала его – очень неловко.

– А как твои дела?

Он собрал лоб мучительными складками и вытаращил глаза:

– В смысле?!

– Ну... как твой бизнес?!

– Да нормально все, а что такое?

– Да ничего. Говорят, что сейчас с перевозками очень сложно. На таможне всех задерживают и проверяют на... наркотики, оружие...

Складки стали еще мучительнее.

– Что ты несешь, усохни, моя душа!

Иногда он выражался витиевато, и это было еще ужаснее, чем его обычные, менее витиеватые выражения!

– Я просто беспокоюсь о тебе, – быстро сказала Мика, – и о твоей работе. Я вчера программу «Вести» видела, и там как раз...

В дверь постучали, и в щель сунулся заместитель ее мужа.

– Илья, можно к тебе? Привет, Мика.

– Здравствуй, Дима.

– Заходи! Садись. Мик, у меня дела. Программа «Вести» к нам не приезжала.

Заместитель с любопытством посмотрел на них обоих, но садиться не стал – Мика стояла, а заместитель, в отличие от начальника, был человеком воспитанным.

Все помолчали, а потом Илья Решетников спросил раздраженно:

– Ну чего, чего? Что тебе, Дима?

– У меня... договоры.

– Я просто хотела узнать, все ли у вас в порядке, – тихо сказала она. Мика умела правильно разговаривать с Димой и знала, что она ему нравится. – С вашей работой. Я слышала, что сейчас с перевозками большие проблемы.

– У нас нет проблем, Мика, – любезно сказал заместитель. – Мы работаем... как часы.

– Это очень приятно слышать, – улыбнулась Мика. – Илюша, спасибо тебе большое. Я... пойду.

Она вышла в крохотную комнатку, служившую приемной, где стоял секретарский стол и всегда паслись водители, уезжающие за границу. Перед самым отъездом они получали бумаги в «центральный офис», как шикарно это называлось в конторе.

Мика не любила здесь бывать, потому что водители таранились на нее во все глаза, и под их веселыми и внимательными взглядами она чувствовала себя голой.

Здесь и сегодня было много народу, но знала она только одного, Гену, который возил Илью время от времени и саму Микку, и даже ее родителей, когда им нужно было уезжать за границу. Гена был красив киношной, совсем не водительской красотой, обладал чувством юмора и известным шиком.

В комнатке все затихло, как только Мика вышла из кабинета, хотя было шумно – и голоса доносились сквозь тонкие стены, и русалочий хохот секретарши, и самодовольные мужские смешки.

Все уставились на нее. Щеки у Мики загорелись.

Трудно, ах, как трудно возрождать в себе «веру в народ». Помогать своим мусульманским сестрам в их стремлении избавиться от многовекового рабства и угнетения – значительно легче.

– Марина Николаевна!

– Здравствуйте, Гена!

– Вас не подвезти?

– Да нет, спасибо, я на машине.

– Как Илья Сергеевич сегодня? В настроении? – Это был вопрос, как бы возвышавший Гену над остальными, признававший за ним право разговаривать так с «барыней», хоть бы и бывшей.

Тишина стояла такая, что было слышно, как на улице чирикает удрученный непогодой воробей, а за стенкой что-то басит Илья. Слов было не разобрать.

– Он неважно выглядит, – сказала Мика и расправила плечи – что она, в самом деле, так их боится! – Наверное, от усталости.

– Да ему с нами несладко приходится, Марина Николаевна! – и Гена подмигнул остальным, признавая себя одним «из этих», но все же гораздо, гораздо выше! – Мы ребята непростые, к нам особый подход нужен!..

Мика кивнула и все в той же тишине обратилась к секретарше – вечно она забывала, как ее зовут!

– Вы, пожалуйста, дайте ему яблок. Тех, что я привезла. Это семеринка, он их очень любит.

Секретарша кивнула, кажется, едва удержавшись, чтобы не прыснуть.

– Вас проводить? – Это опять Гена с его мелитопольской учтивостью.

– Нет-нет, – поспешно отказалась Мика. Еще не хватало, чтобы ее провожал *водитель!* – Я знаю дорогу.

Он шикарно распахнул перед ней дверь, и она вышла, натягивая тесные белые перчатки. И как только створка захлопнулась, в комнатке зашумели, как обвал с горы сорвался, но она не стала слушать.

Сегодня. Все будет сделано сегодня, и проклятая проблема перестанет изводить и мучить ее.

В конце концов, такие, как Илья, существуют в природе, чтобы служить таким, как Мика. Иначе зачем они нужны?!

Ночевать Анфиса опять поехала в Аксаково, потому что ей обязательно надо было посоветоваться с бабушкой. Детективное расследование – да еще такое, настоящее, серьезное, вовсе не пропавшие договоры! – надвигалось неотвратимо.

Зачем она согласилась?!

В приемнике пели про весну, которая, как водится, «пора любви», и трещали про то, что, как только снег сойдет окончательно, всем немедленно и непременно нужно влюбиться, потому что весна – пора любви.

Анфиса никогда не влюблялась весной.

Впрочем, она вообще никогда не влюблялась и удивлялась, почему на радиостанциях несут такие глупости.

Потом весна и любовь ей надоели, и она выключила приемник.

– Зачем, зачем, – пропела Анфиса, поворачивая направо с Дмитровского шоссе, – вы удалились, моей весны золотые дни?..

Кажется, в романе было «куда», но «зачем» в данном случае подходило больше.

На извилистой дорожке, которая сначала шла по лесу, а потом сваливалась к ручью, Анфиса прибавила скорость и открыла окно – она всегда так делала. Ветер был студеный и крепкий, все еще морозный.

Она ехала и думала про весну.

Кажется, я знаю, кто во всем виноват.

Во всем виноват тот самый вождь того самого племени, которое с теплого юга забралось в болотистый холодный бор. Бор девять месяцев в году был завален снегом, а в оставшиеся три его то заливало дождями, то изничтожало пожарами, а племя во главе с вождем, вместо того чтобы убраться куда-нибудь, где посветлее и потеплее, упорно продолжало «осваивать территории».

И освоило, на беду всех тех, у кого весна – пора любви.

Не освоило бы, жили бы мы сейчас, к примеру, под Мадридом, где объявляют чрезвычайное положение и в школах отменяют занятия, если температура падает до минус трех.

Там, под Мадридом, наверное, не ждут весну так, как ждут ее тут – истово, из последних сил, сжав остатки воли в замерзающих кулачках. И вряд ли про нее, про весну, глупости всякие придумывают, вроде той, например, что весна – пора любви.

На самом деле, Анфиса знала это совершенно точно, любовь никак не зависит от метеорологии или вращения нашей планеты вокруг Солнца.

Вот великая мудрость, ослепительная и сияющая в своей простоте: любовь – это состояние души, а вовсе не время года!

Ждать весну, чтобы влюбиться, так же глупо, как читать поваренную книгу, чтобы найти там рецепт вечной молодости!

Весна хороша сама по себе, ибо местные жители, именуемые северянами, – потомки все тех же незадачливых племен, выбравших для жизни болотистый бор, а не солнечную лужайку. Поэтому так и радуют незатейливые весенние штучки – искрящиеся лужи, теплый ветер, добытые из глубин шкафа темные очки, потому что, оказывается, на небе все еще есть солнце, оно все еще светит и даже попадает в глаза! Дни становятся длиннее и ярче, и четыре часа – это еще не ночь, а, наоборот, разгар веселья, и от души работается и славно гуляется.

И все это не имеет никакого отношения к любви, вот как думала Анфиса Коржикова, вдыхая холодный воздух ближнего поля!

То есть она, любовь-то, хороша в любое время года. И кто ее знает, может, осенью, или летом, или зимой – ужас какой! – она бывает даже лучше, чем весной. Или хуже, чем весной, – а все потому, что ни при чем, вовсе ни при чем тут время года!

Совсем немного осталось, и все, все будет – лужи, солнце, яркие дни, вкусный воздух, новая жизнь.

Может, и любовь будет, у кого новая, у кого старая, у кого большая, у кого маленькая – она всегда бывает разная, независимо от времени восхода солнца и количества градусов по Цельсию. Или по Фаренгейту.

Весна никакая не «пора любви».

Весна, как и любовь, вот-вот должна прийти, просто потому что – пора!..

Так потихоньку философствовала Анфиса Коржикова, и ее машинка летела по пустынной дороге, и закатное солнце уже было золотым и даже грело немного, и впервые после потери родителей она вдруг подумала, что ничего не кончилось.

У нее есть бабушка, аптека, Наталья и даже Юра. У нее есть ее детективная история – самая настоящая, не чета каким-то там пропавшим договорам! У нее есть это поле и дорожка, сваливающаяся к ручью, и беседка над Клязьмой, и самовар, который Клавдия взбадривает к ее приезду, – семья, целый мир, устойчивый и надежный, как волжский утес, и этот мир не подведет ее, как подвели родители, оставившие ее в одиночестве!

Последний поворот она пролетела очень лихо, притормозила и привычно осадилась своего скакуна перед коваными железными воротами.

Странное дело. Ворота были распахнуты настежь.

Сколько Анфиса себя помнила, они никогда не стояли нараспашку. Бабушка подозревала всех окрестных жителей в опасном желании влезть к ней на участок и чего-нибудь непременно своровать, потому и ворота были до неба, с острыми пиками, и Юра то и дело патрулировал территорию, и домофон был куплен самой последней модели – с видеокамерой и записывающим устройством.

От неожиданности она даже не сразу поняла, что можно въезжать, и зачем-то высунула руку и нажала блестящую кнопку на переговорном устройстве.

Устройство запиликало, но никто не отозвался.

– Черт возьми, – пробормотала Анфиса.

Паника, охватившая ее, была мгновенной и страшной, как лесной пожар в разгар засухи.

Что-то случилось. Что-то страшное произошло. Ворота открыты, и никто не отвечает.

Сзади вдруг послышалось урчание мотора и шуршание шин, которое стремительно приблизилось и смолкло прямо за ее багажником. Анфиса напряженно взялась рукой за щиток и заставила себя посмотреть в зеркало заднего вида.

Это была машина ее бабушки, джип, купленный, чтобы разъезжать «по хозяйству». У нее еще были комфортабельный седан и огромный зверского вида мотоцикл – специально для Юры.

От страха и напряжения Анфиса не сразу поняла, что это «свой» джип, так и сидела, вцепившись рукой в переднюю панель. Открылась водительская дверь, и Юра спрыгнул на асфальт.

У него было озабоченное лицо, и он был небрит.

– Здравствуйте, Анфиса.

– Юра, что случилось!?

– Ничего особенного не случилось, не волнуйтесь. У нас... маленькие неприятности.

Он нагнулся к ее открытому окну так, что перед носом у нее оказался его светлый свитер крупной вязки. Под свитером просвечивала широкая золотая цепочка. Почему-то Анфиса не могла отвести от нее глаз.

– Какие неприятности, Юра?!

Он секунду подумал, словно прикидывал, имеет смысл сообщать ей новость или нет.

– Юра!

– Петр Мартынович, сосед... Он умер.

– Как?!

Юра пожал плечами. Вид у него был какой-то неуверенный.

– Юра! Он вчера был жив и здоров, и его пугало какое-то привидение! Бабушка мне об этом рассказывала! А Клава это привидение даже видела под елкой!

– Мне не хотелось бы...

– Юра, я не курсистка и не член общества любителей поэзии Бальмонта! Что случилось?!

– Ночью он умер. Милиция считает, что... сам по себе умер, и все. А я считаю, что его задушили. Подушкой. То есть мы с вашей бабушкой так считаем.

Она поверила сразу – и именно в то, что его задушили.

Вчера ночью в саду явно кто-то был, она не видела, но *чувствовала* это присутствие очень отчетливо.

Анфиса зашарила рукой по автомобильной обшивке, нащупала ручку, дернула и распахнула дверь. Бедный Юра едва успел отскочить.

Не успел бы, получил бы серьезный удар железной дверью в самое что ни на есть чувствительное место.

– Кто его задушил?! Что вы такое городите, Юра?! У нас тут никогда и никого...

Она осеклась, понимая, что вряд ли он только что выдумал всю эту историю, что это правда, от начала до конца.

Соседа Петра Мартыновича, любителя гуано, жившего в двух шагах, нынешней ночью задушили подушкой.

– А... как вы узнали?!

– Марфа Васильевна утром повезла ему пироги. Такая у нее идея возникла почему-то...

– Не почему-то, а из-за собаки Баскервильей!

Юра помолчал.

– Из-за чего?

– Из-за собаки Баскервильей, но это долгая история. Впрочем, вы знаете, наверное.

– Я знаю, что его кто-то пугал. Но... не собакой.

– Собака – это просто так, – с досадой сказала Анфиса. – Ну, дальше, дальше!..

Руки у нее стали совсем ледяными, и она сунула их в карманы.

– А дальше... ничего. Мы приехали, дом открыт, а сосед... лежит. И уже не спасти, конечно. Ну, я вызвал милицию, «Скорую», а Марфу Васильевну отвез домой. Все.

– Господи боже мой, – пробормотала Анфиса. Щеки ее тоже похолодели, и она подумала так, словно думала не она, а кто-то другой: какая холодная нынче весна. – Так не бывает.

– Бывает, как видите.

– Только не у нас.

– И у нас бывает.

– А... почему ворота открыты? И куда вы ездили?

Он вдруг усмехнулся. Ему очень хотелось ответить, что на свидание, но он не стал. Она была напугана, и ему хотелось защищать ее, а не дразнить.

Ему всегда хотелось ее защищать, хотя он отлично понимал, что никакая его защита ей не требуется.

– Я ездил на соседский участок. Мне нужно было кое-что посмотреть.

– Что посмотреть?

– Анфиса, – сказал он, – давайте заедем, а? Закроем ворота и поговорим подробно. Мы здесь все равно ничего не проясним. На это нужно много времени.

– А бабушка?! Бабушка как?

– Марфа Васильевна молодец, – сказал Юра с удовольствием. – Лучшая из женщин.

– Ее теперь нужно охранять. Вы понимаете, Юра?! Если здесь появился маньяк, который душит честных людей подушками, бабушке нужна охрана. Две пожилые женщины в таком огромном доме!

– Давайте заедем, – повторил он и кивнул в сторону ворот. – И все решим.

Анфиса посмотрела на него и, кажется, даже пошевелила губами, хотела что-то сказать – и не стала. Вернулась в свою машину, захлопнула дверь и нажала на газ. Английский ослик взвыл, как будто мотнул строптивой башкой, ударил копытами и унесся к дому. Юра вернулся в джип и медленно тронулся с места.

Он устал за сегодняшний день, устал и был удручен, как всегда бывают удручены живые, которым приходится иметь дело с мертвыми. С соседом Юра довольно мирно воевал – именно так и было! Он был задиристый и нелюбезный, но в общем совершенно безобидный мужик, а в последний раз, когда Юра разглядел его в кустах у своих ворот, еще и перепуганный и несчастный.

Едва войдя в соседский дом, Юра почувствовал запах убийства. Он не мог этого объяснить, но это было именно так. Обыкновенная смерть никогда так не пахла, он голову мог дать на отсечение.

Вдалеке за деревьями полыхнули красные тормозные огни и завизжали шины, а потом сильно хлопнула дверь – Анфиса доехала до крыльца и выскочила из машины.

Анфиса вбежала в гостиную и застала бабушку в крайнем волнении.

Она была не только в волнении, но и сердита. Это так на нее похоже – она всегда сердилась и раздражалась, когда волновалась. Она с каким-то яростным наслаждением копалась в сумочке, что-то искала.

– Бабушка, что ты ищешь?

Марфа Васильевна глянула и отвернулась. Цепкие пальчики, совсем не старушечьи, молодые, уверенные, рылись в сумке из итальянской соломки.

– Ба-буш-ка?

– Да.

– Что такое?

– Этот ваш «Бруччи» выпустил коллекцию соломенных сумок. Идиот. Я не могла выбрать приличную и пришлось брать эту.

«Бруччи» – так называлась знаменитая итальянская фирма, выпускавшая одежду и аксессуары, и бабушка, как правило, относилась к ней уважительно.

– Ба-буш-ка!

– Да.

– Что случилось?! При чем тут «Бруччи»?

– Ни при чем, конечно.

– Тогда что?

– Я потеряла но-шпу, – сообщила бабушка и от этого своего сообщения разгневалась еще больше. – Старая дура. Разве нормальный человек может жить без но-шпы?!

– У тебя болит... голова?

– У меня старческий маразм.

– От маразма но-шпа не помогает.

– Но-шпа помогает от всего.

– Бабушка!

– Только человек в маразме может потерять но-шпу!

– Подожди, я тебе дам, – предложила Анфиса. Действовать следовало осторожно, чтобы бабуля не прогневалась еще больше. – У меня она всегда с собой.

– У меня тоже всегда с собой, но в этой гадкой соломенной сумке я ничего не могу найти. А! Вот она! – и бабушка торжествующе выхватила из ридикюля блестящую упаковку. – Клавдия Фемистоклюсовна, дайте мне стакан воды! Простой воды, мне надо запить но-шпу.

– Батюшки-светы! Еще не хватает! Что у вас болит?!

– У меня болит душа, спина и голова. Дайте воды.

– Анфиса, девочка, у нас такое несчастье, такое несчастье!

– Я знаю, Клава.

– Марфа Васильевна, вам надо принять две таблетки сразу.

– Без вас знаю, Клавдия Фемистоклюсовна. Я принимаю этот препарат с тех пор, как он появился.

– А спина?! Что со спиной?! У вас радикулит?

– Возможно.

– Говорила я вам, не надо шастать туда-сюда по сквознякам, нет, понесло вас!.. Анфиса, я обед не готовила, у нас такое несчастье, но есть холодная курица и белые грибы в маринаде. Я сейчас все, все подам! Вот ваша вода и немедленно примите но-шпу.

– Я это и собираюсь сделать. И уже давно бы сделала, между прочим, если бы вы сразу дали мне воды, Клавдия Фемистоклюсовна!

– Я и даю! Анфиса, девочка, что ж это такое?! Сосед-то наш... помер, бедолага! Марфа Васильна утром пирогов ему повезла, а он уж холодный!

Краем глаза Анфиса уловила бабушкино движение и оглянулась. Марфа Васильевна прижимала палец к губам, как бы говоря – тс-с-с.

Значит, Клава ничего не знает об убийстве. Значит, надо помалкивать.

– Что это вы там за сигналы подаете, Марфа Васильна?

– Я слишком стара, чтобы объясняться сигналами, Клавдия Фемистоклюсовна!

– Анфиса, сейчас я подам обед. Марфа Васильна, вы тоже будете обедать!

– Я не хочу.

– Придется! – грозно сказала домработница и уперла руки в боки. – И этого вашего зовите! Целый день на ногах и по делам!

– Я уже здесь. Разрешите мне войти?

– Входите, Юра.

– Мойте руки, – уже из кухни отдавала распоряжения Клавдия, – и будете обедать! И чтоб без разговоров! Юра, а потом мне нужна новая канистра с водой, у меня на дне осталось. Только-только самовар заправить. Так. Почему все стоят? Руки мыть, я сказала!

Анфиса посмотрела на бабушку, которая сидела на краешке дивана – прямая спина, сложенные замочком пальцы, каблучки туфель прижаты друг к другу.

Смотреть на нее было страшно.

– Юра, давайте руки помоем, – и Анфиса потащила его в коридор. Нужно было дать бабушке передохнуть. Она не любила, когда на нее таращились в минуты слабости. – Заодно я вам скажу кое-что.

Они ввалились в ванную одновременно, потому что Анфиса продолжала тащить его за светлый рукав свитера, и догадалась отпустить, только когда они застряли в дверях. Помедлив, Юра шагнул первый, потом зашла Анфиса, закрыла двери и пустила воду.

– Ну что?

– Что?

– С чего вы взяли, что он задушен?

Юра сверху посмотрел на нее. Она так ему нравилась, что нужно было соблюдать крайнюю осторожность.

– У него два дивана. Два старинных гобеленовых дивана. Почти одинаковых. На каждом по три подушки, я сам сто раз видел, когда к нему заходил. В этот раз на одном диване было две, а на другом четыре, понимаете? Кто-то зачем-то брал одну подушку и переложил ее на другой диван. Они разные, хотя очень похожи по расцветке. Кроме того, есть некоторые специфические признаки, по которым можно понять, что это насильственная смерть.

Анфиса сосредоточенно намыливала руки.

– А милиция? Почему она решила, что он умер... естественной смертью?

– Потому что им это удобно.

– Как?!

– Анфиса. – Он задрал рукава свитера и тоже стал намыливать руки. – Из дома ничего не пропало. Дверь не взломана. Мертвый пожилой человек лежит в своей кровати. Как вы думаете, какие выводы должна сделать милиция?!

– Правильные!

– Вот именно. Зачем местному участковому, который один на сто квадратных километров, какой-то дурацкий «глухарь»?! Незачем он ему. В привидения он не верит, хотя ваша бабушка пыталась ему что-то такое о них поведать!

– А он?

Юра пожал плечами.

– Понятно. Но вы почему-то уверены, что его убили?! Только из-за расцветки подушки?!

В зеркале он посмотрел на нее. У него были очень внимательные и настороженные глаза.

– Да. Уверен. И не только из-за расцветки. Думаю, что участковый тоже уверен, но ему неохота портить квартальный отчет. То, что у нас тут завелся маньяк, очень маловероятно. А закрывать дело опасно только в том случае, если здесь начал действовать серийный убийца, понимаете?

– Не очень.

– Если это серия, вернее, начало серии, значит, все будет повторяться. И тогда его придется искать. Если это... случайность, тогда повторяться ничего не будет и искать никого не нужно!

Анфиса вытерла руки, и очень домашним движением пристроила полотенце ему на плечо. Он покосился на полотенце и завернул кран.

– Вы сказали, что не только из-за расцветки. Из-за чего еще?

Он помолчал.

– Я покажу вам, если захотите.

– Захочу.

– Тогда мы пообедаем и сходим.

– Куда?

– В соседский дом. Там... много интересного попало мне на глаза.

– А бабушка знает?

– Марфа Васильна человек очень наблюдательный. Я не знаю, что именно она заметила, но что-то, конечно, заметила.

– Юра, вы должны их охранять! Вы понимаете?! Они... последнее, что у меня осталось. Больше ничего и никого нет. Я не могу их потерять.

– Я тоже не могу, – пробормотал Юра, – и не надо меня уговаривать, я не школьник.

– Юра, Анфиса! – закричали из коридора. – Где вы там застряли?! Утонули, что ли?!

– Мы не утонули! Идем!! – крикнула Анфиса, и ее крик в небольшой комнате с кафельными стенами и плиточным полом отдался от стен, как в склепе. – Еще два слова.

– Да?

– Я вчера мыла здесь руки, и было уже темно. Штору мы никогда не закрываем, все равно эта сторона выходит на лес, – она кивнула на окно. – Там кто-то был, Юра. Там точно кто-то был. Он на меня смотрел.

– Вы видели? – спросил он быстро.

– Я не видела, но я знаю, что там кто-то стоял. И наблюдал за мной.

Тут ей пришла в голову ужасная мысль, что это вполне мог быть Юра. Вот этот самый Юра, что стоит сейчас перед ней, этот самый Юра, которого она просила охранять дом и бабушку с Клавой, этот самый, который обнаружил труп соседа и сказал, что его задушили.

По всем детективным законам самый активный ловец бабочек и есть злодей.

Злодей?!

В конце концов, она ничего про него не знает, кроме того, что старый друг Иван Иванович Калитин счел нужным сообщить. Но что они понимают, эти старики!

Он заметил, что Анфиса вся подобралась и, кажется, понял, в чем дело. Он не собирался ни помогать ей, ни облегчать задачу. Если она считает, что он уколошил соседа и теперь подбирается к ее семье, пусть скажет об этом сама.

Она ничего не сказала. Побоялась?.. Не решилась?..

– Анфиса, иди обедать! Да что вы там застряли, ей-богу!

Не взглянув на него, Анфиса вышла из ванной, и Юрий знал совершенно точно – мысль о том, что он убийца, прочно засела у нее в голове.

В вашей хорошенькой головке так много вздора, миледи!..

Хорошенькая головка, черт побери все на свете!

Когда Анфиса вошла в столовую, бабушка уже качалась в своей качалке – волшебные таблетки сделали свое дело. Клавдия подавала на стол.

– Садись, садись. Юра, вы тоже садитесь. Только пирогов нет, мне пришлось отдать их собаке. Бедный Петр Мартынович, так и не попробовал!.. Анфиса, у тебя нездоровый вид.

– У нас у всех сегодня одинаково нездоровый вид, Клавдия Фемистоклюсовна!

– Надо поесть, и все пройдет, Марфа Васильна!

– А вам бы только есть!

– Когда сердце не на месте, самый лучший способ отвлечься – поесть! Юра, вам ножку или грудку?

– Мне все равно.

– Да как же это все равно?! Что вы больше любите?!

– Больше всего, – вмешалась Марфа Васильевна, – он любит вино и женщин, но мы ему этого предложить не можем. Или можем, Клавдия Фемистоклюсовна?

– Что вы такое говорите, ей-богу, Марфа Васильна!

Есть Анфисе совсем не хотелось, но надо было есть, чтобы не взбаламутить Клавдию еще больше. Она подцепила на вилку скользкий белый гриб, посмотрела на него без всякого воодушевления и отправила в рот.

Ей очень нравилось ходить за грибами в березовую рощу. У нее была брезентовая курточка, резиновые сапоги и специальные джинсы, разношенные и удобные. Она повязывала на голову красный платочек, брала корзину и палку и чувствовала себя барышней-крестьянкой.

Один из ее одноклассников был свято уверен в том, что автор «Повестей Белкина», собственно, и есть этот самый Белкин.

Кто же еще мог написать «Повести Белкина», если не Белкин?!

Она шла, и высокая и мокрая трава хлестала по голенищам сапог, оставляла мелкое зеленое крошево, и пахло землей и разогретыми стволами деревьев, и шмель гудел, облетая радостное соцветие иван-да-марьи, листья шелестели высоко-высоко, и в заросшей тракторной колее обязательно находился крепенький белый грибок с упоительно-кофейной шляпкой. Он никогда не бывал одиноким, рядом всегда торчали его братья и сестры, а под елкой всегдашний сосед – мухомор. И корзинка тяжелела, и Анфиса перекладывала ее с локтя на локоть, и когда белые поднабирались, она возвращалась домой, разморенная жарой и июлем, и на опушке всегда набирала ромашек. Марфа Васильевна любила ромашки, особенно лесные.

Белые в расписной мисочке наверняка были те, летние, и Анфиса вдруг успокоилась немного.

Марфа Васильевна посмотрела на нее, вздернула брови и усмехнулась. У нынешних молодых все написано на лице.

– Итак, что мы должны обсудить прежде всего? – спросила она, достала из портсигара свою вечную сигарету и закурила. Все помалкивали. – Я так полагаю, что загадочную смерть нашего соседа, в первую очередь.

– А я полагаю, что нам надо прежде всего обсудить вопрос вашей с Клавой безопасности, – перебила Анфиса, отлично понимая, что как раз этот вопрос бабушка обсуждать ни за что не станет. – Вам нужно переехать в городскую квартиру.

– Полно вздор молоть! Я не живу в этой квартире сорок лет и сейчас жить не стану.

– Бабушка, здесь может быть опасно!

– Не опасней, чем в твоей дурацкой квартире!

– Бабушка!

– Анфиса, девочка, что это ты выдумала, право слово!.. – Клавдия, которая вечно спорила с бабушкой, кажется, на этот раз была целиком и полностью на ее стороне и слегка из-за этого недоумевала. – Куда же мы поедем?!

– А вдруг у нас маньяк?! Вот и Юра говорит, что это может быть маньяк. Да, Юра?

– Собственно, я ничего такого...

Анфиса упиралась только из упрямства. Оно у них передавалось по женской линии. Так сказать, наследственное упрямство.

Пришел кот Архип, оценил серьезность обстановки, и не стал бухаться на бок, и в кресле не стал разваливаться, а уселся настороженно прямо в центре ковра и бубликом сложил хвост. Уши поставил топориком и прижмурил глаза – делал вид, что ему неинтересно.

– Давайте лучше про другое поговорим, – предложила бабушка и затянулась. – А именно, про Кентервилльское привидение. Петра Мартыновича в последнее время кто-то пугал. Кто и зачем мог его пугать? У кого какие предположения?

Предположений не поступило, и бабушка продолжала:

– Его дом почти ничего не стоит.

– Смотри что имеется в виду! – подала голос Анфиса. – Тысяч тридцать-то наверняка!

– Если с участком, – добавил Юра. Он неторопливо мешал ложкой в чашке – полное спокойствие и невозмутимость, как и полагается джентльмену в дамском обществе.

– Ну, с участком.

– Убивают и за меньшее, – неторопливо продолжал Юра.

– Господи Иисусе, вечный покой, – пробормотала Клавдия, перекрестилась и утерла глаз клетчатым носовым платком, – живая душа...

– А почему мы все так уверены, что его убили? – спросила Анфиса громко. Нельзя позволять Клавдии разойтись как следует, это могло кончиться плохо.

– Во-первых, диванная подушка. Тебе Юра говорил об этом?

– Говорил, но это не самое...

– Во-вторых, когда мы приехали утром, дверь была открыта.

– Ну и что?

– Моя дорогая, я, конечно, стара и слаба, но все же не в полном маразме! Человек, напуганный кем-то или чем-то, ложится спать, забывает запереть входную дверь и ночью умирает во сне?! Это что такое? Я тебе скажу, что это такое!

– Что же?

– Это нонсенс! – торжественно произнесла бабушка. – Полный нонсенс и больше ничего! Если он так боялся, что накануне был не в себе, почему дверь-то не запер?! Он должен был ее на три замка запереть, да еще на щеколду, да еще шкапиком подпереть! А он – здрасти-пожалуйста – при открытой двери разлегся!

– Да, – задумчиво сказала Анфиса. – Это точно.

– И не только дверь, – сказал Юра негромко. – Еще кое-что.

Все повернулись к нему, он быстро взглянул на них и опять стал помешивать в чашке чай.

– У Петра Мартыновича на правой руке был воск.

– Что?!

– Воск. Капельки воска. Как будто капало со свечи. Вы... не заметили, Марфа Васильна?

Бабушка с размаху потушила в пепельнице сигарету:

– А и правда, пресвятой Панкратий! Был у него на руке воск! Был! Я еще подумала, бородавки у него, что ли?!

– Бабушка, что еще за Панкратий?! Откуда ты его взяла?!

Бабушка отмахнулась. Она любила выражаться чуть более витиевато, чем все обыкновенные люди!

– Значит, он куда-то ходил со свечой, но при осмотре места происшествия никакой свечи обнаружено не было!

Зря он сказал про «осмотр места происшествия»! Как-то само получилось, и он не успел проконтролировать себя. Очень привычное, ладное, всегдашнее выражение, удобное, как кобура с пистолетом под мышкой!

Сколько лет он не произносил его – и тут на тебе!.. Осмотр места происшествия!

Анфиса и старая хозяйка заметили, конечно. Он понял, потому что Анфиса быстро взглянула на свою бабуку, а та как-то краем брови дала ей понять, что спрашивать ни о чем не нужно, не время!

Но насколько бывший мент Юрий Латышев знал Анфису Коржикову, она непременно спросит. Обязательно.

Отвечать ему не хотелось. Нечего было отвечать.

– Свечи действительно не было. И свет вчера не отключали.

– На том участке генератор есть, – машинально сказал Юра, все еще раздумывая о том, как он станет объясняться с Анфисой.

– Откуда вы знаете?!

Да. На самом деле. Откуда он знает?!

– А он ломался пару раз, и сосед просил меня посмотреть. Я чинил.

– Экий вы конспиратор, – пробормотала бабушка, – мне так ни разу и не сказал...

– Вы же его недолюбливали, Марфа Васильевна. Стали бы ругаться, зачем я во вражеский лагерь хожу.

Анфиса подумала некоторое время.

– А... как вы на участок попадали, Юра? Неужели вдоль забора обходили?!

Конечно, он не обходил вдоль забора. Она молодец, девчонка!.. Толковая.

Эта мысль доставила ему удовольствие.

– Там лазейка есть, Анфиса. Даже не лазейка, а старая калитка. За погребом.

– За новым или за старым? – уточнила Марфа Васильевна.

«Новый» погреб построили «недавно», лет пятьдесят назад, а старый стоял уже давно, года с девятисотого.

– За старым. Там когда-то сквозной проход был, и, когда заборы меняли, калитку оставили.

– Хотелось бы мне знать, зачем, – пробормотала бабушка, которая всегда подозревала, что через любую лазейку на ее участок непременно полезут злоумышленники.

– Может, как раз на такой случай.

– То есть теоретически, – подхватила Анфиса, – убийца мог проникнуть на участок Петра Мартыновича с нашей стороны?

– Да с его собственной стороны в сто раз удобней, – нетерпеливо сказала бабушка, – что там к нему проникать-то, когда забора путевого нет как нет! Одни дыры. В заборе дыры, зато парников развел!..

Но Анфиса совсем не это имела в виду.

Юра знал, где калитка, соединяющая участки. Юра знал в саду каждое дерево и каждый куст. Юра видел в темноте, как кот Архип, а может, даже и лучше.

Юра сказал – осмотр места происшествия!

– Нет, – снова начала бабушка после непродолжительного молчания, – мы думаем не с той стороны. Что мы вообще знаем про Петра Мартыновича? Кроме того, что он совал мне под нос свое гуано?

Вся компания призадумалась. Архип сдержанно зевнул.

– Я знаю, что он живет тут с тех пор, как купил участок, – продолжала бабушка. – А до этого вроде бы в аксаковской школе преподавал... вы не помните, что он преподавал, Клавдия Фемистоклюсовна?

– Вроде историю, Марфа Васильевна!

– Так и есть. Историю. Пенсионер уже несколько лет. Была сестра, мать, я смутно их помню. Остались племянники, Геннадий Геннадьевич и Владимир Геннадьевич. Всю жизнь

живут в Москве и ничего собой не представляют. Приезжали редко, не каждый год. Ни про каких других родственников я ничего не слыхала. А вы, Клавдия Фемистоклюсовна?

– Так и я ничего, Марфа Васильна!

– Значит, можно считать, что их нет. Похоже, дело не в родственниках.

– Что-то должно было случиться накануне, – вдруг сказал Юра. – Совсем недавно. Только что?

– Почему вы думаете, что накануне, Юра?

– Потому что его жизнь никак не менялась с годами. – Он достал из кармана сигареты, но закуривать не стал, тихонько положил пачку на стол рядом с собой. Бабушка покосилась на пачку. – А это самое привидение, которое его пугало, появилось совсем недавно, три или четыре дня назад. Незадолго до этого что-то должно было произойти. Что-то такое, что вызвало появление этого призрака, так сказать.

– Ну, мы вряд ли сейчас сможем это установить, – заметила Анфиса. – Мы его совсем не знали.

– Пионеры к нему ходили, – вставила Клавдия и деликатно высморкалась в свой грандиозный платок, – он их учил, что ли! Я сколько раз видала – идут!..

– Какие сейчас пионеры, Клава?!

– Да откуда мне знать?! Ребята какие-то из Аксакова! Идут себе и идут. Прошлой осенью меня увидели и давай кричать, – а я яблоки только собрала! – бабка, мол, угости яблочком! Ну, я и дала. А что, думаю, не дать? Не дам, думаю, так они еще, черти, сами за ними ползут! Ну, они набрали яблок в эти рюкзаки свои страшные и дальше пошли. К нему, видно.

– Юра, – распорядилась Анфиса, – нужно выяснить, какие именно пионеры приходили к Петру Мартыновичу и зачем! Наверное, для этого вам придется съездить в школу.

Юра кивнул, как бы признавая за ней право распоряжаться.

– А дверь? – задумчиво спросила Марфа Васильевна сама у себя. – Дверь почему была открыта? Кого он мог впустить и когда? И почему на ночь глядя? Или он впустил днем?

– Нет, не получается, – тоже задумчиво сказал Юра, – если днем, то как он оказался в постели? Да еще в пижаме?! Вряд ли он пустил кого-то на ночлег. Как правило, у него никого никогда не бывало, если мы... не ошибаемся. Если он, допустим, встал и открыл дверь, то вряд ли его удалось бы так просто задушить. Если человек не спит, он должен сопротивляться, когда его душат, правильно я понимаю?

– Ну, если только он не мечтает, чтобы его задушили, – невозмутимо заявила Марфа Васильевна. – Клавдия Фемистоклюсовна, поставили бы вы чаю, право слово! Самовар совсем холодный!

– Конечно, поставлю. Господи, и печенье! Я же печенье испекла! Что ж вы молчите, Марфа Васильна, если вы этим печеньем всю плешь мне проели, когда я пекла-то! Вредно для фигуры, потолстею! Подождите, подождите, ребята, не пейте холодный и без печенья!..

Она подхватила самовар и, громко топая, умчалась на кухню.

Бабушка вытащила из портсигара следующую сигарету.

Анфиса соображала.

– Юра, а во сколько вы вчера выпустили Грегa?

Грег – московская сторожевая со слоновыми лапами и медвежьей башкой – содержался в вольере на той стороне сада, которая была обращена к реке. Выпускать его днем было опасно и незачем, потому что, при всем своем дивном добродушии и повышенной пушистости, он готов был кого угодно на участок пустить, но уж точно никого не выпускал, пока Юра ему не приказывал выпустить.

Однажды, вернувшись из Москвы, он застал на усадьбе небольшую обезумевшую толпу совершенно разных людей. Возглавлял ее Иван Иванович Калитин, заскочивший на полчаса и застрявший до позднего вечера. Почтальонша Курочкина, принесшая с почты кипу журна-

лов, подозрительный тип в холщовых брючках, который притащился вместе с почтальоншей и был пущен на участок по недосмотру Клавдии Фемистоклюсовны. Тип утверждал, что он агитатор кандидата в депутаты Елкина. И непосредственно сам кандидат Елкин, который родства с подозрительным типом не признавал, а к бабушке заехал с нижайшей просьбой выступить перед ветеранами в его пользу. При этом охрана кандидата маялась снаружи и изнемогала от бессилия. Они то пытались подзвать невозмутимого Грегга к забору – а он не шел, конечно, – то заглядывали в щели, которых не было, а один даже пистолет достал – как видно, в ажитации находился.

Юра попросил Грегга всех выпустить, и они моментально выскочили и рассеялись по полю и по своим машинам, у кого они были.

У бабушки «от толпы» под вечер сделались мигрень и слабость, даже могучая но-шпа помогла не сразу, и с тех пор Юра выпускал собаку, только когда твердо знал, что никто уже не нагрянет, зато сам он точно остается на участке.

– Как всегда. После часа, наверное. Я вышел покурить и выпустил его.

– А Петр Мартынович когда умер? Никто не говорил, врачи или милиция?

– Говорили, конечно. Часов около трех утра.

– То есть Грегг уже был спущен.

– Конечно. А какое это имеет значение?

С точки зрения Анфисы, это имело очень большое значение.

Значит, так. Капли воска на руке покойного соседа, в доме никаких свечей, и свет вчера не отключали.

Собаку выпустили около часа, а убийство произошло в районе трех. Дверь оказалась открытой, и никаких следов взлома или борьбы.

Убийца был или свой в доску, да еще такой, которого напуганный старик легко оставил ночевать, или у преступника были ключи.

Или – третий вариант, самый невероятный! – он вошел не в дверь.

Он вошел не в дверь, зато именно в дверь вышел.

– Бабушка, – сказала Анфиса, – мне нужно туда сходить. К Петру Мартыновичу. Завтра будет уже поздно, потому что могут нагрянуть какие-нибудь родственники, а мне надо все осмотреть до них.

– Дорогая моя, это ужасные глупости.

– Это не глупости. Нужно действовать по горячим следам.

– Нужно в милицию звонить! – крикнула из кухни Клавдия. – А не таскаться по чужим домам, приключений искать!

– Юра, мы можем туда сходить? Только прямо сейчас. Не завтра!

– Конечно, почему нет? Там, правда, все заперто, но я думаю, что мы сумеем это обойти.

Если он сумеет обойти запертые двери сейчас, стремительно подумала Анфиса, почему он не мог обойти их вчера ночью? Или позавчера, когда по дому Петра Мартыновича разгуливал привидение?

Может, сосед был подпольный миллионер Корейко, а Юра Латышев – его законный сын?!

– Юра, что за глупости?! Куда вы ее тащите?! Марфа Васильна, ну скажите вы им! Глупости какие!

– Анфиса, Клавдия Фемистоклюсовна совершенно права.

– Бабушка, – прикрикнула Анфиса, – если нам не удастся ничего выяснить, тебе придется уехать в город, поняла? Я от тебя не отстану, ты меня знаешь!

– Тогда расскажи мне, что ты придумала.

– Я пока ничего не придумала, мне надо все проверить.

– Юра, вы уверены, что это не опасно?

– Да что такое вы выдумали, Марфа Васильна?! Куда вы ее провожаете, а? Я ни за что не пушу, на пороге лягу и не пушу, пусть силой меня оттаскивают, пусть мне хуже будет...

– Клавдия Фемистоклюсовна, успокойтесь. Что еще за симфонии, право слово!..

– Да потому что ребенка хотите угробить, вот и симфонии!

– Клавдия Фемистоклюсовна, не волнуйтесь, – вмешался Юра, – сегодня там не опасней, чем у нас на участке. Я говорю совершенно точно.

Он понятия не имел, что именно Анфиса Коржикова собирается там проверять, но пойти с ней в пустой дом «с убийством» означало некое романтическое приключение, а ему вдруг очень захотелось... приключения.

У него не было никаких приключений – романтических и не романтических! – уже много лет, а Анфиса словно создана специально для них. Кроме того, она ему очень нравилась.

Он понял, что она ему нравится, уже давно, но сегодня, когда она сидела в машине, а он стоял, наклонившись к окну, и ее руки в перчатках были очень близко, можно потрогать, а на лице – отчаяние, Анфиса вдруг показалась ему... своей. Такой своей, что он чуть было не погладил ее по голове.

Какие немыслимые глупости.

Как назывался фильм, который он смотрел однажды вечером, лежа на диване в «домике охранника» и потягивая скверное пиво?

«Сестра его дворецкого», кажется?

Этот фильм называется «Внучка его хозяйки», и лучше его *никогда* не смотреть.

Никакое пиво не поможет.

Но именно потому, что делать этого не следует, он точно знал, что *непрерывно* это сделает. Пойдет с ней в засаду, и станет слушать ее логические рассуждения, и рассеивать ее страхи, и вместе с ней «расследовать убийство», выслеживать «кошмарного преступника», как выразилась бы Клавдия Фемистоклюсовна.

Он не очень хорошо пока понимал, что именно она придумала и при чем тут собака Грег – а должен был бы понимать! – но дух и желание приключения были главнее всех доводов рассудка.

Бывший мент Юра Латышев никогда не верил в то, что «чудеса существуют на свете». В «волшебство лунной ночи за окнами» ему тоже верилось не особенно, как-то никогда у него не складывалось ни с каким таким волшебством. Всегда все было наоборот – прозаично и просто, очень приземленно.

Скорее он верил в «обратное» волшебство, не имеющее ничего общего с «прямым». В этом «обратном» все было ясно и просто – когда ему нравилась медемуазель, он предпринимал все, что следует в таких случаях. Букетик, кафешка, кино. Ну еще раз букетик, кино, кафешка. После этого все становилось ясно – будет «продолжение» или не будет.

«Продолжение» всегда состояло в одном и том же: чужой диван, чужое белье, запах, тоже чужой. Некие совместные усилия, чтобы отведенное на «утехи» время не пропало даром. Чаше всего оно все-таки пропадало, поэтому и связи все были как будто одна-единственная связь – серость морока, секс кое-как, ни шатко ни валко, и ни какого волшебства.

Ни прямого. Ни обратного.

– Все-таки я предпочла бы, чтобы ты мне сказала, что именно ты собираешься там искать, – сухо отчеканила Марфа Васильевна. – В конце концов, *на самом деле* мы ничего не знаем про нашего соседа, и что бы ты там ни нашла, это не может служить уликой. Если, конечно, – и тут она посмотрела на Юру и Анфису очень строго, – никто из вас тайно не навещал его или не был свидетелем преступления.

Они поклялись, что не были, и Анфиса помчалась в свою комнату переодеваться, а Юра вышел на крыльцо, спиной чувствуя взгляд домработницы. Надо будет потом проверить, не образовалась ли в свитере дыра. Вполне могла образоваться.

Он постоял, глядя в стремительно темнеющее небо, на котором по-весеннему четко проступали черные ветви деревьев. Дверь позади него скрипнула, и на пороге показался Архип. Он вышел, огляделся, подергал боком – только кошки умеют так дергать боком, что становится совершенно ясно: ожидания не оправдались, и картина, открывшаяся взору, вовсе не та, которая должна была открыться, – неслышно прошел вперед и стал рядом с Юрой.

– Ну что? – спросил Юра негромко. – Прогуляешься?

Архип еще подергал боком и сказал, что подумает, пожалуй.

– Думай быстрее. Если не хочешь прогуливаться вместе с Грегом.

Архип подумал и сказал, что, пожалуй, не хочет. То есть, добавил он, конечно, никто не боится этого дурацкого Грегга, но гулять с ним вместе радости мало.

– Тогда давай.

Архип никогда не «давал», когда говорили «давай», поэтому демонстративно уселся на верхнюю ступеньку и еще лапочками переступил, устраиваясь.

Юра вздохнул и закурил. Ну вот. Даже коты его не слушаются.

Хрустнула ветка, и Архип моментально поставил уши топориком, а Юра повернулся в ту сторону, где хрустнуло.

Никого там не было и быть не могло – он знал это совершенно точно, – но холодное чувство незащищенности вдруг окатило его с головы до ног, как из ведра.

Безобидного пожилого мужика, жившего по соседству, хладнокровно убили.

Несколько дней назад на опушке Клавдия повстречалась с утопленником.

Анфиса видела кого-то в саду.

Ветка хрустнула в ту минуту, когда он вышел на крыльцо, словно кто-то быстро подался назад, в кустистые сумерки, стремясь остаться незамеченным.

Бывший мент Юра Латышев, по старой привычке чувствовавший опасность так же остро, как тепло или холод, весь подобрался.

Опасность была где-то рядом, в сию секунду он знал это совершенно точно.

И сейчас она подобралась очень близко.

Илья Решетников выпил полбанки кофе и съел все привезенные бывшей женой яблоки, когда выяснилось, что на часах уже полдвенадцатого и хорошо бы поехать домой и поспать немного.

Его рабочий день начинался очень рано – он приезжал на работу к семи, потому что его водителям было недосуг ждать, когда начальник выспится. Он давным-давно мог бы переложить часть своих утренних обязанностей на заместителя – и не хотел этого. Ему нравилось контролировать в конторе каждый шаг и вздох, каждую отъезжающую машину и каждого водителя. Кроме того, он был уверен, что с «профессиональным менеджером» Димой его мужикам будет неловко – как ему самому неловко с ним – и работу они сделают плохо.

Этого Илья Решетников допустить никак не мог. Работа была главной составляющей его жизни, а заместитель Дима – не главной.

Когда-то он даже приревновал его к своей жене, и ревновал долго и мучительно, а потом перестал. Как-то в одночасье перестал, в один день. Ему стало все равно – наверное, когда выяснилось, что его жена в силу своей исключительной «тонкости» решительно не может с ним ладить, потому что он «мужлан и деревенщина», о чем ей не раз говорила ее многоопытная мама, а она ее не слушала и поняла это только теперь, когда «уже поздно».

– Разводиться никому не рано и никогда не поздно, – объявил он тогда, и они развелись.

Некоторое время он тягостно недоумевал, как это вышло – у него были «идеалы», и он все стремился к ним, все прилаживался «создать семью», и ему даже показалось, что создал, в том смысле, что получил фиолетовый штамп в паспорте и жену-красавицу. Поначалу он даже планировал, какой у него будет дом с лужайкой, а на лужайке чтоб непременно фонтан, а на доме чтоб затейливый фонарик. И еще дети – две или даже три штуки, он считал детей исклю-

чительно на штуки. Два мальчика и одна девочка, так примерно. С мальчиками он будет ездить на рыбалку под Астрахань и на Селигер, а девочку водить за ручку и вызывать восторг окружающих.

В процессе всех этих мечтаний выяснилось, что жена его никаких детей не хочет – ни одного, даже если считать в штуках. К жизни за городом она относилась без всякого энтузиазма и считала, что хорошо только на Рублевке, которая Илье решительно не подходила. Он никогда не понимал, почему должен платить за чашку кофе шестьсот рублей, если он точно знает, что в приличном ресторане она стоит шестьдесят. Не то чтобы у него не было шестисот рублей, но он не любил, когда его «держат за дурака». В теннис он не играл, с гольфом тоже были большие проблемы, и учиться гарцевать на лошади он вроде бы не собирался. Таким образом, ничего из принятых в данном конкретном социальном слое развлечений его не увлекало, а жить на Рублевке ради Рублевки, тащиться каждое утро по двухполосной петляющей дорожке в веренице таких же изнемогающих от утренней пробочной тягомотины бедолаг на супердорогих машинах, более всего на свете обеспокоенных своим статусом, – такая перспектива никогда его не радовала. Про все остальные загородные поселки его жена говорила, что они «для плееев», и жить в них ни за что не соглашалась.

Кроме загородных поселков, было еще много всего, мелкого и покрупнее, что привело к тому, что под первым фиолетовым штампом о браке появился второй фиолетовый штамп – о разводе.

Илья Решетников никогда ни о чем не сожалел в силу своей крайней толстокожести, и о разводе не жалел тоже, но о том, что ему так и не удалось «создать семью», пожалуй, сожалел.

Но затея не удалась. За попытку спасибо.

Он встал из-за стола, с тоской посмотрел по сторонам, примериваясь, чего бы еще съесть, но на глаза ничего не попадалось. Только сахар остался в сахарнице, и он даже насыпал его в ладошку и отправил в рот, но есть от этого не расхотелось. Ладонь от сахарного песка стала липкой, и он вытер ее о брюки.

Он выключил свет, от которого слезились глаза. Покурить, что ли?..

От курева было погано во рту и противно в желудке, но он закурил и стал глядеть в окно. Окно было грязным, как все окна в центре Москвы, если только не мыть их каждый день, кроме того, забрано решеткой, так что смотреть было совсем неудобно, но он все равно смотрел, вытягивая шею.

Внизу был тесный московский двор, залитый синим электрическим светом, имевшим почему-то химический оттенок. Под этим светом смиренно стояли большегрузные машины, завтра рано утром отправлявшиеся в поездки. Как правило, грузовики уезжали с основной базы на Дмитровском шоссе, а отсюда, из центра, только за границу.

Илья завел такое правило – отправляя машины за кордон, он сам в последний раз всегда просматривал все бумаги. Это было глупо и не нужно, и просматривая их, он неизменно чувствовал себя перестраховщиком, и водители смотрели на него жалостливо, как деревенские бабы на Алешу-дурачка, но что было делать?! Когда-то он попробовал это правило отменить, и один раз машину задержали на украинской таможне, а другой раз он всю неделю не спал, маялся, думал, все ли в порядке.

После этого, плюнув на все, он решил, что будет работать так, как ему удобно, что бы там ни говорили окружающие.

Крыши фур сверху были похожи почему-то на шоколадные пластинки в разноцветной фольге.

При мысли о шоколаде есть захотелось еще больше.

Завтра рано утром, еще до пробок, они разъедутся кто куда, и Илья Решетников станет ждать их возвращения и надеяться на то, что все рейсы обойдутся без происшествий.

Должно быть, к ночи он стал сентиментальным. Он курил, морщился, недоумевал, зачем курит, но все-таки курил и смотрел вниз. И очень гордился собой.

У него «бизнес», дело, которое ему подходит, он не ворует у пенсионеров деньги, управляя пенсионными фондами, и не качает из земли газ. Он занимается перевозками – чинно и благородно. У него везде свои – в мэрии, в управе, в ГАИ, – со всеми он ладит и ловко обходит острые углы и подводные камни. Он не получил в наследство миллионного состояния, и за границей не обучался, и – что поделывать! – иногда даже путает ударения и окончания, но он смог!.. Он придумал себе дело, да еще такое, которое ему нравится, такое, при котором не надо убивать и грабить, а по нынешним временам это уже большое достижение! Ему нравятся грузовики, похожие сверху на шоколадные плитки, огромные, неповоротливые, тяжелые, и ему нравится думать, что завтра они поедут в сторону западной границы, повезут свои грузы, и вернуться, и поедут опять!

Иногда он ездил за рулем сам – когда не хватало водителей, или случался какой-то форс-мажор, и это ему тоже очень нравилось, хотя бывшая жена каждый раз, когда он «уходил в рейс», начинала биться в истерику и кричать, что она выходила замуж не «за шофера» и если узнает кто-нибудь из знакомых или родители!..

Но он любил дорогу.

Он был маленький, часто болел – опухали железки и приходилось жить с колючим платком на шее. Это называлось «водочный компресс» – под платок еще подкладывали желтую от стирок марлю и кальку, которая ломалась и царапалась. Мать работала в конструкторском бюро, приносила кальку оттуда. Водка ужасно воняла. Ему, маленькому, так казалось, он еще не умел ее пить и получать от этого удовольствие.

Они жили тогда на Севере – мать увезла семью на заработки, но из этой затеи, как и из его последующего «создания семьи», ничего не вышло. Отец как раз пил и получал от этого удовольствие. Собственно, только от этого он удовольствие и получал. В доме было холодно, на окнах намерзали толстые шубы, ничего не разглядеть, что там, на воле. Он был маленький, компресс душил его, под ним подлю и невыносимо чесалось, а ковыряться, чтобы почесать, не разрешалось – платок держался плохо, мог развязаться. Он подтаскивал табуретку к окну, вставал на колени и пальцем протаивал кружочек, чтобы можно было смотреть. Кружок быстро затягивало тонкой морозной пленкой, и он опять протаивал.

Под окном шли машины, тяжелые строительные грузовики. Мутный от мороза свет фар возникал из-за поворота, секунду бил в глаза, так что приходилось зажмуриваться, грузовик грохотал под стеной, очень близко, и пропадал за следующим поворотом. Ему казалось, что там, где едут грузовики, есть настоящая жизнь – веселая, трудная, без колкого компресса на шее, без распухших железок, без отчаянного ожидания матери с работы. Ему очень хотелось туда, на дорогу.

Он бы тоже работал. У него был бы овчинный тулуп нараспашку, красное от мороза и ветра лицо, теплая кабина, маленький домик на колесах, с вырезанным из журнала портретом пляжной красотки на передней панели. Ему тогда казалось, что портрет красотки – это такой непередаваемый шик. И он поедет по раскатанной ледяной дороге, и будет сигналить встречным грузовикам, по-взрослому курить «Беломор» и обедать в придорожной столовой.

Ему очень нравилось обедать в столовой. Мать иногда его туда водила.

А по вечерам она читала ему книжку. Почему-то все время одну и ту же, или он просто так запомнил?..

Книжка была про Ходжу Насреддина, и там, в этой книжке, было столько юга, солнца, жары!.. Еще там были ароматные абрикосы, которые поедал серый ишак, горные озера, чистые, как слеза, графитовые горы, восточные базары и Большая Дорога.

Ах, как живо она ему представлялась, эта Большая Дорога, по которой выступали караваны белоснежных верблюдов, ведомых бороатым караванщиком, перевозивших афганские

благовония, канибадамскую кожу и кайруанские ковры! Еще там гарцевали арабские и текинские скакуны, горячие и быстрые, как ветер пустыни. И тащился тот самый серый ишак, что от души поедал абрикосы, и на нем ехал Ходжа Насреддин и во все горло распевал прекрасную песню.

С тех пор он полюбил дороги, и когда семья вернулась в подмосковное Сафоново, где Илья заканчивал школу, он все тоже смотрел на дорогу, все мечтал о путешествиях. И потом, ему нравилось, что вся его жизнь связана с дорогой, и нисколько он не считал плебейством отсидеть трое суток за рулем – Большая Дорога, прекрасная песня, тяжелая машина, чего еще желать!..

Кажется, дождь пошел, потому что пейзаж за окном стал как-то расплываться и потек мутными каплями по стеклу, или опять в глазах потемнело, что ли?

Он ткнул сигарету в пепельницу и обеими руками взялся за голову и с силой сжал, чтобы она затрещала, как переспевший арбуз. Ему надоели эта постоянная головная боль и пограничное состояние, которое он про себя называл «закатывание глаз». Он все время жил будто под угрозой, что ему вот-вот станет плохо, его «поведет», в глазах потемнеет. Еще его бесило, что он не может контролировать это состояние, не может сказать себе «стоп», и самоуговоры не помогают.

Ты здоровый молодой мужик, говорил он себе, прекрати сейчас же!.. У тебя просто истерика, вздохни поглубже и... и...

Ни в какое отравление он, конечно, не поверил.

Кому он нужен?! За что его травить!?

Да и способ какой-то... как бы это выразиться... женский, а в его окружении решительно не было никаких женщин, которым хотелось бы таким способом с ним покончить.

Бывшая жена? Он давал ей деньги и считал, что этого достаточно, и вот вопрос – где она станет брать деньги, если Илья перестанет давать? По причине смерти, к примеру?

Любовницы? В его жизненном штатном расписании не было такой постоянно действующей единицы. Они появлялись и пропадали, и находились следующие.

Однажды он месяца полтора проваландался с кассиршей из супермаркета. Она была хорошенькая, «розовенькая», как он для себя формулировал, очень любила подарки, курила дешевые сигареты и считала себя шикарной женщиной. Очень быстро она поняла, что мужик на дорогой машине – это ее шанс, выигрышный лотерейный билет, и глупо, получив его, не воспользоваться выигрышем. Пришлось ее быстро бросить, и в супермаркет с тех пор он посылал водителя Гену, сам не ходил.

Потом была какая-то студентка, чуть-чуть получше розовенькой кассирши, но тоже так себе, не особенно. Она была образованной, то есть однажды прочитала опус Паоло Коэльо и с тех самых пор знала о жизни все. Она наивно ухаживала за ним, когда он несколько раз приезжал «в гости», то есть переночевать, заваривала слабый чай, который он терпеть не мог, занимала его умными разговорами. С разговорами как раз тоже вышла проблема, потому что очень умной была его жена, очень умной, хорошо воспитанной, во всех отношениях «тонкой», и он этой «тонкости» объелся на всю оставшуюся жизнь.

Так что, по здравом размышлении, травить его, да еще таким затяжным, иезуитским способом, нет никакого смысла.

Но кто-то же травил!..

Может, та, из аптеки, и разберется, подумал он, рассматривая мутные капли на стекле. Алиса? Анфиса, кажется.

Его немножко приободрило, что капли были вполне настоящими, ничего ему не показалось, и ни при чем тут шум в голове и темнота в глазах. Просто дождь пошел.

Зато он точно знал, как зовут вторую. Ту, из аптеки.

Ее зовут Наталья. У нее кудрявые волосы, полные руки и шикарный бюст. И пахла она хорошо, какими-то легкими духами, не сладкими и не навязчивыми. Она выглядела и пахла так, что ему хотелось ее нюхать и мять, и это был тревожный симптом.

Когда хочется нюхать и мять женщину после пятиминутного знакомства – это, скорее всего, означает, что следует быстро бежать от нее в любом, свободно выбранном, направлении.

Вспомнив о ней, он улыбнулся. Она не была похожа ни на одну из его студенток или продавщиц, и он решил, что непременно сделает еще одну попытку. В смысле, любви до гроба.

Самое смешное, что он на самом деле в это верил – в то, что все возможно. Дети, затейливый фонарик, большая собака, просторный участок за кованой решеткой, удобная постель, воскресное утро, когда за окнами дождь, старые яблони в осеннем тумане, и голоса отдаются, как будто издалека. Он верил в это и хотел этого, но никогда не знал, как этого достичь. Не получалось у него достичь.

От дыхания стекло запотело, Илья зевнул, от чего оно запотело еще больше, и протер его ладонью.

Надо ехать домой.

Хорошо хоть, живет рядом, на Покровском бульваре. Впрочем, это «рядом» по вечерам превращается в часовые страдания в пробке на Садовом кольце, продолжительные страдания на Маросейке и на бульварах. В декабре, когда всех несет за подарками и на вечеринки, он однажды поставил личный рекорд. Он одолел Солянку за два с половиной часа. Из чувства протеста, пока машины не двигались с места, он сходил в магазин и купил себе джинсы. Вернулся – все стояло, как было. Еще через час очередь добралась до аптеки. Он сходил и купил себе презервативов. Ну а потом уж до булочной. Он купил булку, быстро ее съел, и дальше все поехало с третьей космической скоростью, примерно километров двадцать в час.

Надо ехать домой.

Утром ему отправлять машины. Сверху он еще раз посмотрел на гладкие, блестящие от дождя тенты и вдруг насторожился.

Химический свет фонаря заливал весь двор, только в дальнем углу, за фурами, было темно, и именно в тот темный угол по двору шел человек. Он не слишком спешил, длинная тень, похожая на комара из-за бесконечных сломанных посередине ног, ползла по крашенной в желтое стене соседнего дома.

– Стой! – неизвестно зачем сказал Илья Решетников. – Стой!!

Человек продолжал ходить.

Никто не должен идти по двору – на ночь охранник запирает ворота и калитку и укладывался спать в каптерке, – но кто-то шел, и явно не охранник. У того была форменная куртка. Илья Сергеевич заставлял их носить такие, похожие на ментовские, но человек был без куртки, одетый во все темное.

То, как он шел – совершенно спокойно! – взбесило Илью больше всего. Это была его личная территория, его частная собственность, его Большая Дорога, дело его жизни, черт возьми, и никто не имеет права разгуливать здесь!

Изо всех сил он рванул створку окна и не открыл – рамы были выкрашены осенью и, видно, залипли, да еще заклеены, но шум сверху, похоже, насторожил шедшего, потому что он вдруг замер посреди двора и прислушался.

Илья тоже замер за стеклом, понимая, что человек не может его увидеть, но невесть откуда взявшийся страх вдруг накатил, прижал его, заставил затаиться.

Страх? Какой еще страх, черт возьми?!

Опрокинув что-то на столе и налетая в темноте на мебель, Илья рванулся к двери, распахнул ее – в приемной горел свет – и выскочил на лестничную площадку. Грохот каблуков отдавался от стен. Он скатился вниз, в неудобную прихожую, где стояли два разномастных стула

и пахло сырой штукатуркой и застарелыми бычками, и, пошарив рукой, сорвал со стены огнетушитель.

Больше ничего не было у него под рукой, чтобы защитить свою неприкосновенную частную собственность и Большую Дорогу.

Он пинком распахнул дверь, так что она ахнула, ударилась о стену и отскочила обратно, чуть не стукнув его по лбу.

Во дворе никого не было – только залитое электрическим светом асфальтовое пространство, на котором стояли грузовики. Сыпал мелкий дождь, наливший небольшие лужи. И вообще отсюда все выглядело совсем не так, как сверху.

– Кто тут есть, выходи! – заорал Илья Решетников и стукнул огнетушителем по металлической решетке. Вышел ужасный шум, отдавшийся в стенах тесного московского двора, как в колодце. – Выходи, твою мать!..

Никто ниоткуда не вышел, но он точно знал, что здесь кто-то есть, спрятался, затаился, обливается потом от страха. Илье казалось даже, что он слышит, как тот дышит в темноте.

– Выходи, кому сказал, ну!!

И он снова грохнул огнетушителем.

Человеку некуда было уйти – шлагбаум с каптеркой, в которой спал мертвым сном бдительный охранник, были за спиной у Ильи Решетникова, а через забор не перелезть.

Он попался, как в капкан, и Илья сейчас возьмет его.

Свет падал только на середину асфальтовой площадки, а за фурами начиналась непроглядная весенняя темень, и лезть туда не было никакой возможности, а человек затаился именно там, Илья был в этом абсолютно уверен.

– Мать твою! Выходи!.. Выволоку, убью!.. Выходи сам, ну!..

Но никто не выходил, и он понял, что должен сделать.

Он поставил огнетушитель на асфальт, не поворачиваясь спиной к темноте, боком пробежал несколько шагов и оказался у своей машины.

Ключи! Ключи должны быть в кармане! Он бешено зашарил по карманам, нашел, выхватил их и нажал кнопку на брелоке. Фары мигнули, и открылись двери, он сунулся внутрь и с первого раза попал ключом в замок зажигания. Мотор заурчал, и этот замечательный, привычный, всегдашний рык немного привел Илью в чувство. Он дернул рычаг, включил дальний свет, заливший все пространство, как кипятком, и посмотрел.

Машина стояла так, что фары светили немного в угол, а ему надо было, чтобы на фуры, и он вскочил в салон, не закрывая двери, сдал назад и вырулил прямо к грузовикам.

Он найдет *того*. Он загнал врага в ловушку, ему некуда деваться от этого ослепительного света и от Ильи!..

Илья уже почти выбрался из машины, уже поставил ногу на асфальт, он ни о чем не думал, только о том, что засек лазутчика и сейчас возьмет его!..

В глазах потемнело так стремительно, как будто кто-то с силой ударил его по голове. В поле зрения у него почему-то остались собственные пальцы, ползущие по обшивке двери и словно оставлявшие кровавый след, а потом и они исчезли.

Он упал вперед, уткнулся головой в руль и больше не шевелился.

Хлопнула пассажирская дверь, и опять все замерло.

Человек, притаившийся за фурами, ждал очень долго. Он не мог уйти, не сделав свое дело, и не мог выглянуть, чтобы посмотреть, что происходит, потому что боялся выдать себя.

Сидеть ему было неудобно, ноги затекли и болели, ныла спина и было страшно, что сумасшедший мужик все-таки вытащит его из укрытия. Человек почти не дышал, лишь иногда тоненько и почти неслышно скулил от страха и боли в сведенных ногах.

Ему хотелось бежать, спастись, но было еще нельзя, все еще нельзя, и он заставлял себя ждать, ждать, ждать, и ему стало очень жалко себя.

Потом он выбрался из укрытия. Идти было трудно, потому что ноги не держали его, и, скуля и перебирая руками по грязным бортам фуры, он выбрался на освещенную площадку. Свет бил прямо в глаза, и человек щурился, силясь разглядеть, что там, за светом.

Там стояла машина, двигатель в ней работал и, кажется, кто-то сидел.

Ужас, которому не было названия, обжег так, что стало нечем дышать.

Все. Это конец. Его схватят и... и...

Из машины никто не выходил. Человек помедлил, а потом осторожно приблизился. В машине сидели двое. Один, кажется, спал, уткнувшись головой в руль.

Второй тоже был неподвижен.

Человек сделал еще шаг, готовый ринуться в сторону и бежать, пока не кончатся силы, но ничего не происходило.

И тут он увидел.

В боку второго, кажется, с той стороны, где сердце, торчал нож. В свете фонарей была отлично видна полированная пластмассовая ручка с длинной загогулиной.

Хуже всего оказалось то, что человек, выбравшийся из-за фуры, отлично знал этот нож.

Медленно, как в кино, человек поднял руку в грязной перчатке и зажал себе рот.

– Тише, Юра, ну что вы топаете, как слон?!

– Я стараюсь.

– Вы топаете.

– Просто я тяжелый.

Она оглянулась на него и посмотрела сердито.

Она была похожа на Одри Хепберн из старого фильма, хотя он ни за что не смог бы объяснить, что именно похоже. Глаза?.. Волосы?..

Ему очень не нравилось, что она так похожа, и, чтобы прогнать Одри, он сказал громко:

– А почему мы шепчем? Мы надеемся здесь кого-то застать?

Она зашикала на него, и он послушно замолчал.

В доме соседа было тихо и тревожно, как будто дом знал, что случилось нечто страшное, прислушивался к звукам, не спал.

Бедный дом, подумал Юра Латышев. Скоро здесь все изменится, и ничего и никогда не вернется.

Неизвестно почему, он всегда испытывал нежность к старикам и старым домам.

– А свет? – все тем же театральным шепотом спросила Анфиса. – Вы думаете, мы можем зажечь свет?

– Я бы не советовал, – сказал он быстро, вспомнив хрустнувшую в саду ветку. – У меня есть фонарь, я могу посветить, если вы скажете куда.

– Пока никуда не надо, – отозвалась она сердито. – А откуда вы знали, что в кухне можно влезть в окно?

Они влезли в соседский дом через форточку. То есть первым влез Юра и открыл Анфисе окно. Ей даже вспоминать было страшно, что она испытывала, когда лезла в чужой дом, где произошло убийство, через форточку.

Юре не хотелось объяснять, но он знал, что все равно придется.

– А я уже лазил, – прошептал он и улыбнулся в темноте, представив, какое у нее теперь, должно быть, выражение лица. – В прошлом году. Вы не пугайтесь, Анфиса.

– Да я и не пугаюсь, с чего вы взяли, что я...

– Чш-ш-ш. Меня сосед тогда попросил, Петр Мартынович. Он дверь захлопнул, а ключи забыл. И он же мне сказал, что влезть можно только в кухне, через форточку. Там грузовик

впору протащить, не то что человека!.. Я влез, открыл ему, и он мне потом сказал, что теперь всегда форточку будет на задвижку запирасть.

Кажется, соседу тогда не понравилось, что Юрий так легко и просто забрался в его дом. С одной стороны, он был ему благодарен, конечно, что не пришлось тащиться в Аксаково, искать там местного умельца дядю Жору с его набором инструментов и ругательств времен Первой мировой войны. А с другой стороны, Юра тоже не вызывал у Петра Мартыновича никакого доверия. Кроме того, Юра был... как бы это сказать... перебежчиком из чужого, враждебного лагеря, где не признавали гуано и не сажали помидоров, а барствовали на лужайке!

– Так если она все время была открыта... – начала Анфиса и прикусила язык. Ей не хотелось до времени посвящать Юру в свои догадки, он бы счел их смехотворными, или, что еще хуже, он мог оказаться замешанным во все это.

Анфисе не хотелось, чтобы он оказался замешанным. Не хотелось, разумеется, из соображений бабушкиной безопасности, из-за чего же еще!..

– Что? – спросил Юра. – Если форточка все время была открыта, то что?..

– Ничего.

Он решил, что должен объяснить.

– Анфиса, – зашептал он быстро, – она была не все время открыта. Утром, когда мы приехали и нашли... труп, форточка была закрыта. На задвижку. Я сам ее открыл.

Она обернулась и посмотрела на него. В полутьме старого дома ее глаза казались очень темными, и рот казался очень темным.

Интересно, какова она на вкус?

На вкус и цвет товарищей нет. Добавить липового цвету и настаивать три часа. На каждый роток не накинешь платок.

Нет, это про другое, кажется.

Одри Хепберн!..

– Зачем вы ее открыли?

– Я собирался сюда вернуться.

– Зачем?!

– Чтобы... кое-что посмотреть.

– Что именно?

– Сейчас... в комнате я вам покажу.

«А вдруг он меня убьет?» – стремительно пронеслось в голове. В доме никого нет, и здесь уже было убийство. *Магия места*, которую придумал Петр Вайль совсем по другому поводу, ощущалась повсюду.

Убийственная магия места.

Бабушка знает, что она пошла с Юрой «на дело». Клава тоже знает. Если с ней что-то случится, они позвонят всесильному Ивану Ивановичу, и он приедет, и Юре тогда несдобровать.

Может, имеет смысл сказать ему об этом?..

– Юра, – начала она, чувствуя себя последней идиоткой, – я все понимаю, конечно, но вы должны помнить, что если тут... – она хотела сказать «со мной», но сказала: – ...если тут с нами что-то случится, бабушка позвонит Ивану Ивановичу и...

Юра Латышев вдруг захохотал во все горло.

То они все шептали, а то он вдруг захохотал так, что задрожали старые канделябры на полке и, кажется, даже шторы зашевелились.

– Что вы! Замолчите!

– Так как же? – спросил он и снова засмеялся. – Иван Иванович-то, собственно, мой главный заступник и есть. Это он меня пристроил на работу к вашей бабушке, если вы запамтовали! Сто лет назад!.. А если мы с ним в преступном сговоре?

Анфиса молчала. Он так говорил, что становилось как-то совсем не страшно и понятно, что все ее опасения – чепуха.

Бабушка любила это слово.

«Чепуха!» – говорила она, и казавшееся сложным дело вдруг теряло не то что сложность, но и всякий смысл.

– Мотивы, мотивы, – продолжал Юра, – у нас с Иваном Ивановичем в таком случае должны быть мотивы. Это, между прочим, на первом курсе проходят.

– На первом курсе чего?

На этот вопрос он предпочел не ответить, как никогда не отвечал на вопросы, связанные с ним самим.

– Какие у нас с Иваном Ивановичем могут быть мотивы? Подождите! – прикрикнул он, обнаружив, что она собирается двигаться дальше по коридору. – Давайте выясним наши запутанные отношения.

Волшебство, вдруг вспомнилось ему. Прямое и обратное, как математическая функция. Он еще не разобрался хорошенько, какое именно волшебство было во всем этом, но оно определено было и осуществлялось по своим законам.

– Какие еще отношения, Юра?!

– Мы не можем идти на дело, если не доверяем друг другу, – сказал он совершенно серьезно. – Значит, так. Мотивов для убийства соседа у меня нет. Кроме того, оно мне очень неудобно, потому что оно заботит мою хозяйку, даму во всех отношениях самостоятельную, и я теперь должен воплощать в жизнь ее замыслы, провожать ее внучку на место событий и так далее.

– Могли бы не провожать!

– Это я к тому, что мотивов нет, Анфиса! У Ивана Ивановича вообще никаких нет. Кроме того, он обожает вашу бабушку, вкочет над ней...

– Что он делает?!

– А вы никогда не замечали?

– Нет, я замечала, но...

– И у него тоже проблемы, потому что проблемы вашей бабушки немедленно начинают волновать и его. Странно, что он сегодня не примчался. Видимо, ей удалось все от него утаить, когда он звонил.

О да. Бабушка могла утаить все, что угодно, от кого угодно!

– Если бы я хотел вас ограбить, я мог бы сделать это уже сто или двести раз, и, кроме того, мне не надо было бы вначале убивать соседа, привлекая сюда милицию, «Скорую» и профсоюзы!

– Какие... профсоюзы?

– Успокойтесь, – сказал он сердито, вдруг устав от своего монолога, – я не убийца и к соседу никакого отношения не имею. Все будет хорошо, мы благополучно вернемся домой, обещаю вам.

– Юра, – фальшиво сказала Анфиса, – вовсе ничего такого я не имела в виду!

– Имели, имели! Идемте. Сейчас по коридору направо.

– И что там?..

– Как раз спальня.

– Где он... умер?

Юра промолчал.

Анфиса заправила за ухо короткие волосы. Ей не хотелось туда идти. Все это оказалось намного серьезнее, чем ее обычные «детективные» приключения вроде украденных пятисот рублей и пропавших договоров.

Но не останавливаться же на полдороге! Она пошла «на дело» и доведет его до конца.

Значит, что там было, такого важного?..

Капли воска, открытая дверь и подушка.

К этому только что добавилась кухонная форточка, которая совершенно точно была закрыта, – Юра проверял ее, когда обнаружил мертвого Петра Мартыновича.

Но самое, самое главное – воск. Откуда взялся воск на руке покойного, если он был найден в своей постели как бы умершим во сне, а электричество точно не отключали?!

– Сюда.

Дверь тихонько проскрипела, открываясь. За дверью была лунная комната с темными бревенчатыми дачными стенами, фотографиями в латунных рамках – размытый свет равнодушно скользил по ним и скатывался, не задерживаясь. Раскрытая постель под этим светом казалась неестественной, синей, как остывший труп. За окнами лежал скучный растаявший огорожок – ни одного деревца, только взрытая земля с островками залежавшегося снега.

Беда, беда...

– Юра, дайте мне фонарь.

– У вас в руке фонарь.

Ах ты господи, как же это она забыла! И правда фонарь у нее!

Желтый луч, показавшийся неожиданно ярким, проткнул темноту и уперся в бревенчатую стену.

Там кто-то стоял, наклонив голову, словно приготовившись прыгнуть.

Анфиса вскрикнула и уронила фонарь.

– Ч-черт!..

Он покатился, желтый луч описал широкую дугу и замер за ножкой продавленного кресла. Из кресла прямо в этот луч свисали лоскуты порвавшейся обивки, как внутренности выпотрошенного трупа.

– Анфиса, что случилось?! Вы где?!

– Там... там...

Она показывала рукой туда, где только что кто-то стоял, и Юра быстро посветил в ту сторону.

Там никого не было.

Совсем никого.

Но она же ясно видела, что секунду назад там кто-то стоял! И это явно не было галлюцинацией!

– Что такое?! Что вы там увидели, Анфиса?!

– Там был... человек!

– Там никого не было.

– Там точно кто-то стоял!..

Он поводит фонарем по стене, и луч уперся в старую фотографию. Анфиса схватила Юру за рукав.

– Что это такое?! – с ужасом спросила она.

Он посмотрел на нее, смутно сожалея, что не может посветить ей в лицо.

– Это фотография, Анфиса. Просто фотография. Очень старая. Видите, ретушь?

Анфиса отцепилась от его локтя и подошла поближе. Тени ползали по фотографии, словно портрет гримасничал.

– Господи, как это он такую ужасную фотографию в спальне повесил?

– Может, она ему нравилась?

– Как она может нравиться, если это...

Тут она вдруг замолчала, словно какая-то мысль вдруг пришла ей в голову.

Юра Латышев молчал, давал ей прийти в себя.

– Юр, а что здесь было раньше?

– Раньше – это когда?

– Раньше – до того, как построили этот дом? Он же не такой старый, как наш, да?

– Видимо, нет, не такой.

– Значит, тут что-то должно было быть до него. Что тут было?

Он улыбнулся, и в темноте она услышала, что он улыбнулся.

– Я не знаю, – сказал он весело, – меня тогда здесь не было. Надо у бабушки вашей спросить или у Клавдии.

– Извините. Я забыла, что вы...

«Она забыла, что я никто? Она забыла, что я садовник, телохранитель, водитель и мусорщик, как в одноименном концептуальном кино про возвышенных людей? Она забыла, что это не я вырос в бабушкином доме, а она сама? Она забыла, что я... просто прислуга?»

– Какая странная фотография. Очень странная.

– Почему? Обыкновенная фотография времен Первой мировой войны.

Анфиса взяла у него фонарь, подошла и посветила в упор.

– Юра, – сказала она сердито. – Вы как все, ей-богу! Смотрите и видите только то, что хотите увидеть! Какой еще Первой мировой войны?! Поглядите внимательно!

Он взглянул – просто потому, что она его об этом просила. Что там можно высмотреть и при чем тут фотография?!

Человек на фотографии был в фуражке и шинели, нафабранные усики лихо закручены вверх. Глаза, густо подведенные щедрым ретушером, казались очень яркими на бледном лице. Фон был расплывчатый и какой-то не слишком понятный, не разберешь. Погоны тоже были не очень отчетливые, и Юра Латышев придвинулся поближе, чтобы рассмотреть.

Вот черт побери!..

– Ну что? – спросила Анфиса и покосилась на него. Его подбородок почти лежал у нее на плече. – Увидели?

Он увидел, но... как-то не поверил своим глазам, что ли.

Изображенный на фотографии человек был в фашистской форме.

– А это, часом, не наш сосед, Юра? Может, он служил немцам?

– Нет, – сказал он сердито и сунул нос почти в стекло. – Ее надо отсюда забрать. Посмотреть. Странно...

Он приподнял портрет и заглянул за него. Приподнял еще чуть-чуть и снял с гвоздя. Осталось квадратное темное пятно и несколько колыхающихся, как водоросли, нитей мягкой домашней паутины. Юра еще посмотрел на фотографию и сунул ее за ремень, на спину, как пистолет в кино.

Анфиса проводила фотографию глазами. Юра одернул свитер.

– А почему вы думаете, что это не наш сосед?

– Анфиса, во-первых, если бы он и служил, вряд ли стал этим гордиться и вывешивать себя на стену. Предателей родины нигде не жалуют, а в нашей стране особенно. И потом, ну сколько лет было соседу? Ну, лет шестьдесят пять от силы. Человеку на фотографии... сколько? Сорок пять – сорок восемь. Война кончилась шестьдесят лет назад. Считайте.

Можно было и не считать, на самом деле.

– А вдруг это его отец?

– Немецкий офицер – отец Петра Мартыновича?!

– А может, он разведчик.

– Так, – сказал Юра. – Давайте посмотрим, что вы хотели тут увидеть, и вернемся домой. Мне здесь не нравится.

– Вы боитесь? – томным голосом американской дурочки из кино осведомилась Анфиса.

Она обожала американское кино и никогда не могла взять в толк, откуда в нем берутся такие идиотки – героини?! Зачем сценаристы выдумывают их такими дурочками?!

Если в американском кино действует маньяк, значит, героине непременно приспичит среди ночи прогуливаться по парку, хотя по телевизору и радио день и ночь говорят о кошмарных преступлениях, которые этот самый маньяк уже совершил!

Если в американском кино действует мерзавец, значит, героине взбредет в голову непременно полюбить его чистой любовью, выйти за него замуж, перевести на него все состояние ее папочки и смирно ждать, пока он не подстроит ловушку с целью засадить ее в тюрьму, сумасшедший дом или на электрический стул.

Если в американском кино действует бравый полицейский, который спасает героиню от двух предыдущих категорий негодяев и строгим голосом приказывает ей не покидать укрытия, значит, в разгар перестрелки ее непременно понесет выяснить, отчего это так мяукает кошка. В результате выяснений она непременно попадет в ловушку, ее возьмут в заложницы, будут бить и унижать до тех пор, пока полицейский не спохватится и не вызволит ее – ценой ужасных потерь.

Анфиса искренне считала, что после таких вот «разумных действий» любой разумный мужчина вместо поцелуя наградит любимую пинком под зад, и, собственно, именно этим пинком, а не поцелуем, фильм и должен закончиться.

А что?.. Находка. Финальные титры на фоне женской задницы с отпечатком мужского ботинка – это фурор. Впрочем, вряд ли прогрессивная женская общественность это допустит.

– Я не боюсь, но эта фотография... странная. Нам нужно срочно выяснить, что здесь было до войны.

– Нам нужно срочно выяснить, откуда у него на руке воск и почему дверь была открыта, когда вы приехали с бабушкой! Вот что нам нужно.

– И «пионеры», – не слушая ее, продолжал Юра, – которых видела Клавдия. Что это за ребята и откуда они взялись? Зачем они приходили?

– Ну, если он учитель истории, может, он репетиторством подрабатывал!

– Вот это нам и нужно выяснить.

– Посветите мне! – приказала Анфиса. – Давайте по порядку, одно за другим.

Она подошла к белевшей в темноте кровати, наклонилась и стала рассматривать. Юра вздохнул. Сколько раз все это было в прошлой жизни – осмотр места происшествия, протокол, эксперты!.. Все повторяется на следующем витке, только чуть-чуть по-другому.

Нет, не так. Совсем по-другому.

– Юр, а свет точно нельзя зажечь?

– Лучше пока не зажигать.

– Тогда светите, светите мне!

Он поднял фонарь над ее плечом и нацелил его на постель.

– Что вы хотите здесь увидеть?

– Капли воска. Я хочу понять, есть ли воск на постели.

– Вряд ли он лежал в кровати со свечой в руке.

– Очень смешно, – сердито сказала Анфиса. – А то я без вас не понимаю, что вряд ли!

Только воск откуда-то взялся!

– Он мог быть со свечой в каком-то месте, где нет электричества.

– Вот именно. Где в доме может быть такое место?

– Сарай? – предположил Юра. – Погреб?

– Это не в доме, – отрезала Анфиса. – Он ни за что не стал бы выходить из дому, он был напуган привидением до полусмерти!

– Но мы с Марфой Васильевной встретили его на улице! Помните? После чего ваша бабушка решила, что должна все выяснить и угостить его пирогами.

– Но тогда было светло, – зашептала она в ответ, – а ночью темно! Когда светло, силы зла не действуют! Вы что? Ничего не знаете о привидениях?

– Почти ничего, – покался Юра. – Вам видней.

Анфиса сделала решительное лицо и, как в воду, запустила в постель руки. Переложила одеяла и подушку, осмотрела их со всех сторон. Юра светил.

– Ничего нет, – констатировала она. – Надо искать. И именно в доме. Где в доме может не быть света?

– Например, в ванной?

– Там есть свет!

– Откуда вы знаете? Может, там лампочка перегорела! Надо посмотреть, – предложил разумный и приземленный Юра. Вот кто точно не стал бы целовать бестолковую героиню вза-сос, а по заднице надавал бы! Не выйдет из него романтический герой!

Паровозиком, он впереди, она позади, дошли до ванной. Окна в ней не было, и, протиснувшись в крохотное помещение, они оказались к крошечной темноте, потому что фонарь Юра погасил, да еще очень близко друг к другу.

Одри Хепберн и Питер О'Тул в чуланчике!

Как назывался фильм? Кажется, «Как украсть миллион», и там все было не так, как у них, – весело, красиво и с надеждой на лучшее будущее.

Он раздраженно зашарил по стене – искал выключатель, а Одри Хепберн выразительно сопела рядом.

– Нашел!

Свет коротким ударом хлестнул по глазам и погас.

– Что такое?!

– Все в порядке. Свет есть.

Анфиса ничего не могла рассмотреть. Теперь перед глазами плавали фиолетовые круги с оранжевым ободком по краям. В центре каждого круга была старенькая раковина и водонагревательная колонка над ней. И еще Юрина рука, протянутая к выключателю.

Анфиса все терла глаза.

– Значит, в ванной свет есть, а из дома он не выходил. Юра, пойдемте на кухню.

– Зачем?

– Там должен быть подпол. Не может быть, чтобы у Петра Мартыновича не было подпола!

– А почему вы думаете, что он на кухне?

– Потому что с кухни банки в подпол проще опускать!

И тем не менее подпол был не на кухне. Они последовательно обошли весь дом, поднимая старые домотканые половики и вытертые ковры, прежде чем нашли квадратный вырез в досках, довольно большой.

– Анфиса, помогите мне!

Вдвоем, пристроив фонарь к ножке пузатого буфета, они кое-как приподняли тяжеленную крышку.

– Как же он один его открывал?!

– У него наверняка было какое-нибудь приспособление.

– Какое приспособление?!

– Кочерга или что-то в этом роде.

– Тогда странно, что поблизости ничего нет... такого. Глупо держать кочергу, которой открывается погреб, далеко от него.

– Может, и есть, – пропыхтел Юра, – только мы не знаем где!..

Крышка, сколоченная из половых досок, тяжело скрипнула, отваливаясь к стене, и открылся зев, черный и страшный, гораздо темнее и страшнее, чем окружающая их лунная тьма.

Юра подхватил фонарь – луч полоснул по стенам – и посветил вниз.

Анфиса, сдерживая дыхание, заглянула в погреб.

Оттуда пахло сыростью, гнилым деревом и мокрым кирпичом как будто. Был еще какой-то запах, довольно странный и непривычный, тяжелый.

– Там... кто-то еще умер?

Юра оглянулся на нее и понял, что она не шутит. Анфиса не шутила. Она была напугана.

– Нет. Это... не трупный запах. Это химия какая-то.

– Откуда вы знаете?!

И он сказал:

– Я много лет проработал ментом.

– Вы?!

– Я.

– Как?! Почему?!

– Потому что у меня была такая работа. Думаете откуда Иван Иванович меня взял?..

Кстати, на крышке погребка капель воска нет, вы заметили?

– А почему вы перестали работать ментом?

На этот вопрос он не ответил. Свесив голову, он смотрел вниз, в подпол, водил лучом по ровным рядам банок.

– Здесь закуски на много лет вперед. Если еще и самогончика есть...

– Почему вы ушли из милиции сторожить чужую дачу?

– И грибы! Как вы думаете, если я притащу домой банку с белыми, Клавдия меня убьет на месте или будет долго пытаться?

– Вам в детстве никто не говорил, что воровать нехорошо?

– Так они все равно все пропадут, а мы... под водочку...

– Вас уволили за пьянство?

– Анфиса, – он выпрямился и все-таки посветил ей в лицо, потому что она ему надоела. – Я не хочу об этом говорить. Хотите узнавать – узнавайте. Я вам помогать не буду.

– Вы что, застрелили напарника? Или соседского мальчишку-хулигана? Или вашу жену взяли в заложницы и вы не смогли ее спасти?

– Света там действительно нет, между прочим. И запах странный.

– А если я у Ивана Ивановича спрошу?

– Надо туда спуститься. Держите фонарь.

Анфиса взяла у него фонарь, стала на колени и тоже свесилась головой вниз.

В подполе оказалось просторно и холодно, как бывает только под землей. Воздух был довольно влажный, спертый, и пахло на самом деле какой-то химией.

Ряды банок уходили за горизонт – огурцы, помидоры, перец. Грибы стояли отдельно, на широкой полке, все пронумерованные по годам и месяцам. Петр Мартынович был исключительно аккуратным человеком. Видимо, он даже пыль с них стирал, потому что банки сверкали, как недавно вымытые. Анфиса повела фонарем и обнаружила бутылки, которые стояли на цементном полу. Некоторые были темного стекла, а другие прозрачные. Видимо, голубая мечта бывшего мента Юры Латышева – самогон. На горлышки темных бутылей были надеты воздушные шарики разной степени надутости, а светлые были заткнуты чистыми тряпицами.

– А окорока? – вдруг спросил Юра у самого ее уха. – Еще должны быть окорока, свешивающиеся с крюков!

– И еще неоципанные фазаны и зайцы, – поддержала его Анфиса, – как на фламандском натюрморте.

– Куда вашим фламандцам до запасливого русского мужичка!

– Это точно.

Он вытащил из-за ремня снятый со стены портрет, пристроил его на пол и вдруг лег на живот, подтянул рукав и зачем-то сунул руку в щель между бревнами.

– Что там? Дохлая мышь?

– Сами вы дохлая мышь!

Что-то звякнуло, и он вытащил руку:

– Смотрите.

Это был спичечный коробок и свечной огарок.

– Вот вам и свеча. Электричества у него в подполе нет, он здесь специально держал свечу и спички. Чтобы светить себе, когда лезешь за самогоном.

– Вам бы только за самогоном!..

– Это точно. Держите фонарь.

Он перекинул вниз ноги, нащупал ступеньку лестницы, которая была прислонена с одной стороны, подтянул себя на руках и прыгнул вниз.

– Ну что там?..

Юра стоял в погребе и оглядывался по сторонам.

– Что, что там?..

Анфиса лежала на животе, и свет, который был у нее в распоряжении, весь сливался вниз, туда, где Юра оглядывался по сторонам и трогал рукой стены, и она изо всех сил старалась не ударяться в панику.

Теперь ей казалось, что привидение со старого портрета – в немецких погонах и фуражке с высокой тульей – сейчас приблизится неслышно, толкнет ее вниз, аккуратно закроет тяжелую крышку, а сверху поставит тяжелый буфет, и больше никто и никогда не найдет Анфису Коржикову и бывшего мента Юру Латышева!

Юра вдруг пошел по проходу между банками, пригибаясь и не торопясь, и ей стало совсем... неудобно.

– Юра, вы куда?!

– Там что-то... есть. Я взгляну.

– Юра, не уходите, я боюсь!

Он задрал голову и посмотрел вверх.

– Ничего страшного. Я здесь.

– Нет, не уходите!

– Анфиса.

– Я тут одна не останусь!

Он помолчал, нагнулся и стал рассматривать полки.

– Тут кругом воск. Белый, как у него на руке. Он был здесь в ту ночь, когда его убили. Я должен проверить.

– Юра, я с вами!

Тут она сообразила, что ведет себя в полном соответствии с правдой жизни, регулярно демонстрирующейся в американском кино, именно ей, как главной героине, он и должен поддать под зад в финальных кадрах. Все это она осознала, но тем не менее проскулила тихонько:

– Юра...

Он вдруг повернулся, сделал шаг назад, задрал голову и оказался с ней нос к носу.

– Анфиса, если хотите, я могу проводить вас домой.

– За... зачем?

Его нос возле ее собственного Анфису нервировал.

– Вы боитесь. Вы боитесь или не боитесь?

– Боюсь.

– Я провожу вас домой.

– А потом что?

Он шумно вздохнул.

– Вы будете пить чай с бабушкой и Клавдией Фемистоклюсовной.

– А вы?

– А я вернусь сюда.

– Господи, вот я и спрашиваю – зачем?!

Ничего она не спрашивала, просто тянула время, и они оба это понимали. Вариантов было два: или она отправляется домой на самом деле, или ей придется спускаться за ним в подвал и там, среди банок с огурцами и бутылей с самогонкой, искать нечто, трудно вообразимое.

А подвал – она еще немного подъехала на животе к краю и вытянула шею, – подвал довольно длинный и, кажется, сужающийся.

– Дайте мне руку. Я так не слезу.

– Вы... уверены?

Анфиса засопела и стала потихоньку съезжать в дыру под полом.

– С той стороны лестница. Можно по ступенькам.

– Я упаду. Ненавижу лестницы.

Анфиса сунула руку ему в ладонь, оттолкнулась и спрыгнула вниз. Юра поймал ее и осторожно опустил на пол.

И что?

И ничего?

Позвольте, а как же романтическое чувство, которое, по идее, должно было охватить обоих от неожиданной, особенной близости – да еще под покровом ночи, да еще в чужом подвале, да еще, так сказать, перед лицом неизвестной опасности?! А все эти запахи и звуки, а обостренное восприятие, а то, что «никто и никогда раньше ничего подобного не чувствовал»?! А случайное, мимолетное объятие среди соленых огурцов и маринованных грибов?! Даже нет, не объятие, а случайное прикосновение, дрожание волос, блеск глаз?! Все, столь любимое романистами во все времена?!

Ничего. Ничего!

Юра Латышев, озабоченный, видимо, вовсе не дрожанием волос и блеском глаз, а соседским подполом, аккуратно поставил ее на свободное место и спросил негромко:

– А где фотография? Та, со стены?

– Там осталась.

– Надо взять, – велел он самому себе, потянулся, пошарил, достал портрет и опять сунул его себе в штаны. – Видите? Вон там?..

– Что?

– Как будто дверь. Видите?

Анфиса выглянула из-за его плеча. В кирпичной стене на самом деле была дверь.

– Господи, – пробормотала она, – только этого нам не хватало!

– Хорошо бы узнать, что здесь было раньше, – опять себе под нос проговорил Юра. – Странно. Дом не слишком старый, а такое впечатление, что...

– Что?

– Что подпол старый. И фундамент тоже. Видите, какие кирпичи? При советской власти таких уже не делали.

Анфиса посмотрела. Кирпичи как кирпичи.

Юра осторожно протиснулся вперед, остановился и нагнулся, чуть было не поддав ей джинсовой задницей.

– Вот его свеча, – сказал он, рассматривая что-то на полу. – А вот чем его... усыпили.

И двумя пальцами он поднял с пола прямоугольный кусок толстой тряпки. Анфиса схватила его за плечо.

– Что это такое?

Юра издали потянул носом и слегка отодвинул вытянутую руку, в которой была тряпка.

– Не надо ее нюхать. Нанюхаетесь, голова будет болеть.

– А что? Что это такое?

– Хлороформ, надежное проверенное средство. Как раз времен Первой мировой войны, по которой вы так скучали.

– Я не скучала по Первой мировой войне! Это вы сказали, что портрет времен Первой мировой, а я, наоборот...

– Чш-ш-ш...

– Что вы шипите? Не шипите на меня!

Он аккуратно свернул тряпку, но запихивать в штаны почему-то не стал, видимо, потому, что там уже был портрет, ошибочно принятый им за фотографию времен Первой мировой войны.

Тут Анфиса вдруг сообразила, что говорит он... всерьез. В смысле, про хлороформ.

– Юра, откуда здесь тряпка с хлороформом?!

– Я вам потом все объясню.

– Нет, сейчас!

– Нет, потом. Тише!..

Они замерли и прислушались.

Половицы скрипнули, как будто по ним кто-то шел, крадучись, осторожно. Анфиса похолодела.

Они никогда не знала, что можно так осязаемо... похолодеть: руки моментально стали ледяными и влажными, и шее стало холодно, словно ледяная сырость стен вдруг добралась до нее.

Юра погасил фонарь. Темнота обрушилась на них бесшумной холодной лавиной.

Ни шороха, ни звука. Только дыхание, горячее, человеческое.

Почудилось?... Почудилось?!..

Она стояли так довольно долго, или Анфисе только показалось?

Потом он пошевелился рядом и прошептал ей в самое ухо:

– Стойте и не дергайтесь.

– Что?!

И опять американские героини из американских фильмов вспомнились ей некстати. Именно они в момент, когда нужно молчать, непременно начинали приставать с расспросами, детальными, сложными, к примеру, о том, кем была его бывшая жена и при каких обстоятельствах его папочка покинул семью.

Вспомнив героиню, она замолчала и только сопела, когда он протискивался мимо нее. Фонарь не горел.

Открытый в полу квадрат теперь казался очень светлым, как будто там, наверху, горел свет, отражался от банок с огурцами, блестел холодным сальным блеском.

Юра Латышев протиснулся мимо, нашарил ногой лестничку и полез наверх.

Куда?! Зачем?!

«Он хочет бросить меня одну. Он собирается меня замуровать. Он и есть преступник. Решил избавиться от меня, оставив здесь, а бабушке скажет, что...»

Что-то приглушенно стукнуло, Юра понадежнее укрепился на лестнице, придерживая руками тяжеленную крышку.

Анфиса подумала, что так, должно быть, закрывается гроб.

Старое дерево скрипнуло в пазах, и крышка легла на свое место.

Лунный свет – последняя надежда! – исчез, отрезанный от них деревянной стеной.

Все.

Мы погребены под землей, торжественно подумала Анфиса. Конец истории.

В финальных кадрах не будет не только поцелуя, но и пинка под зад. Только закрывающаяся крышка гроба.

– Вы здесь?

Она кивнула сосредоточенно, словно он мог ее видеть.

– Анфиса?

– Зачем вы это сделали?

– На всякий случай. Никто не должен вернуться, но на всякий случай.

– Он все равно увидит, что половики подняты!

– Не сразу, – прошептал Юра. – Не сразу. А потом черт знает, насколько он наблюдательный. Может, и вовсе ничего не заметит.

– Почему «он»? Может, «она»?

Юра зажег фонарь, и Анфиса рукавом прикрыла глаза, по которым полоснул свет.

– Он. Она не вытащила бы отсюда соседа. Он был мужчина... увесистый. Пошли.

– Юра, я ничего не понимаю.

– Видите дверь?

– Ну вижу.

Дверь была прочно сколоченная, как латами, перетянутая ржавыми железными скобами.

– Надо посмотреть, что за ней.

– Может... не надо?

– Поздно, – вдруг сказал он. – Я уже не могу отправить вас домой. Так что пойдем.

Он опять протиснулся мимо нее. Луч света плясал у него в руке. Пригибаясь, он подошел к двери и подергал ее.

Анфиса почему-то была уверена, что дверь ни за что не откроется, что это какой-то обман вроде очага, нарисованного на холсте в каморке у папы Карло, и чуть не умерла на месте, когда дверь вдруг легко открылась, даже не скрипнув.

– Стойте здесь.

– Я... не могу.

– Я только взгляну, что там.

Он шагнул в темноту, и свет фонаря сразу пропал, как отрезанный.

«Никогда-никогда больше я не стану играть ни в какие детективные игры. Пусть играет тот, кто не знает, как это страшно. А я не буду. Я-то уже знаю! Я боюсь так, что с каждой секундой мне становится все труднее дышать. Воздух тоже боится, прячется, и его остается все меньше и меньше. Меньше и меньше...»

– Анфиса, идите сюда!

Его голос прозвучал глухо, как из бочки.

– Анфиса!

Она рванулась вперед, кажется, задела что-то, потому что жалобно и испуганно зазвенело стекло.

– Здесь подземный ход!

– Что?!

Она выскочила в круг света и замерла.

Это оказался настоящий подземный ход – как в кино про старый замок. У него были... своды, обложенные влажным камнем, и в нем можно было стоять.

– Господи боже мой, где мы?!

– Пошли.

– Куда?!

– Вперед. Нужно выяснить, куда он выходит. Я догадываюсь, конечно, но все равно надо проверить.

– Юра, может, в милицию позвонить?

– Держитесь за меня. Он не должен быть слишком длинный.

– Почему?

– Это же не одесские катакомбы! – ответил он непонятно, и они стали потихоньку продвигаться вперед.

«Я хочу домой, – твердила про себя храбрая Анфиса Коржикова. – Под одеяло. Спать. Я хочу домой спать. И чтобы Юра спустил собаку Грега, и чтобы она патрулировала территорию. Я не хочу никакой подземный ход!»

А что, если здесь... скелет? Разбросанные кости, череп, откатившийся в сторону?! Что, если здесь убивали и мучили людей?! Что, если здесь обосновались сатанисты, и сейчас мы выйдем в огромный и мрачный зал, где уже горит жертвенный костер, поджидая нас? И из-за стены сейчас появится человек в одежде средневекового монаха, и шагнет, и загородит нам проход?! Что, если именно здесь и обитает наше семейное привидение, студент-утопленник?!

Мать божья, помоги мне!

Я боюсь так, как никогда и ничего не боялась, и теперь я точно знаю, что нельзя играть с огнем, что это грех, грех, права Клава!.. Нельзя от нечего делать ввязываться в такие сложные и темные дела, нельзя, нельзя!..

Я больше не буду, никогда не буду, Пресвятая Дева Мария. Кого там поминала бабушка? Блаженного Панкратия?! Панкратий, дорогой, послушай меня, я все поняла и больше не буду. Ну, ты не наказываешь детей за то, что они дети, просто заигравшиеся дети, и меня помилуй, пожалуйста!.. Я правда больше не буду!»

– Что вы там шепчете?

– Я не шепчу. Я боюсь.

– Мы сейчас выберемся. Не бойтесь.

– Мы не выберемся! – пискнула Анфиса. – Слышите, вы!..

Подземелье закончилось внезапно. Перед ними выросла глухая стена, по которой шарил луч Юриного фонаря.

Анфиса споткнулась и чуть не упала. Юра посветил. Под ногами у них валялись куски трухлявого дерева и какие-то железки. Истлевшие доски были прислонены к стене в полном беспорядке.

– Здесь должен быть выход, – сам себе сказал Юра. – Держите.

Она взяла у него фонарь, и он стал проворно разбирать доски, отбрасывать их к правой стене.

Он оказался прав. Под досками обнаружился полукруглый лаз, прикрытый вполне современной фанеркой. Эта фанерка была надеждой, приветом из мира живых – здесь были люди, живые люди, и они не умерли, а даже прикрыли лаз фанеркой!

Юра аккуратно переставил фанерку и полез в отверстие.

– Посветите мне!

Анфиса послушно светила.

– Дайте руку!

Анфиса переложила фонарь и протянула руку.

Он сильно дернул ее, и Анфиса выскочила в какой-то следующий подвал, темный и вонючий. Пахло плесенью и гнилыми досками.

– Где мы?!

Он ничего не ответил, взял фонарь и посветил по сторонам.

Какие-то пустые полки, куча тряпья на полу – Анфиса вздрогнула и спряталась за него, – кипы старых журналов, сложенные корешками наружу. В стене были сделаны ступеньки, и Юра уверенно, как к себе домой, полез по ним вверх.

– Не отставайте, Анфиса.

– Где мы?!

Он поднялся на две ступеньки, уперся руками в потолок и как будто откинул его в сторону. Еще одна крышка!

– Вылезайте, Анфиса! Ну! Последнее усилие!

Следом за ним она выбралась в тесное помещение, заставленное бочками, досками, заваленное перевязанными бечевкой старыми газетами. В углу были кучей составлены какие-то лыжи, а под низким потолком громоздились санки с оторванной спинкой.

Все это было... до странности знакомым. Словно уже виденным однажды и давно позабытым.

Пошарив рукой, он толкнул дверь, что-то зазвенело, упало и покатилося, и они оказались на улице, где было светло и радостно от луны, где воздуха – сколько угодно, где не пахло плесенью и мышами, и над головой не было сводчатого потолка.

– Юра!

– Мы на нашем участке, – быстро сказал он. – Это старый погреб. Мы никогда им не пользуемся. Что это вы? Не узнаете?

Анфиса смотрела на него во все глаза.

– Старый погреб?! Наш участок?!

– Вон там дом, – он показал рукой на веселые огни за деревьями. – Вон беседка. Узнали?

Она молчала. Он вздохнул.

– Ну что? Покурим?

Шел дождь, и на улице было серо и как-то сумрачно, хотя довольно рано. В такие дни, как писал когда-то очень любимый Алексей Толстой, «особенно не хочется жить».

Вот Анфисе и не хотелось – следом за героями «Хождения по мукам». Настроение такое нагрянуло и придавило. Чувство юмора и даже некоего ухарства, свойственное ей, а также неловкость перед бабушкой, которая отродясь не поддавалась унынию, не позволяло Анфисе признаться себе в том, что жить ей действительно не хочется.

Она позвонила на работу Илье Решетникову – господи, она еще и о нем думает! – и сказала жеманной секретарше, что задержится.

Секретарша, будь она неладна, пролепетала, что все передаст.

– Это Анфиса Коржикова. Точно передадите? – настойчиво переспросила Анфиса.

– Да-да! Ну конечно, конечно, я все передам, как же иначе! Я всегда и все докладываю!

А кто это?

– Анфиса Коржикова, – произнесла Анфиса почти по слогам.

– Алиса Мурзикова, – повторила секретарша, – я все записала и передам.

– Понятно. Спасибо.

Дождь все шел, стекал по лобовому стеклу, «дворники» мерно постукивали.

Жить Анфисе хотелось все меньше.

Она набрала номер Ильи, но безрезультатно, телефон не отвечал, а на секретаршу надежды не было никакой – Алиса Мурзикова, и точка! И ничего тут не поделаешь, и ничего не изменишь.

Откуда они их берут, этих самых секретарш?! Где таких выращивают? В специальных питомниках, что ли?

От стука «дворников» заломило висок, и Анфиса их выключила. Сразу стало как-то очень тихо, словно и не ревели рядом оживленная московская улица.

Анфиса еще раз набрала номер и еще раз выслушала печальную повесть о том, что «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Жить с каждой секундой хотелось все меньше.

Следовало быстро принять меры, и Анфиса точно знала, какие именно.

Решительной рукой она повернула ключ зажигания. Мотор радостно заурчал, и проклятые «дворники», которые нынче сводили ее с ума, болтнулись по стеклу.

У-ух, как Анфиса сегодня ненавидела эти «дворники»!

Она медленно тронулась с места и поехала потихоньку, высматривая, как зоркий сокол, подходящую «точку».

Из-за дождя машины не ехали, а ревели, стонали и ныли, фырчали моторами, как будто стадо слонов мотало мокрыми ушами. Кое-как Анфиса втиснулась в дырку между машинами, посмотрела в боковые зеркала – не слишком ли торчит зад, – он торчал очень даже «слишком», но она решила не обращать на это внимания. Ну что поделать, раз день так не задался!

Кое-как вывернувшись, она встала коленками на свое сиденье и достала с панели у заднего стекла зонтик. Тащить его было очень неудобно, мешал подголовник, но Анфиса пыхтела и тянулась и вытащила в конце концов!

Она приоткрыла дверь, просунула в щель руку с зонтиком и распахнула его. Он, разумеется, застрял – щель была мала, и она еще выворачивала зонт, чтобы совсем не намочнуть. Потом, извиваясь, вылезла сама и получила еще одну порцию допинга.

Два молодца на тротуаре, по виду какие-то недокормленные студенты, радостно скалились прямо в ее чудный английский зонтик, и похрюкивали, и махали ей руками в замызганных рукавах одинаковых джинсовых курток, и предлагали повторить «на бис».

Видимо, наблюдали, как она мужественно лезла за зонтом на панель у заднего стекла.

Глупо было изображать из себя гордую птицу чайку Нину Заречную, но Анфиса изобразила – вскинула сумочку на плечо, нажала кнопку на брелочке, задрала подбородок и гордо прошествовала мимо студентов.

Шествие ознаменовалось попаданием в гигантскую лужу – ноги моментально и фатально промокли, в сапожках захлюпало, а недоумки все ржали, и ей казалось, что все вокруг понимают, что они ржут над ней.

Анфиса перебежала дорогу в «неположенном месте», прямо под носом у толстого лимузина, и его толстый водитель укоризненно и необидно погрозил ей пальцем.

Она добралась до кафе на той стороне, потянула тяжелую дверь и сразу очутилась в сухом и ровном тепле.

Пахло кофе, хорошей выпечкой и еще чем-то вкусным.

Это было хорошее кафе, одно из ее любимых, новых, которых в последнее время открылось в Москве множество. И хорошее место было свободно – у самого окна, под замысловатой и стильной лампой, сейчас погашенной. Музыка была тихой, и огромный омут плазменного телевизора черен и пуст – ненавистное «Fashion TV», проклятие всех московских ресторанов, видимо, было на профилактике.

Анфиса заказала полноценный завтрак, а не какую-то там булочку с отрубями и тертую морковь.

Она заказала яичницу, апельсиновый сок, круассан, кусок орехового торта, малину и большую чашку кофе.

Испытанный рецепт спасения – сытный завтрак, много кофе и вкуснейший десерт.

Принесли яичницу, огромную, как поднос, посыпанную зеленью, сдобренную беконом и ветчиной, и Анфиса накинулась на нее, словно никогда в жизни не ела яичницы.

Когда закончилась малина и был выпит последний глоток кофе, дождь кончился тоже, на небе откуда-то взялось солнце, и машины поехали быстрее, и жить захотелось, и стало наплевать на «Хождение по мукам»!

Анфиса сунула английский зонтик в сумку и отправилась жить дальше.

Жить дальше означало, что она должна тащиться в офис к Илье Решетникову и затевать там «независимое расследование», и это после того, как она поклялась этой ночью в подвале больше ничего такого не делать и даже призвала в свидетели святого Панкратия!

Впрочем, накануне они договорились, что поедут вдвоем с Натальей, но утром Анфиса позвонила подруге и все перерешила – она не могла, ну не могла прийти в аптеку после ночных

приключений и делать там вид, что ничего не происходит! Наталья мигом бы ее раскусила, и заведующая раскусила бы, а радовать Лидочку своими переживаниями и испорченными нервами ей не хотелось. Обойдется. У нее, у Лидочки, и так все хорошо.

Поэтому, пообещав Наталье, что вечером обязательно ей позвонит, Анфиса отправилась в кофейню страдать и спасать себя куском орехового торта.

Бабушка чуть не умерла, узнав о том, что внучка ночью ползала по подземному ходу.

Впрочем, кажется, она только прикидывалась умирающей, на самом деле приключение ее отчасти восхищало. А вот Клавдия непосредственно после рассказа слегла с тряпкой на голове и только время от времени подавала сигналы голосом, и все о том, какую змею они пригрили на груди, точнее, змея, и как этот змей отплатил им за все, что они для него сделали, чуть не уморив «девочку».

Змей покаянно курил, морщился и косился в сторону Клавдии, лежавшей на диване, как косилась всегда московская сторожевая Грег, когда съедала на кухне несанкционированную миску котлет.

В ходе следствия выяснилось, между прочим, что на месте нынешнего соседского дома когда-то был барский флигель, еще когда вся усадьба принадлежала бабушкиному прапрадедушке. Флигель после войны сломали, ибо он был осколком «старой жизни», и раскатанные бревна еще долго валялись и гнили в лопухах, а потом дальние дачники потихоньку уволокли их на свои участки. Это происходило как раз в те времена, когда достать ничего было нельзя – ни досок, ни гвоздей, ни бревен. Когда любое частное строительство вызывало у партийного начальства законные подозрения в том, что конкретный дачник со своими бревнами хочет уклониться от строительства коммунизма и бросить все силы на строительство своего частного сортира. Партийное начальство никогда не ошибалось в своих подозрениях, наоборот, оно было настолько прозорливо, что заранее пеклось о возможных частных интересах граждан и гражданок и пресекало их на корню.

Поэтому флигель разобрали, – чтобы в нем никто не поселился, – а про подвал, разумеется, никто и не вспомнил.

На бабушкином участке старый погреб тоже почти не эксплуатировался, потому что лет тридцать назад был возведен «новый», там было посуше, попросторней, и рядом находилось помещение, где держали лопаты, грабли и все прочее. Про старый забыли, он зарос бузиной, жасмином и плесенью, и отец, пока был жив, все хотел его снести, да руки не доходили, а глинобитный сарайчик не слишком и мешал.

Участок был огромный, и даже при наличии ненужного погреба на нем вполне хватало места.

Все это, конечно, замечательно, но никакого света на тайну смерти Петра Мартыновича не проливалось.

Фотографию в немецкой форме бабушка рассмотрела сначала через очки, а потом без очков. Затем поднесла ее стенающей Клавдии, которая тоже разглядывала ее сначала так, а потом эдак.

– Не знаю, – сказала бабушка задумчиво, и Клавдия согласно кивнула, как если бы та с точностью выразила ее мысли. – Понятия не имею. Кто это может быть?..

– Даже не это главное, – осторожно заметил Юра, стараясь не приближаться к Клавдину одру, – главное, откуда она взялась на стене?! Или наш сосед был в душе поклонником «Майн кампф»? И зачем он ее на стену повесил!?

– Да, – задумчиво подтвердила бабушка, – а ведь лет тридцать назад за хранение такого портрета можно было... политическую статью получить. Выходит, он его зачем-то хранил? Вряд ли она всегда у него на стене висела! Он ведь учительствовал, и школьники к нему ходили, настучали бы обязательно, если бы увидели. Тогда это было модно – стучать. Это сейчас можно хоть императора с императрицей, даже если и китайского!..

– Что китайского, бабушка?

– Ну, китайского императора на стену вешать, и все только обрадуются, что ты такой разносторонний человек, друг китайцев... А тогда...

– И все же он хранил, – громко сказал Юра. – А потом на стенку повесил. Зачем?

– Да если бы вы не были умалишенные такие, – заговорила Клавдия с дивана, – как портрет этот завидели, так и бежали бы оттуда, и в милицию, в милицию!..

– Клавдия Фемистоклюсовна, от нас до милиции бежать далеко!

– А подземный ход? – спросила Анфиса, которую этот самый ход продолжал мучить, никак не отпускал, как будто своды его смыкались у нее над головой. – Насколько я поняла, этот подземный ход был между флигелем и погребом, то есть поблизости от барского дома. Зачем он был нужен? Кому? Кто его копал?

– И-и, матушка, – отмахнулась Марфа Васильевна, – разве же сейчас узнаешь? Может, прадед рыцарские времена очень уважал? Или...

– Скорее всего, не рыцарские времена, – перебил Юра, – а подпольщиков. Простите великодушно, Марфа Васильевна. Ничего не вспоминается такого?.. Никто из семьи революционными идеями не страдал?

Все уставились на него в изумлении, словно он сказал некую непристойность.

– Идеями? – переспросила бабушка иронически.

– Ну да. Вот... совсем недавно писателей на дачах прятали, а они из себя истопников изображали. В семидесятые годы это было, Леонид Ильич Брежнев такие игры с писателями очень уважал! А тогда? Разве не скрывали?

У Анфисы загорелись глаза, и вдруг ей стало весело:

– Слушай, бабушка, а что? Это идея! Может, у нас на участке была подпольная типография?! Может, здесь «Искру» печатали?! И этот приезжал... как его...

– Кто?

– Бауман, вот кто!

Бабушка помолчала, а потом закурила.

– Почему Бауман?

– Ну, не знаю. Он вроде все эту «Искру» перевозил! Ну вот. В подполе был печатный станок, а через подземный ход они уходили, когда наезжал урядник. А?

Воцарилась пауза.

– Во всем этом нет ничего смешного, – отчеканила Марфа Васильевна через некоторое время и рассерженно постучала тонкой сигареткой о край пепельницы. Потом прищурилась и посмотрела на дым. – Решительно ничего, моя дорогая. Все это очень и очень печально. Игры с огнем никогда не кончаются ничем, кроме пожара. Они очень увлеклись, играя с огнем. Не знаю, при чем здесь наши предки, но... но это вполне возможно, – заключила она с печальной твердостью, как бы признавая и свою ответственность за содеянное. – Вы правы, Юра. Прадед, кажется, даже в Петропавловке провел несколько недель, именно за помощь «Народной воле». Отец потом его... поручился за него – или залог внес, что ли! Это они тогда все эту ерунду революционную из Германии привозили, из Дрездена. Все им казалось, что, как только они государя низложат, страна заживет по-другому, весело, радостно!.. Все будут трудиться на собственное благо и во имя высоких целей. Только твой Бауман, – язвительно заметила она, обращаясь к Анфисе, – тогда еще не родился.

– Нет, – вдруг серьезно сказал Юра. – Вы не правы, Марфа Васильевна.

– Он еще спорит! – простонала с дивана Клавдия Фемистоклюсовна.

– Никто не хотел никакого блага. Может, десяток человек из... образованных, а остальные... Для остальных это все была только борьба за власть. Не за идею. Власть привлекательнее всего остального, и ничего нового в этом нет со времен убийства Цезаря. Этих, которые боролись за идею, просто использовали те, которые боролись за власть. А террор и тогда, и

сейчас – просто террор. Борьба против своих. Война с мирным населением. Идеалы тут ни при чем, Марфа Васильевна.

– Террор? Кто говорит про террор?

– Я говорю, – тихо сказал Юра. – «Отпусти им, Господи, ибо не ведают, что творят»!

Марфа Васильевна перестала постукивать папироской, Клавдия прекратила стонать и перекладывать на голове тряпку, Анфиса, страсть как любившая «умные разговоры», больше иронически не улыбалась. То ей все было смешно, когда она думала про Баумана, а тут перестало.

– Так, кажется, великая княгиня велела написать на могиле террориста, убившего ее мужа?

Все молчали. Дымилась бабушкина сигарета.

– А надо было на террор отвечать террором, – с силой сказал Юра. – Как Ленин впоследствии! Вот уж кто ничего не боялся, и за душу свою бессмертную не хлопотал! А они все прощали, потому что им так Господь велел!

– Ты согласишься с Господом? – почему-то на «ты» спросила его Марфа Васильевна. – Напрасно.

– Я не спорю с Господом! Я спорю с людьми, которые позволили проделать с собой то, чего нельзя было позволять! Почему я должен прощать какому-то подонку смерть своего любимого человека?! Только потому, что Господь призывал прощать?! Но я не могу простить, я не бог! Это он может, потому что он... он знает все лучше нас и очень давно живет, а я не могу! Я готов забыть, но простить – никогда! И самое главное, что я не хочу, – вдруг добавил он свирепо, – не хочу прощать. Я здесь живу, и то, что они когда-то сделали со страной, они сделали и со мной. Я всю жизнь занимался грязной работой, подчищая за мерзавцами, которые на свет родились только потому, что великая княгиня когда-то простила того подонка! Если бы она не простила, мерзавцев было бы меньше, как вы не понимаете?!

Все молчали и смотрели на него, и Клавдия Фемистоклюсовна, сдернув с головы тряпку, приподнялась и села на диване, и у Марфы Васильевны от сигареты отвалился столбик серого пепла и неслышно упал на скатерть. Она даже не заметила.

Анфиса Коржикова подошла к нему, взяла его за запястье и пожала.

– Ничего, – сказала она. – Все нормально, Юра.

Вид у него был довольно дикий.

Бабушка моментально взяла все в свои руки. Велела Клавдии перестать валяться, смахнула пепел в пепельницу, потребовала чай, ватрушку и бутербродов с колбасой. Клавдия захлопотала, Юра посидел-посидел, закурил и расслабился, и разговор от высоких материй перешел к более приземленным.

– А вот у меня есть замечательная история, – поглядывая на Юру с каким-то новым чувством, начала Марфа Васильевна. – И как раз про революционэров, раз уж у нас такой... разговор. Вы толкуете про борьбу за власть, а я вам скажу, что там у них, у большевиков, еще была страшная борьба за мужиков. Да, да, – сказала она, заметив, что Анфиса улыбается, – всем революционэркам хотелось получше устроиться, и они боролись за свое место под солнцем. Ну, Ленин, самый перспективный в смысле власти, к тому времени был уже абонирован, и разженить его с Надеждой не было никакой возможности. Оставалось некоторое количество мужичков помельче, и за них все отчаянно сражались. Был среди них такой приличный немецкий дяденька по фамилии Ренгник. На него в свое время положила глаз Землячка, но он ее отверг, можете себе представить! Он ее отверг и женился на обыкновенной девушке, вовсе не революционэрке, можете себе представить! Она была толстушка, веселая и с чувством юмора. А сам Ренгник был такой трогательной души человек, что из пролетарского кремлевского буфета, когда в стране был голод, этой своей жене приносил кусочек курочки. У него нагрудный карман пиджака всегда был сальный, потому что он курочку клал туда.

Все слушали эту удивительную историю, не перебивая.

– Сталину даже не удалось его расстрелять, – сказала бабушка несколько хвастливо, как будто гордилась революционером Ренгником, – он умер от туберкулеза, была у него такая счастливая возможность. А я дружила с его дочерью Тамаркой, – заключила бабушка. – Вот такие дела.

Клавдия подала чай, все расселись вокруг стола, чувствуя себя чуть-чуть по-другому, не так, как до случившегося нынче вечером разговора, и разошлись спать, уговорившись, кто и чем занимается завтра утром.

Бабушка обещала выяснить, что было в старом доме во время войны и откуда могла взяться фотография. Для этого нужно позвонить Ивану Ивановичу, запудрить ему мозги как следует и убедить его в том, что ее этот вопрос интересует из чистого любопытства. Ну, может, она вступила в общество юных следопытов и теперь идет тропами Великой Отечественной войны!

Клавдия взялась расспросить деревенских знакомых про самого Петра Мартыновича и про его учительскую деятельность, а Юра обещал выяснить что-нибудь про родственников. «По своим каналам», как выразился он.

Таким образом, на сегодняшнее утро Анфису решительно не волновала судьба бритого сэра Квентина по имени Илья Решетников, и ввязываться в новую авантюру ей совсем не хотелось.

Но поздно, поздно!..

Яичница, круассан, торт и малина были съедены, кофе выпит, и ничего не осталось такого, из-за чего можно было бы еще отложить свое «независимое расследование».

– Моя дорогая, – провожая ее утром, сказала бабушка, – боюсь, что ты даже не подозреваешь, в какое отвратительное дело впутываешься! Еще только бандитских разборок тебе не хватает!

Анфиса и представить себе не могла, насколько на этот раз бабушка оказалась права!..

Примерно в полдень Мика сказала себе, что она, пожалуй, близка к истерике.

Она не знала хорошенько, что значит быть близкой к истерике, но такое состояние ей нравилось. Оно означало, что Мика готова разрыдаться – вот уже глаза налились слезами, – что все очень плохо, даже не плохо, а ужасно, что кошмары сегодняшней ночи продолжают преследовать ее, что она не может, не может больше!..

Она именно так и думала про себя – про «кошмары сегодняшней ночи» и про то, что «больше не может!..».

Утром она позвонила Валентину и все ему рассказала.

Он пришел в невообразимое бешенство.

Он орал и визжал так, что растерянно улыбавшаяся в трубку Мика должна была отнести ее подальше. Она пугалась, когда так кричали возле самого ее уха.

– Идиотка! – орал Валя. – Дура, мразь! Сколько раз я повторил тебе, *что* нужно сделать, а что ты сделала?! Ну, что ты сделала?!!

Она хотела заплакать и не могла – от потрясения. С ней никто и никогда не разговаривал таким тоном, даже бывший муж, хам и деревенщина. Бывший муж если и орал, то как-то необидно, легко, через пять минут забывал, что орал, становился ласковым и обычным.

Кроме того, он никогда ее не оскорблял. Мика даже представить себе не могла, что ее можно... оскорблять.

Разве можно? Никак нельзя. Она такая... славная, милая, чудесная женщина. Нежное существо. Тонкая натура. Разве таких... оскорбляют?!

– Овца!!! – отчетливо выговаривал в трубке Валентин. – Последняя безмозглая овца!! Пропави ты пропадом со своим паршивым папашкой! Знать тебя не желаю!

– Валенька, но как же так?! Я сделала все, как ты мне говорил. Я только потом увидела, что... что произошло, что случилось!.. Я тогда уже не могла... Я хотела, но не могла! Я не знаю, как я выбралась оттуда, Валенька!

– Вот теперь пойд и заведи все оттуда. Прямо сейчас. Как хочешь, так и заведи. Отдашь мне и можешь считать себя свободной, твою мать!.. Поняла, дура?! Ты пойдешь и сделаешь это немедленно! В три часа я жду твоего звонка, а до того не смей мне звонить, дубина, корова!

– Валя, я не могу! Как я туда попаду?!

– А меня это не интересует, мать твою так! Как хочешь, так и попадай, я не знаю, как с вами, овцами, можно дело иметь!.. Или ты меня подставить хочешь?! Говори! Хочешь меня подставить, стервозина проклятая?!

Мика все держала трубку в вытянутой руке и растерянно ей улыбалась.

– Валя, я не хотела, просто так получилось...

– Получилось! Я же, мать твою, для тебя старался и для твоего папашки полоумного! Ты все мне вернешь и можешь считать себя свободной, поняла? И ни минутой раньше! Или я тебя урою, блин! Ты так и запомни, сука безмозглая! Не вздумай меня кинуть, слышишь?! Овца, блин!

– Валя, я не знаю, о чем ты говоришь. Я... я так старалась, я так боялась, я чуть не умерла, когда... когда... это все...

– А мне плевать, блин, как ты там старалась или не старалась! Ты мне должна вернуть то, что ты у меня взяла!!! И все, все! В три в «Ле Кадо»! И чтобы все было при тебе!.. Или я тебя... так что никакой папочка не найдет!..

– Валя, ты... о чем?

– У меня ключи есть от твоей квартиры, помнишь?! Сука! И не вздумай в ментуру кинуться! Я тебе кинусь! Я и тебя, и твоего папашку вшивого урою, поняла?

Он больше не кричал, говорил тихо, и Мика почему-то все продолжала слушать его и выключила телефон, только когда от коротких гудков заломило висок.

Она долго держала трубку в руке, рассматривала узкие клавиши, будто в этом был какой-то смысл.

Потом включила музыкальный центр, и из колонок грянула кантата Баха, но оказалось, что она не может слышать кантату Баха. Поэтому она быстро и нервно переключила кнопку на какую-то радиостанцию.

В утреннем шоу безобразничала какая-то парочка, мальчик и девочка. Безобразничала талантливо и с огоньком.

– Андрюша, – говорила девочка, – сейчас мы будем играть с нашими радиослушателями в одну веселую игру. Мы будем спрашивать у них, знают ли они, какое нижнее белье надел сегодня утром их супруг или супруга. Бойфренд или герлфренд. Андрюша, у тебя есть бойфренд?

Андрюша радостно проблеял, что бойфренда у него нет, и вообще он не понимает таких намеков.

Девочка развеселилась и сказала, что никаких намеков она не делает, а все говорит исключительно прямо.

Мика ходила по комнате и слушала.

Слушала затем, чтобы не оставаться наедине с тем, что только что голосом Вали наговорила ей трубка. Она еще до конца не верила в происшедшее, как не верила всю ночь в то, что случилось с ней, когда она была... там.

Почему-то ночью ей было не так страшно, как сейчас, после разговора.

Она знала, что, как только выключит радио, ей придется остаться наедине со всеми словами, которые наговорил ей Валя, ее любимый Валя, ее друг, ее надежда и опора, ее единственное спасение.

Не только ее, но и отца!..

Она не могла остаться наедине с собой.

Она была близка к истерике.

Просуществовав некоторое время в таком состоянии, словно ее, голую, при всем честном народе привязали к дереву и забросали собачьим пометом, Мика решила, что нужно что-то предпринять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.